

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 3 • 2020

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goebel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео, США; **Илсон Роберт (Ison Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack С.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г.** (зам. главного редактора), доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжкина Т.Ю.** (отв. секретарь), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 25.11.2020. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 160 экз. Изд. № 11553. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.

Тел.: (495) 230-20-52

СОДЕРЖАНИЕ

Язык. Познание. Культура

- Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н.* Номинация онтологического пространства в русских и английских народных сказках: сопоставительный аспект 9
- Загрязкина Т.Ю.* «Вехи идентичности» в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании) 24
- Доржиева Г.С., Ткачева О.А.* Эргонимы в туристическом дискурсе: типологический и функциональный аспекты (на примере эргонимов Республики Бурятия) 39
- Исаева А.Ю.* Лингвистические способы поэтизации образа Парижа XIX в. в нефикциональном повествовании 50

Теория языка и речи

- Комарова А.И.* Мотивированные vs немотивированные термины географии 61
- Едличко А.И.* Орфоэпические нормы немецкого языка: проблемы систематизации и кодификации 72

Теория и практика перевода

- Полубиченко Л.В.* Диминутивы как лингвистически релевантные личностные индексы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их передача в переводе 83
- Горбачевская С.И., Меркиш Т.А.* Уровни переводческого анализа текста короткого рассказа (из опыта перевода рассказов В. Борхерта на русский язык) 97

Когнитивные исследования

- Грецкая С.С.* Когнитивно-функциональное конструирование поликультурной идентичности в художественном тексте 106

Традиции и современные тенденции культуры

<i>Карташева Н.В., Романова А.А.</i> Творческие принципы режиссуры Б.А. Покровского	116
<i>Глазова Е.А.</i> Французская идентичность в современной французской рекламе: язык и культура	124
<i>Овчинникова Ю.С.</i> Программа лекционного курса «Традиционная музыка в культуре народов мира»	135
<i>Никитина Л.В.</i> Культура питания современной Японии – единение традиций и новаций	144
<i>Грушевская Е.Г.</i> Влияние массовой культуры на элитарную (на при- мере итальянского футуристического театра)	154
<i>Деревцова Е.Ю.</i> Событие как онтологическая категория в художе- ственной структуре античной трагедии	162

Теория и практика обучения иностранным языкам

<i>Сысоев П.В.</i> Этапы разработки учебных материалов для предметно- языкового интегрированного обучения	169
<i>Брыгина А.В.</i> О проблеме адаптации художественных текстов для учебных целей	179

Юбилеи

<i>Робустова В.В.</i> К юбилею Галины Георгиевны Молчановой	188
---	-----

CONTENTS

Language. Cognition. Culture

- Levitsky A.E., Nikul'shina T.N.* Designation of Ontological Space in Russian and English Folk Fairy-Tales from the Comparative Perspective 9
- Zagryazkina T.Yu.* "Milestones of Identity" in the Intercultural and Language Aspects (from Provence to Occitania) 24
- Dorzhiyeva G.S., Tkacheva A.O.* Ergonyms in Tourist Discourse: Typological and Functional Aspects (A Case Study of Ergonyms of the Buryat Republic) 39
- Isaeva A.Yu.* Linguistic Methods of Poetization of the Image of Paris in the Non-Fictional Narrative of the XIX Century 50

Language and Speech Theory

- Komarova A.I.* Semantic Variations of Metaphoric Terms of Geography . . 61
- Edlichko A.I.* Orthoepical Norms of the German Language: Some Problems of Systematization and Codification 72

Theory and Practice of Translation

- Polubichenko L.V.* Diminutives as Linguistically Relevant Personal Indexes in Mikhail Bulgakov's Novel *The Master and Margarita* and Their Rendering in Translation 83
- Gorbacevskaja S.I., Merkish T.A.* Short Story Text Translation Analysis Levels (Based on the Experience of Translating W. Borchert's Stories into Russian) 97

Cognitive Studies

- Gretskaya S.S.* A Cognitive-Functional Perspective on Multicultural Identity Construction in Fiction 106

Traditions and Modern Tendencies of Culture

<i>Kartasheva N.V., Romanova A.A.</i> Boris Pokrovsky's Main Creative Principles	116
<i>Glazova E.A.</i> French Identity in Modern French Advertising: Language and Culture	124
<i>Ovchinnikova J.S.</i> The Program of the Lecture Course 'Traditional Music in the Culture of Peoples of the World'	135
<i>Nikitina L.V.</i> The Food Culture of Modern Japan is a Unity of Traditions and Innovations	144
<i>Grushevskaya E.G.</i> The Influence of Mass Culture on High Culture (A Case Study of the Italian Futurist Theatre)	154
<i>Derevtsova E.Yu.</i> Event as the Core of the Ancient Greek Tragedy	162

Theory and Practice of Teaching Foreign Languages

<i>Sysoyev P.V.</i> Stages of the Development of Teaching Materials for Content and Language Integrated Learning	169
<i>Brygina A.V.</i> On the Issue of Adaptation of Literary Texts for Educational Purposes	179

Anniversaries

<i>Robustova V.V.</i> To Galina G. Molchanova Jubilee	187
---	-----

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

А.Э. Левицкий, Т.Н. Никульшина

НОМИНАЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Автомобильно-дорожный институт Государственного образовательного
учреждения высшего профессионального образования*

*«Донецкий национальный технический университет»
84646, Донецкая область, г. Горловка, ул. Кирова, 51*

В статье раскрываются лингвокультурологический и сопоставительный аспекты номинаций онтологического пространства в русских и английских народных сказках. Эмпирической базой исследования послужили единицы лексико-грамматического класса существительных.

Онтологическое пространство представляет собой форму физического бытия: объект сказочного мира находится в определенной среде (земля, вода, воздух) и проживает на определенной территории (впадина, равнина, гора, полуостров, остров), расположенной в определенном направлении (север, юг, запад, восток).

Рассмотрение параметров онтологического пространства в рамках лексико-семантического поля (ЛСП) выполнено в сопоставительном измерении. Его ядро в английских сказках представлено микрополем «Географическое пространство», в русских – микрополем «Геологическое пространство». В обеих лингвокультурах микрополе «Среда обитания» формирует периферию. Сделанные выводы отражают отношение носителей английского и русского языков к онтологическому пространству. Иллюстративный материал и количественные данные подтверждают полученные авторами теоретические выводы. Определены изоморфные и алломорфные черты исследуемого понятия на соответствующем языковом материале.

Левицкий Андрей Эдуардович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: andrelev@list.ru).

Никульшина Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой «Иностранные языки» АДИ ГОУ ВПО «ДОННУ» (e-mail: tan_n-n@mail.ru).

В настоящей работе вербальная экспликация онтологического пространства определяется в дискурсивном (народные сказки), лингвокультурном (английском и русском лингвосообществах) и сопоставительном ракурсах.

Ключевые слова: онтологическое пространство; географическое пространство; геологическое пространство; среда обитания; лексико-семантическое поле; микрополе; ядро; периферия; английские и русские сказки.

Постановка проблемы. На современном этапе развития лингвистики для исследования функционирования языковых единиц все большую роль приобретает фактор человека как активного субъекта познания. Антропоцентрическая ориентация современного языкознания свидетельствует об изменении приоритетов, о переходе от лингвистики традиционной к лингвистике антропоцентрической, что предполагает исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом [Болдырев, 2015; Демьянков, 2016; Кубрякова, 2004; Левицкий, 2016; Молчанова, 2004].

Исследования начала XXI в. [Бардамова, 2012; Богданова, 2011; Болдырев, Чистякова 2015; Левицкий, 2012; Никульшина, 2013, 2014; Свойкина, 2014; Скрынникова, 2004; Шамне, 2009 и др.] характеризуются возрастающим вниманием к категории пространства как базисной структуры человеческого сознания и основополагающей для человека, жизнедеятельность которого происходит в определенной системе координат, при определенных природных условиях и на определенной территории.

Цель исследования заключается в выявлении общих и национально-специфических черт вербализации онтологического пространства в английском и русском дискурсах народной сказки. Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- сформировать корпус номинаций онтологического пространства в английских и русских сказках и разработать их семантическую классификацию;
- выявить изоморфные и алломорфные особенности онтологического типа сказочного пространства в английской и русской лингвокультурах.

Объектом исследования избран фрагмент картины мира, отражающий взгляд носителей английского и русского языков на онтологическое пространство как категорию бытия и как разновидность сказочного пространства.

Материал исследования составляет английские и русские народные сказки (далее – сказки)¹. Репрезентативность материала обеспечивается анализом лексики сказочных текстов трех жанровых модификаций: о животных, волшебные и бытовые.

Онтологическое, физическое, пространство в сознании возникло из повседневного опыта людей как обобщенное понятие места, в рамках которого осуществляется как биологическое, так и социальное бытие человека (табл. 1):

Таблица 1

Номинативная плотность лексико-семантического поля «Онтологическое пространство» в сопоставительном аспекте

№	Микрополе	Английский язык		Русский язык	
		Абсолютное количество лексем	Относительное количество, %	Абсолютное количество лексем	Относительное количество, %
1.	Географическое пространство	267	67,2	42	32,3
2.	Геологическое пространство	125	31,5	78	60
3.	Среда обитания	5	1,3	10	7,7
	Итого	397	100,00	130	100,00

В состав ЛСП «Онтологическое пространство» включаем те лексемы, в семантической структуре которых обнаружена сема, имеющая статус интегративной. Компонентный анализ конститuentов данного поля обнаружил дифференциальные семы, способствующие выделению трех лексико-семантических микрополей (ЛСМП):

1. *Briggs K.M.* A Dictionary of British Folktales in the English Language incorporating the F.J. Collection. Routledge & Kegan Paul, 1991; *English Fairy Tales / Retold by Joseph Jacobs.* London: David Nutt, 1890. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/efl/index.htm> (accessed: 15.05.2019); *Folk Tales of England / Ed. by K.M. Briggs and R.L. Tongue.* London: Routledge and Kegan Paul Limited Broadway House, 1964; *Riordan J.* Folktales of British Folktales. M., 1987; *PHC1:* Русские народные сказки. URL: <http://lukoshko.net/storyList/russkie-narodnye-skazki.htm> (дата обращения: 17.07.2019); *PHC2:* Русские народные сказки. URL: <http://hyaenidae.narod.ru> (дата обращения: 17.07.2019).

1) ЛСМП «Географическое пространство» – сема ‘положение географического объекта на поверхности Земли в рамках заданной системы координат’;

2) ЛСМП «Геологическое пространство» – сема ‘часть пространства, заполненного специфической формой вещества и занятого Землей’ (в нашем исследовании Земля представлена Сказочным Миром);

3) ЛСМП «Среда обитания» – сема ‘совокупность физических условий, в которых обитает организм’.

Количественный состав ЛСП «Онтологическое пространство» в английском языке превышает соответствующий показатель в русском языке в три раза, что свидетельствует о более вариативной

вербальной презентации онтологического пространства носителями английского языка.

ЛСМП «Географическое пространство» формирует ядерную зону онтологического пространства в английском языке (267 единиц – 67,2%) и находится в околоядерной зоне в русском языке (42 единицы – 32,3%).

Географическое пространство в английских и русских сказках эксплицировано как с помощью номинаций с обобщающим значением (*address, area* ‘территория, страна’, *country* ‘страна, территория’, *land* ‘земля, страна, территория’, *part* ‘территория, страна’, *position* ‘местоположение’, *region* ‘страна’, *side* ‘страна’, *site* ‘страна’, *territory* ‘территория, страна’, *world* ‘страна’; *государство, земля* ‘страна’, *конец* ‘страна’, *край* ‘страна’, *мир, свет* ‘мир’, *сторона*), так и маркирующим определенное местонахождение (*Arlington, Buckinghamshire, Cheapside, Devonport; Сизма, Хвалыньск, Шексна*).

Следует отметить географическую детерминированность некоторых номинаций с обобщающим значением: *north* ‘север’, *south* ‘юг’, *west* ‘запад’, *east* ‘восток’, *horizon* ‘горизонт’; *Западный ветер*.

Для английских сказок вербализация пространства передается разнообразнее, с помощью известных, общепринятых номинаций океанов (*the Atlantic*), морей (*the Eastern Sea, the Red Sea*), морских течений (*the Gulf Stream*), языков (*English*).

В английском сказочном дискурсе, в отличие от русского, характерна детализация географического пространства: *in the north of England; in the parish of Trefeglwys near Llanidloes in the county of Montgomery; near Pencader in Carmarthenshire; near Kentchurch in Herefordshire; in Shipton, near York; Hedley on the Skirts of Blackburn Fell, west of Ravensworth, on the road to Tanfield; in Llanddeusant, Carmarthenshire; village of Rothley, Nothumberland; Wooburn near Marlow; near Aylesbury in Buckinghamshire*.

Асимметричность в понимании географического пространства в английских и русских сказках проявляется в разном количественном составе номинаций с обобщающим наименованием территории. В русских сказках данный показатель составляет 17%, превышая аналогичный в английских сказках почти в три раза (6%). Таким образом, в русских сказках отсутствует строгая локализация событий, уступая первенство сказочной условности места действия, тогда как носители английского языка отдают предпочтение точно-му местоположению объектов и событий в Сказочном Мире.

ЛСМП «Географическое пространство» в английском языке делится на три лексико-семантические группы (ЛСГ): «Страна», «Сторона света», «Континент». В русском языке рассматриваемое

ЛСМП представлено лексемами, обозначающими части света и страны.

ЛСГ «Страна» вербализуется единицами, объединенными семой ‘территория, имеющая политические, физико-географические, культурные или исторические границы’. Территория географически более репрезентативно эксплицирована в английском материале – *Egypt, France, England, Ireland, Scotland, Wales, Holland, Holy Land, Hungary, Italy, Morocco, Normandy, Palestine, Persia, Spain*. Для сравнения: в русском материале упомянуты лишь *Греческая земля, Индийское царство, Русь*.

Географическое пространство английских сказок включает территорию Западной Европы, Северной Африки, Юго-Западной Азии и Северной Америки. Данные регионы по-разному представлены в сказках, что проявляется в большей или меньшей степени номинативной детализации. Наиболее подробное топонимическое описание получает территория Британских островов благодаря ближайшему географическому окружению, в котором живет народ – создатель сказок – и действуют герои произведений.

Для английских сказок характерно тщательное воссоздание топонимического пространства, находящегося в границах Соединенного Королевства. Значимость «своего» пространства для носителей английского языка эксплицирована путем репрезентации всех его составляющих – *Англии*: север (*York, Deiri*), юг (*Hampshire*), запад (*Hayle, Herefordshire*), восток (*Cambridgeshire, Dalby, Lincolnshire*); *Ирландии*: север (*Leitrim, Cappagh*), юг (*Aherlow, Knockgraston, Waterford*), запад (*Limerick*), восток (*Doddher, Kildare*), центр (*Liffey*); *Уэльса*: север (*Llanddeusant*), юг (*South of Wales*), юго-запад (*Pencader, Carmarthenshire*). Географически наименее детализирована *Шотландия*, представленная юго-западом: *Nithsdale*.

Приоритетность территории Англии в английских сказках проявляется в детализации направлений, представленных через разнообразие номинаций: юго-запад (*Dartmoor, Dunster, Winchcombe*); северо-запад (*Tring, Bolton, Cheshire, Cornwall, Lancashire*); юго-восток (*Aylesbury, Buckinghamshire, Canterbury, Essex*); северо-восток (*Lambton, Mildridge, Newcastle*).

Номинативная экспликация стран в английских и русских сказках происходит как эксплицитно, путем ее непосредственного наименования (*Spain, Русь*), так и с помощью этнонимов (*Briton* ‘бритт, англичанин’, *Englishman* ‘англичанин’, *Irishman* ‘ирландец’, *Moor* ‘мавр, марроканец’, *Roman* ‘римлянин’, *Saracen* ‘сарацин’, *Turk* ‘тук’, *Welshman* ‘валлиец’; в русском языке подобные номинации не зарегистрированы); топонимов (*Bavaria, сибирские леса*); гидронимов (*the Laune* – река в графстве Керри, Ирландия, *the Ouse* – река в

Северном Йоркшире, Англия; *Кама-река, Ростовское озеро*); ойконимов (*London, Rome, Tripoli, Казань, Киев, Москва, Саратов*), а также антропонимов известных исторических личностей (*Arthur 'King Arthur', Екатерина 'царица Екатерина II', Елизавета 'царица Елизавета Петровна', царь Петр Великий, Федор-царевич*), которые маркируют определенные страны и территории. Топоним *Barbarity*, обозначающий землю на северо-западе Африки, населенную маврами, не является официальным названием государства и семантически соотносится с лексемами *barbarity, barbarizm, barbaric*, означающими варварство, отсутствие цивилизации и дикость народов, находящихся на низком уровне культурно-исторического развития.

В английских сказках зафиксированы не только номинации современных графств (например, *Lancashire, Norfolk*), но и территориальные варианты географических обозначений: *Deven (Devon), Znmmerzet (Somerset)*.

Номинации ЛСГ «Страна света» в сказочном дискурсе объединены семей «направление». Использование номинаций для обозначения четырех основных направлений (*north|север, south|юг, west|запад, east|восток*) в обеих лингвокультурах свидетельствует о том, что принцип четырех сторон является важной вехой в познании человеком окружающего мира, который с глубокой древности определял восточное направление по восходу солнца, западное – по заходу солнца, а южное – по положению солнца в зените.

Наименования ЛСГ «Континент» (*Africa, America*) имеют сему «большое пространство суши, омываемое морями и океанами». Островное положение Великобритании, экономические связи с Америкой и многочисленными английскими колониями в Африке привели к появлению в английском сказочном дискурсе номинаций для обозначения упомянутых выше континентов.

Отсутствие номинаций для некоторых понятий (например, континентов) географического пространства в русском языке объясняется различными хронологическими периодами появления сказок в сопоставляемых лингвокультурах.

Проведенный анализ показал, что в английских сказках географическое пространство «адресное», т.е. имеет географическую определенность, в основном – территорию Англии. В русских сказках географическое пространство эксплицируется обобщенно, без точной географической идентификации происходящих событий.

Исследование выявило, что референты подавляющего большинства географических названий в английских и русских сказках принадлежат собственному национальному географическому пространству и противостоят единичным названиям чужой этнической культуры.

ЛСМП «Геологическое пространство» является разветвленной системой, которая состоит из лексических единиц, выделенных на основе общности родовой денотативно-сигнификативной семы 'часть пространства, заполненная специфической формой вещества и занятая Землей'.

Особенностью ЛСМП «Геологическое пространство» является многоаспектность, связанная с разнообразием семантической структуры его конstituентов. В обоих языках фиксируем отсутствие интегративной лексемы для номинации геологического пространства в целом, поскольку оно является неоднородным: может быть твердым (*hill* 'холм', *mountain* 'гора'; *gora*, *пещера*, *скала*, *холм*) или иметь жидкую консистенцию (*ocean* 'океан', *river* 'река', *sea* 'море'; *море*, *озеро*, *река*); более плотным (*forest* 'лес'; *чаща*) или менее плотным (*field* 'поле'; *поле*).

ЛСМП «Геологическое пространство» занимает вторую позицию в онтологическом пространстве носителей английского языка (125 единиц – 31,5%) и доминирует в онтологическом пространстве носителей русского языка (78 единиц – 60%).

В рассматриваемом микрополе выделено шесть ЛСГ: «Впадина», «Равнина», «Горная местность», «Порода, металл, минерал», «Остров» и «Полуостров».

Геологические особенности обуславливают ранжирование той или иной лексико-семантической группы в общей структуре анализируемого микрополя (табл. 2).

Таблица 2

Номинативная плотность лексико-семантического микрополя «Геологическое пространство» в сопоставительном аспекте

Лексико-семантические группы	Английский язык		Русский язык	
	Абсолютное количество	Относительное количество, %	Абсолютное количество	Относительное количество, %
1. Впадина	49	39,2	34	43,6
2. Равнина	33	26,4	24	30,8
3. Горная местность	22	17,6	5	6,4
4. Порода, металл, минерал	15	12	12	15,4
5. Остров	4	3,2	3	3,8
6. Полуостров	2	1,6	–	–
Итого	125	100,00	78	100,00

ЛСМП «Геологическое пространство» отличается в английском и русском сказочных дискурсах как по количественным показателям, так и сегментации. Количественная разница обусловлена особенностями словообразования или стилистическими оттенками лексических единиц, а большим количеством синонимических наименований с разветвленной семантикой для детализации обозначаемых понятий. Так, семантическим признаком ЛСГ «Впадина» является ‘снижение земной поверхности, заполненной водой’. Английский и русский языки предлагают большой выбор синонимических средств для описания впадин, что и отражено в сказочном дискурсе: 49 (39,2%) и 34 (43,6%) соответственно.

В английских и русских сказках зафиксированы наименования, дифференцирующие впадины по:

а) размеру – большие (*brook* ‘ручей’, *peka*) или небольшие (*brooklet* ‘ручеек’, *речушка*);

б) химическому составу – наличие (*ocean* ‘океан’, *sea* ‘море’; *mope*, *океан-море*) или отсутствие (*lake* ‘озеро’, *озеро*) солей;

в) естественности – природные (*river-bed* ‘русло реки’, *stream* ‘ручей’; *омут*, *топь*) или искусственные (*fish-pond* ‘пруд для разведения рыбы’, *port* ‘порт’; *пруд*).

В английском и русском сказочном дискурсе отмечены только номинации для обозначения постоянных водоемов (*bog* ‘болото’, *Bowes Moor* ‘болото’; *болото*, *мох-болото*). Фокус носителей английского и русского языков на большей ограниченности среды определяет выбор единиц для ее обозначения как водохранилища, имеющего границы. Благодаря островному положению Великобритании данная ЛСГ в английском материале вербально разнообразнее, чем в русском: *bay* ‘залив’, *lake* ‘озеро’, *ocean* ‘океан’, *pond* ‘озеро’, *port* ‘порт’, *river* ‘река’, *sea* ‘море’.

Важным представляется то, что зафиксировано отсутствие в обоих языках номинаций для рек, которые пересыхают.

В английских и русских сказках упоминаются впадины, географическое положение которых известно (*the Atlantic*, *the Barle* (река в Юго-Западной Англии), *Binnorie* (река в Шотландии), *Kynance* (бухта на восточной стороне залива Маунтс, Корнуолл, Англия), *the Laune* (река в графстве Керри, Ирландия), *the Liffey* (река в Ирландии, протекающая через центр Дублина), *the Lynher* (река Линер протекает через восточный Корнуолл, Англия), *the Ouse* (река в Северном Йоркшире, Англия), *the Taff* (река в Уэльсе), *the Tavy* (река в Девоне, Англия); *Кама-река*, *река Конома*, *Кубенское озеро*, *Ростовское озеро*, *Черное море* и неизвестно (*bay* ‘залив’, *hiding-hole* ‘впадина для укрытия’, *hole* ‘яма’, *ocean* ‘океан’; *море-океан*, *овраг*, *река*, *яр*).

Наличие в английском языке, в отличие от русского, значительного количества существительных для дифференциального обозначения прибрежной территории (например, *bank* 'берег реки, озера', *beach* 'пологий морской берег', *coast* 'морской берег', *seashore* 'морской берег', *shore* 'морской берег') объясняется тем, что славяне, населяющие сушу, не нуждаются в детализации прибрежной линии.

ЛСГ «Впадина» формирует ядро ЛСМП «Геологическое пространство» в английском и русском языках, которое конституируется лексическими единицами, являющимися родовыми номинациями типов геологического пространства. Лексемы *mountain* | *гора*, *plain*, *valley* | *равнина*, *river* | *река* принадлежат к ядру группы, обобщая виды пространства, которые занимает Сказочный Мир.

Статус ЛСГ «Впадина» как ядра в пределах рассматриваемого ЛСМП репрезентируется в ее максимальной вербальной экспликации, по сравнению с другими группами: 49 (39,2%) английских номинаций и 34 (43,6%) русских номинаций.

Важность ЛСГ «Равнина» для носителей английского и русского языков отражена в лексической дифференциации номинаций равнинной местности, которые сгруппированы в две лексико-семантические подгруппы: «Лесной участок» (*forest* 'лес, большая площадь земли, покрытая деревьями', *wood* 'небольшой по площади лес', *woodland* 'лес'; *бор*, *роща*, *сибирские леса*, *чаща*) и «Не лесной участок» (*corn-field* 'кукурузное поле', *hay-field* 'луг', *field* 'поле', *meadow* 'луг'; *долина*, *луг*, *пашня*, *степь*). Высокая номинативная плотность представленных подгрупп в английском (30%) и русском (36,36%) языках свидетельствует об их значимости для английской и русской лингвокультуры.

Периферия ЛСМП «Геологическое пространство» представлена ближней и дальней зонами. Ближнюю периферию формирует ЛСГ «Горная местность» и ЛСГ «Порода, металл, минерал».

Интегративной семой наименований ЛСГ «Горная местность» является сема 'возвышенность'. Данная группа насчитывает 22 лексемы (17,6%) в английских и пять лексем (6,4%) в русских сказках. В обеих лингвокультурах зарегистрированы номинации как для обозначения значительных по размерам возвышенностей (*mountain* 'гора', *гора* 'горная местность'), так и незначительных (*hill* 'холм', *пригорок*).

Неактуальность семы 'возвышенность' и, следовательно, ее периферийность для носителей английского и русского языков при формировании геологического пространства обусловлена особенностями рельефа Великобритании и России, территории которых в

бóльшей степени характеризуются отсутствием большого количества резко выраженных неровностей.

В зависимости от номинативного наполнения различные ЛСГ приобретают разную степень значимости. Одной из наименее представленных является ЛСГ «Порода, металл, минерал» (*bronze* 'бронза', *copper* 'медь', *coral* 'коралл', *diamond* 'бриллиант', *emerald* 'изумруд', *gold* 'золото', *granite* 'гранит', *iron* 'железо', *jasper* 'яшма', *pearl* 'жемчуг', *ruby* 'рубин', *sapphire* 'сапфир', *silver* 'серебро', *steel* 'железо', *stone* 'камень'; *бронза, глина, железо, жемчуг, золото, платосеребро, золото, камень, каменя драгоценные, медь, песок, серебро*), лексические единицы которой содержат дифференциальную сему 'группа элементов в виде простых веществ с определенным химическим составом, физическими свойствами и кристаллической структурой, образующиеся в результате природных физико-химических процессов и являющиеся составной частью земной коры, горных пород, руд, метеоритов'. Относительное количество лексических единиц анализируемой группы составляет в английском сказочном дискурсе 15 (12%), а в русском – 12 (15,4%).

Дальнюю периферию ЛСМП «Геологическое пространство» составляют:

1) ЛСГ «Остров»: в английском материале зарегистрированы четыре лексемы (3,2%) – *Ireland, island* 'остров', *isle* 'остров', *Isle of Ely*; в русском – зафиксированы 3 лексемы (3,8%) – *Буян остров, остров, островок*;

2) ЛСГ «Полуостров»: в изученных английских сказках эксплицируется лексемами *Arabia* и *Lizard* (1,6%), в русском – данные номинации не зарегистрированы.

Великобритания – островное государство, расположенное в Западной Европе между Северным морем и Атлантическим океаном и владевшее огромными территориями во всех частях света. Географическое положение и геологическая составляющая ландшафта объясняют наличие в английском языке синонимических номинаций для детализации информации об острове как пространстве.

Единичные случаи употребления в русском языке номинаций для обозначения острова как части суши, со всех сторон окруженной водой, и отсутствие лексических единиц для обозначения полуострова как части суши, одной стороной связанной с материком или островом, а с остальных сторон окруженной водой, свидетельствуют о неактуальности данного типа пространства для русской лингвокультуры, что вызвано геологическими особенностями России как материкового государства.

Проведенное исследование позволило выделить общие и этнокультурные особенности в понимании геологического типа про-

странства в английских и русских сказках. Изоморфизм проявляется в симметричном моделировании ЛСМП «Геологическое пространство». Аломорфизм прослеживается в асимметричном количественном наполнении соответствующих ЛСГ. Таким образом, несомненным является наличие приоритета впадин и равнин в английских и русских сказках.

ЛСМП «Среда обитания» отражает особенности восприятия представителями английской и русской лингвокультур окружающей среды в сказочном дискурсе и формируется тремя ЛСГ: «Земля», «Вода», «Воздух». Лексические единицы данных групп различаются дифференциальной семой 'специфика среды'.

В обоих языках анализируемое ЛСМП является наименее вербально эксплицированным: в английском языке зарегистрированы пять единиц (1,3%), в русском языке – 10 (7,7%), что объясняет его расположение на периферии онтологического пространства.

Отсутствие в обеих лингвокультурах многочисленных синонимических именовании для обозначения физических характеристик Сказочного Мира свидетельствует о том, что основные стихии – земля, вода и воздух – как базовые понятия не нуждаются в детальной номинативной дифференциации. Так, ядром ЛСМП «Среда обитания» в английских и русских народных сказках является ЛСГ «Земля» (*ground* 'земля', *land* 'земля'; *земля, место* 'земля'). Сопоставляемые данные фокусируют одинаковое внимание на указанной группе как наиболее значимой. Весомость очерченной группы, на наш взгляд, объясняется надежностью земли как поверхности, на которой осуществляется жизнедеятельность человека. Ввиду недостаточной изученности воздух и вода сохраняют неизвестность, а, следовательно, недостаточно знакомы и понятны человеку.

Среди конститuentов ЛСГ «Земля» в русском сказочном дискурсе выделяются лексемы для обозначения территории, которая противопоставляет землю и воду, – *сух* 'суша' и *суша*. Указанные номинации не имеют соответствующих эквивалентов в английском языке, что доказывает неактуальность данной ЛСГ для носителей английского языка как жителей островной, а не материковой страны.

К центральной части ЛСМП «Среда обитания» принадлежит ЛСГ «Вода» (*water* 'вода'; *вода, водица*). Сходство в расположении (в околоядерной зоне) этой группы свидетельствует о ее важности, но не приоритетности для английских и русских сказок.

Периферийная часть ЛСМП «Среда обитания» представлена номинациями ЛСГ «Воздух», которые отражают восприятие воздушного пространства как гомогенной физической среды, представленной в исследовательском материале одинаковым количеством

близких по значению русских и английских лексических единиц: *air* 'воздух', *sky* 'небо'; *воздух*, *небо*. В русских сказках, в отличие от английских, отдается предпочтение не воздуху, а небу как физическому пространству, которое визуально воспринимается как однородное. Воздух носителями русского языка воспринимается не как пространство, открытое со всех сторон, а как вещество, которое вдыхают существа, как субстанция, необходимая для жизни человека, и которая является бесплотной и невидимой, но может быть осязаемой.

Проведенный анализ свидетельствует, что ЛСМП «Среда обитания» существенно не отличается в английской и русской лингвокультурах как по номинативному наполнению, так и его структурной организации. Изоморфизм также наблюдается в расположении исследуемого ЛСМП в периферийной части ЛСП «Онтологическое пространство».

Выводы. Восприятие сказочного пространства в настоящей статье происходит сквозь призму его онтологического понимания как категории бытия. Исследование носит сопоставительный характер, поэтому значимым явилось раскрытие как интеркультурного сходства, так и национально-специфических особенностей в понимании онтологического пространства в сказочном мире в английской и русской лингвокультурах.

Изоморфизм прослеживается в симметричном понимании среды обитания объектов как наземного пространства – показателя надежности и постоянства. Различия выявлены в асимметричном формировании ядра и околоядерной зоны, а также его номинативном наполнении: в английском языке корпус лексических единиц с пространственной семантикой физического пространства богаче в три раза, чем в русском. Кроме того, онтологическое пространство для носителей английского языка – это пространство с выраженным географическим элементом, тогда как для объектов русских сказок характерна локальная неопределенность.

Выявленные сходства и различия в понимании и вербальной экспликации онтологического пространства связаны с экстралингвистическими факторами – географическими и геологическими особенностями, определившими мировоззренческие представления этносов, специфику их культур, национальные традиции и обычаи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардамова Е.А. Пространство и время в языковой картине мира бурят: Автореф. ... дисс. д-ра филол. наук. М., 2012.
2. Богданова С.Ю. Английская пространственная картина мира: «вертикаль», «вмещенность» и «глубина» // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии. Нежин, 2011. С. 63–83.

3. *Болдырев Н.Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.
4. *Болдырев Н.Н., Чистякова Е.В.* Категоризация ландшафтов и интерпретационный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: монография. Тамбов, 2015.
5. *Демьянков В.З.* О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 49. С. 5–9.
6. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
7. *Левицкий А.Э.* Антропоцентризм как основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 184–191.
8. *Левицкий А.Э.* Пространство как объект исследования с позиций лингвокогнитологии // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 692–703.
9. *Молчанова Г.Г.* Антропонимическая паремия как иконический знак и культурологический признак // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 4. С. 86–96.
10. *Никulyшина Т.Н.* Сказочный хронотоп: сопоставительный аспект изучения (на материале английского и украинского языков) // Лингвистика XXI века. М., 2014. С. 534–544.
11. *Никulyшина Т.Н.* Лексико-семантическое поле «пространство»: сопоставительный аспект изучения (на материале английских и украинских сказок) // Вестн. Новосибир. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурные коммуникации. 2013. Т. 11. Вып. 1. С. 39–46.
12. *Свойкина Л.Ф.* Выражение пространства в китайской языковой картине мира // Проблемы лингвистики и лингводидактики. Белгород, 2014. Вып. II. С. 232–239.
13. *Скрынникова И.В.* Вербализация концепта «Пространственная локализация» в англоязычной лингвокультуре: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 23 с.
14. *Шамне Н.Л.* Универсальные характеристики категории пространства и ядерные средства их репрезентации в языке // Croatica et Slavica Iadertina. V. Zadar, 2009. P. 265–279.

Andrei E. Levitsky, Tat'yana N. Nikul'shina

**DESIGNATION OF ONTOLOGICAL SPACE IN RUSSIAN
AND ENGLISH FOLK FAIRY-TALES
FROM THE COMPARATIVE PERSPECTIVE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Donetsk National Technical University
51 Kirova, Gorlovka, Donetsk region, 84646*

The article reveals the linguocultural and comparative aspects of ontological space in English and Russian. The ontological space is viewed as a form of physical existence: the object of the world in fairy-tales exists in a certain environment (land, water, air) and lives in a particular place with geological specifics (depression, plain,

mountain, peninsula, island) located in a certain direction (north, south, west or east). The investigation focuses on the comparative study of ontological space having the systemic organization of the lexical semantic field in English and Russian folktales. The structural parts of the field – its nucleus and periphery zone – are singled out by means of the comparative analysis. Isomorphic and allomorphic features are pinpointed. The nucleus is shaped by the “Geographical space” in English folktales and “Geological space” in Russian ones. The periphery of the lexical-semantic field “Ontological Space” in English and Russian linguocultures is presented identically: lexemes of “Natural Habitat” constitute the periphery. Such conclusions reflect the attitude of the English and Russians to the phenomenon analyzed. The investigation reveals the specificities of the ‘ontological space’ verbalized by nouns in both languages. A wide range of nomination variety is revealed. Resource data confirm the theoretical conclusions formed. Quantitative results are highlighted. The analysis of non-related languages permits to distinguish cross-linguistic specificities and outlines typological generalizations. This kind of approach is capable of producing further results in studying the folktales’ space within the world of unreality.

Key words: ontological space; geographical space; natural habitat; geological space; lexical semantic field; microfield; nucleus; periphery; English and Russian folktales.

About the authors: *Andrei E. Levitsky* – Dr.habil of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: andrelev@list.ru); *Tat'yana N. Nikul'shina* – Dr.habil in Philology, Associate Professor, Chair of the Department “Foreign Languages” ADI GOU VPO “DONNU” (e-mail: tan_n-n@mail.ru).

REFERENCES

1. Bardamova E.A. 2012. *Prostranstvo i vremja v jazykovoj kartine mira burjat* [Space and Time in the Buryat Language Worldview]: Avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk. Moscow. (In Russ.)
2. Bogdanova S.Ju. 2011. Anglijskaja prostranstvennaja kartina mira: “vertikal””, “vmeshhennost”” i “glubina” [Space Worldview in English: “vertical”, “placement” and “depth”]. *Jazyk i prostranstvo: problemy ontologii i jepistemologii*. Nezhin, Izd-vo NGU im. Nikolaja Gogolja, pp. 63–83. (In Russ.)
3. Boldyrev N.N. 2015. Antropocentricheskaja sushhnost’ jazyka v ego funkcijah, edinichah i kategorijah [Anthropological Essence of Language and Its Functions, Units and Categories]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.)
4. Boldyrev N.N., Chistjakova E.V. 2015. *Kategorizacija landshaftov i interpretacionnyj potencial landshaftnoj leksiki v sovremenom anglijskom jazyke* [Categorization of Landscapes and Interpretation of Landscape Denoting Lexis Potencies in Present-day English]. Tambov, Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina. (In Russ.)
5. Dem'jankov V.Z. 2016. O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znanii [On cognition, culture and civilization in knowledge transfer]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 49, pp. 5–9. (In Russ.)
6. Kubryakova E.S. 2004. *Jazyk i znanie. Na puti polucheniya znanii o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' jazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. Towards learning the language: parts of speech with cognitive point of

- view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
7. Levitsky A.E. 2016. Antropotsentrizm kak osnova kognitivno-diskursivnogo analiza edinitits yazyka [Anthropocentrism as the basis of cognitive-discursive analysis of language units]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. XXVII, pp. 184–191. (In Russ.)
 8. Levitsky A.E. 2012. Prostranstvo kak ob'ekt issledovaniya s pozitsii lingvokognitologii [Space as an object of study in linguocognitive point of view]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 12, pp. 692–703. (In Russ.)
 9. Molchanova G.G. 2004. Antroponimicheskaja paremija kak ikonicheskij znak i kul'turologicheskij priznak [Anthroponomical Paremiology as Iconic Sign and Cultural Token]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Inter-cultural Communication*, no. 4, pp. 86–96. (In Russ.)
 10. Nikul'shina T.N. 2014. *Skazochnyi khronotop: sopostavitel'nyi aspekt izucheniya (na materiale angliiskogo i ukrainskogo yazykov)* [Fairy-tale chronotope: a comparative aspect of learning (based on English and Ukrainian languages)] In Kolesov V.V., Pimenova M.V., Terkulov V.I. *Lingvistika XXI veka* [Linguistics in 21st Century]. Moscow, FLINTA, pp. 534–544. (In Russ.)
 11. Nikul'shina T.N. 2013. Leksiko-semanticheskoe pole "prostranstvo": sopostavitel'nyi aspekt izucheniya (na materiale angliiskikh i ukrainskikh skazok) [The lexical-semantic field "space": a comparative aspect of the study (based on English and Ukrainian fairy tales)]. *Vestn. Novosibir. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnye kommunikatsii*, vol. 11, no. 1, pp. 39–46. (In Russ.)
 12. Svoikina L.F. 2014. *Vyrazhenie prostranstva v kitaiskoi yazykovoii kartine mira* [The explication of space with the Chinese language worldview] In S.A. Moiseeva, L.G. Petrova *Problemy lingvistiki i lingvodidaktiki*. NIU "BelGU", Belgorod. Vol. II, pp. 232–239. (In Russ.)
 13. Skrynnikova I.V. 2004. *Verbalizatsiya kontsepta "Prostranstvennaya lokalizatsiya" v angloyazychnoi lingvokul'ture* [Verbalization of the concept of "Spatial Localization" in English-language linguistic culture]: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. Volgograd. (In Russ.)
 14. Shamne N.L. 2009. Universal'nye kharakteristiki kategorii prostranstva i yadernye sredstva ikh reprezentatsii v yazyke [Universal characteristics of the category of space and core means of their representation in the language]. *Croatica et Slavica Iadertina*. V. Zadar, pp. 265–279. (In Russ.)

Т.Ю. Загрязкина

**«ВЕХИ ИДЕНТИЧНОСТИ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ
И ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТАХ
(ОТ ПРОВАНСА К ОКСИТАНИИ)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рассматривается вопрос развития идентичности как феномена, обладающего обобщающими свойствами и связанного с реконструированием на основании отдельных фрагментов более общих ценностей культуры. Феномен идентичности связан с феноменом традиции, под которой понимается точка зрения современников на культурную значимость прошлого (Ж. Пуайон). Для изучения динамики провансальской / окситанской идентичности выделяем новации каждого периода – «вехи идентичности». Под этим понятием подразумеваются идентитарные референции, накапливающиеся или сменяющие друг друга в процессе исторического развития. В истории южнофранцузской идентичности был период инерционного угасания и нескольких периодов идентитарных подъемов различной силы. На протяжении веков переосмысливалось прошлое, возникали новации, переформатировалась идентичность: каждый этап является новым, обладающим своими дифференциальными признаками – «вехами» идентичности. Среди них: культура трубадуров как референтная база (1); стигматизация альбигойских и религиозных войн (2); культурная матрица «вечного» Прованса, сакрализация и «музеификация» прошлого, роль творческой личности (фелибризм) (3); демифологизация культуры; рациональное обоснование идентичности (окситанизм), уход окситанского языка из реальной коммуникации и развитие вторичной, символической функции (4); виртуализация, «деперсонификация» идентичности; дистанцирование от прошлого (наше время) (5). Эти и другие «вехи» маркируют путь, который прошла южнофранцузская идентичность и обозначают общий вектор ее развития – подтверждение права на различия в условиях взаимодействия с доминирующей северофранцузской / общезападной культурой.

Ключевые слова: идентичность; референция; традиция; новация; Прованс; Окситания; фелибризм; окситанизм; виртуальная идентичность; Ф. Мистраль; Арлатанский музей; эпилингвистическая; символическая; идентифицирующая функции языка.

Татьяна Юрьевна Загрязкина – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana_zagr@mail.ru).

Целью статьи является динамическое рассмотрение идентичности жителей Прованса / Окситании – южнофранцузского региона, занимающего половину территории Франции к югу от Луары¹. Ранее мы уже анализировали конструирование южнофранцузской идентичности в творчестве трубадуров – важнейшей референтной точки в культуре региона [Загряжкина, 2020]. Продолжим рассмотрение этого изменяющегося конструкта вплоть до настоящего времени.

Изучение идентичности связано с реконструированием на основании отдельных фрагментов более общих ценностей культуры – национальных, региональных, локальных, этнических. Не вступая в полемику относительно терминов «этнос», «этничность», «этнический» (по этому вопросу существует обширная литература [Барт, 2006; Тишков, Шабаев, 2013; Плассеро, 2019; и др.], в статье мы будем использовать термин *региональная культура* или культура определенного региона. Основанием для квалификации той или иной культуры как региональной будет субъективный фактор – самосознание жителей, позиционирующих свою культуру как отдельную, в том числе с учетом определенных дифференциальных формантов – символов: «знаков, сигнализирующих об идентичности» и «средств символического различения» [Барт, 2006: 39, 44; и др.], «знаковых символических атрибутов» [Плассеро, 2019: 149]; «маркеров» [Есина, Баранова, 2019: 27]; есть и другие обозначения.

«Список» символов открыт; он включает обозначения повседневных и праздничных практик, традиций еды, костюма, жилища, народной геральдики, а также язык, который по многим параметрам считается ключевым символом [Тишков, Шабаев, 2013: 41]. Между тем в связи с нивелированием родного языка в некоторых регионах, в частности, в регионах Франции, можно считать символом не сам язык, а *ностальгическое чувство по отношению к языку*. Ср. близкий, но не идентичный термин А. Вайнрайха *language loyalty* «приверженность, лояльность языку», используемый В.В. Барановой [Баранова, 2019: 32]. Дискурс о языке и культуре часто имеет ритуализированный характер и содержит повторяющиеся компоненты. Так, исследования дискурса об Арле – городе-символе Прованса – выявили регулярные базовые референции, имплицитно выражающие коллективные представления о регионе: провансальский язык, культ быка, арлезианский костюм [Шевалье, Морель, 1985]. Существуют и эксплицитные способы выражения региональной принадлежности – в первую очередь музеи, прямо предназначенные для иллюстрации идентичности.

¹ Обозначение *Окситания*, *окситанский язык* подразумевает современный контекст, обозначение *Прованс*, *провансальский язык* – исторический контекст; используется также обобщенное обозначение *Юг Франции*, *южнофранцузский* (регион).

Проблематика идентичности находится на пересечении многих тем, среди которых отношение к традиции. По мнению Ж. Ленклю, частота употребления термина *традиция* прямо пропорциональна ясности его содержания. Исследователь полагает, что «недоопределение» этого термина имеет эвристическую ценность и побуждает вновь и вновь возвращаться к его трактовке [Lenclud, 1987]. Одну из них предлагает сам Ленклю. С его точки зрения, понятие традиции имеет три аспекта:

1. Связь с коллективными представлениями о времени и об истории, которые могут быть различными – линейными или циклическими, по-разному определяющими движение от прошлого к будущему. В «современных» обществах, имеющих линейный образ времени, они собираются в некий фонд – национальное достояние (архивы, музеи и т.д.).

2. Традиция не соотносится с прошлым как целым. Прошлое фильтруется, и сохраняется лишь то, что воспринимается как послание, важное и культурно значимое для коллектива, а потому достойное воспроизведения.

3. Сам термин, восходящий к лат. *traditio*-, сохраняет этимологическое значение «акта передачи», а не «переданной вещи». Именно поэтому имеет значение сам способ передачи традиции: чаще всего это устное слово или действие – пример.

Все три аспекта имеют подводные камни. Во-первых, сохранение во времени не обозначает отсутствия изменений. Если это так, то невозможно установить исходную модель, которую никто никогда не наблюдал, и определить долю устойчивого и изменчивого в традиции. Во-вторых, невозможно точно определить культурную значимость традиции: вербальные и невербальные практики, которые подвергаются исследованию – ритуалы, словесные произведения и т.д., по мнению Ленклю, являются не самой традицией, а *выражением* традиции, при этом «традиционные» ценности не обязательно разделяются и даже более или менее ясно осознаются всеми членами группы. Таким образом, при сборе и исследовании материала происходит имплицитный отбор, а не строгая интерпретация данных. Остается также неясным, и это, в-третьих, имеет ли традиция только устный и непосредственный канал передачи [там же].

Таким образом, идентичность связана с ее интерпретацией и со стороны носителей, и со стороны исследователей. Это утверждал, в частности, Ж. Пуйон, видевший в передаче традиции ее реконструкцию [Pouillon, 1975: 155–173]. Ж. Пуйон определяет традицию как «точку зрения» (*point de vue*), «эскиз» решений (*esquisse de solutions*), которые люди считают правильными не потому, что так думали раньше, а потому, что так думают сейчас. «Мы сами вы-

бираем то, что объявляем определяющим фактором, сами объявляем себя продолжателями тех, кого сделали своими предшественниками» [Pouillon, 1975: 160]. Присоединяясь к этой концепции, Ж. Ленклю заключает, что традиция – это не пассивно воспринимаемая истина, замкнутая в траектории от прошлого к будущему. Это обратная проекция настоящего на прошлое, процесс «признания отцовства», «рождения отцов от детей». В результате этого носители культуры находят «дух» (*génie*), который им подходит, и этим утверждают свое право на различие [Lenclud, 1987].

Изменения в идентитарной сфере, более или менее заметные, затрагивают многие страны, среди которых Франция. Среди «новых» черт переосмысление отношений центр-периферия. «Недавняя эволюция Франции в “идентитарной” области была ускоренной, и тем не менее она прошла через несколько конкретных фаз <...>, – пишет И. Плассеро, – За каких-то нескольких лет в обстановке массового ухода в города из покинутых сельских районов, возможно, родилась *новая Франция*: она больше не хочет, как в прошлом, ориентироваться прежде всего на Париж <...>. За прошедшие годы произошли сдвиги в сознании *новых* слоев населения» [Плассеро, 2019: 33] (курс. мой. – Т.3). Другой особенностью является ослабление, а иногда и полная утрата коммуникативной функции родного языка, его выход из реальной коммуникации. Кроме того, на смену культуры книги приходит культура цифровых технологий, и этот переход влечет за собой формирование виртуального пространства и привлечения широких слоев к обсуждению идентитарных проблем, часто даже более активному и свободному, чем в иных сферах коммуникации.

Так, С.Ю. Белоруссова и А.В. Головнев утверждают, что «сегодняшние виртуальные споры насчет своего “я” становятся порой более информативными и насыщенными, чем споры в реальной жизни. Кибержизнь народа <...> расширяет круг взаимодействий, открывает новые возможности для самовыражения». Эту особенность квалифицируют как «новацию на фоне традиции», продолжающую, с одной стороны, конструктивистскую концепцию «воображаемых сообществ», с другой – традиционалистские подходы к традиционной культуре (фольклор, одежда, быт) [Белоруссова, Головнев, 2019: 36]. По мнению Н. Деринга и Т.С. Киссер, новые виды идентичности развиваются на основе традиции, но имеют способность к быстрому изменению. Для некоторых пользователей Интернета, в первую очередь молодежи, «виртуальная этничность актуальнее реальной». На примере российских немцев Т.С. Киссер показывает, что этот тип идентичности консолидирует группу, замахивает принцип «единства территории» и вызывает «этноренес-

санс» [Киссер, 2019: 65, 81, 69]. Медийный характер «новых форм языковой идентичности» на белорусском материале отмечает Ю. Чернявская. Автор пишет, что эти формы развиваются «в примордиалистском духе» и наиболее престижны в городской молодежной среде [Чернявская, 2018].

Используем эти положения для изучения идентитарных процессов в ареале Прованс / Окситания в разные периоды развития, выделив новации каждого периода – «вехи идентичности». Под «вехами идентичности» мы подразумеваем референции и их комбинации, накапливающиеся или сменяющие друг друга в процессе исторического развития.

Конец XI – начало XIII в. Конструирование базиса региональной идентичности в языке и культуре трубадуров. Сформировав для Европы куртуазный универсум, заложив идентичность Нового времени с его идеями чести, знания, воспитанности, любви и др., трубадуры создали и особый конструкт – собственно провансальскую / окситанскую идентичность. Это язык с его системой «сильных слов», это свое пространство, земли, леса, замки, люди, жившие в очарованном мире, сквозь который проступали и реальные черты. В дальнейшем эта база стала референтной в большей (фелибризм) или меньшей степени (окситанизм) [подробнее об этом периоде: Загрязкина, 2020]. *Веги идентичности:* идентитарная биполярность Север – Юг; конструирование базы идентичности, которая в дальнейшем станет референтной.

Начало XIII в. – середина XIII в. Ослабление региональной идентичности. Среди новаций, во-первых, разрушение старопровансальского языка, культуры и идентичности в результате альбигойских войн, проводимых северофранцузскими войсками против южан для сокрушения «ереси» катаров (1208–1229). Во-вторых, обострение дихотомии Юг – Север, отраженное, в том числе в названиях противоборствующих сторон: альбигойцы, катары (провансальцы) – обобщенные «французы» (северофранцузские и германские сеньоры). В-третьих, мифологизация катаризма как массовой «народной религии», оккультной силы, якобы выражающей «вечный дух» Юга Франции [Dictionnaire de l’Histoire de France, 1999: 237]. *Веги идентичности:* углубление дихотомии Юг-Север; осознание южанами моральной травмы; катаризм как референция региональной культуры.

Начало XIV в. – начало XVI в. Угасание провансальской идентичности. Продолжается инерционное угасание провансальского языка при попытках его поддержания на точечном уровне: проведение в Тулузе поэтических конкурсов – «Цветочных игр» (Les Jeux Floraux); появление исторических и научных сочинений на прован-

сальском языке, трактатов по арифметике и геометрии [Вес, 1986: 76]. Одновременно происходит продвижение французского языка: с начала XVI в. Коллеж ораторского мастерства Тулузы (Collège de Rhétorique de Toulouse) допускает на свои конкурсы произведения, написанные на французском языке. *Вехи идентичности*: ослабление родного языка как показателя идентичности; развитие двуязычия и множественной провансальско-французской идентичности.

Последующая эволюция южнофранцузской традиции связана с несколькими попытками ее «возрождения» и появлением новаций на фоне последовательного вытеснения провансальского / окситанского языка и культуры из реальной жизни.

XVI в. «Первое окситанское возрождение». XVI в. – начало XVIII в. протестантизм как референция культуры Юга. Во главе «первого окситанского возрождения» стояли писатели Пьер Гудоли (Pierre Goudoli), Бертран Ларад (Bertrand Larade), Гийом де Салюст (Guillaume de Salluste) и др., стремившиеся установить дистанции с Парижем. Поддерживая свой язык под лозунгом его «Защиты и прославления» (по аналогии с трактатом Ж. Дю Белле «Защита и прославление французского языка», *Défense et Illustration de la langue française*, 1549 г.) южане пытались показать, что окситанский, как и французский, равен греческому и латинскому, итальянскому и испанскому и обладает такими же, как и эти языки, «правами». При этом они защищали не язык региона в целом, а отдельные диалекты (гасконский, лангедокский), выдвигание которых было связано, в частности, с влиянием гугенотов Юга в период религиозных войн.

Притеснения протестантов (в XVI в. гугенотов, в начале XVIII в. – камизаров) со стороны центральных властей оставили новый стигмат в коллективной памяти жителей. Так, Ж.-Н. Пелен обнаружил четыре пласта текстов, идентифицирующих регион, большая часть которых напоминает о жертвах религиозных гонений [Pelen (1), 1992]: религиозные псалмы и песнопения (*psaumes, cantiques*); фольклорные песни (*chants profanes*); плачи о жертвах гонений (*complaintes*), политические песни (*chants politiques*); идентифицирующие песни (*chansons identitaires*). Независимо от характера этих песен (религиозного, фольклорного, политического) в них отчетливо углубляется дихотомия «агрессивный Север» – «жертвенный Юг». Даже компоненты пейзажа (горы, рощи и др.) получают маркировку как места памяти, связанные с местами притеснений сначала альбигойцев, потом – протестантов. В движении протестантов Юга видели даже «возрождение» катаризма. Эта точка зрения в XVI в. разделялась некоторыми представителями враждующих сторон – и протестантами, и католиками; в научной литературе она подвергается критике [Dictionnaire de l’Histoire de France, 1999: 237]. *Вехи идентичности*:

сужение идентичности до локальных форм (гасконская, лангедокская и др.); религиозные референции и их мифологизация, углубление протестной идентичности.

Вторая половина XIX в. – начало XX в. «Второе окситанское возрождение», фелибризм. В XIX в. в творчестве романтиков произошла интеллектуальная реабилитация местной культуры, сопровождающая осмысление ими традиций куртуазной поэзии. Фелибризм – вторая по яркости вспышка провансальской культуры после трубадуров. Этот период связан с общественной и поэтической деятельностью группы провансальских поэтов во главе с Фредериком Мистралем (1830–1914). Поэт-романтик, Фредерик Мистраль создал шедевр – поэму «Мирей», за которую получил Нобелевскую премию по литературе. Поэма стала гимном Прованса и ее «униженного языка»², а ее автор – знаковой личностью национального и мирового уровня.

Вместе со своими единомышленниками, поэтами-фелибрами, Мистраль основал литературную академию Фелибриж³, имевшую целью воссоздать провансальский язык и литературу и поставить провансальскую культуру на достойный ее пьедестал: «Мы пишем так, как писали трубадуры XII, XIII и XIV вв., <...> которые предвосхитили современную поэзию и вскормили Данте и Петрарку, мы пишем так, повторяю, <...> потому что старые трубадуры писали так же. Зачем прерывать всякую связь, знак уважения к нашим почитаемым предкам?»⁴ Фелибры создавали свое пространство – проводили «фелибриады» (*félibrillades*), церемонии товарищеских встреч и трапез, где произносили важнейшие речи и программные заявления. Они создавали провансальский мир и в обыденной жизни: носили широкополые шляпы, говорили громоподобным голосом, будто изрекали, пили местное розовое вино, вкушали традиционные блюда, ухаживали за девушками, прекрасными, как сама Мирей.

Деятельность Мистрала была многогранной [подробнее см.: Загряжская, 2005; Моисеева, 2019]. Прежде всего это нормализация провансальского языка на основе родных для него роданийских говоров; сакрализация языка как «священного инструмента» народа; создание двухтомного провансальско-французского словаря «Сокровища Фелибрижа», *Lou tresor dou Felibrige* с этимонами, толкованиями слов, народными топонимами, названиями растений,

² *Mistral F.* Mireille. P.: Club des libraires de France, 1959. P. 7–9.

³ Этимология слова *félibrige* не ясна: возможно, слово восходит к позднелатинскому *fellebris* – (грудной) младенец. Не исключено, что слово является вымышленным.

⁴ *Correspondances de F. Mistral et Adolphe Dumas (1859–1861)* // Publication des Annales de la Faculté des lettres, Aix-en-Provence. Nouvelle série. 1959. № 24. P. 27.

местными прозвищами и фамилиями, пословицами и поговорками. Мистраль собирал документы и предметы материальной культуры, которые в 1899 г. передал в созданный им Арлатанский музей (Muséon Arlaten). Это 38 000 экспонатов, относящихся к повседневной сфере: костюм, мебель, орудия труда, предметы, связанные с культом и суевериями, книги и т.д. Один из первых этнографических музеев, созданных во Франции, он имел целью сохранение и кодификацию местной культуры перед угрозой исчезновения, возникшей на заре «современного мира».

Музей мыслился как продолжение Фелибрижа и образец провансальской идентичности. Фелибры полагали, что провансальцы должны жить, одеваться и говорить по правилам, которые для них создавали. Отступления воспринимались трагически как отказ от истоков и мудрости прошлого, «вечного Прованса», «завещания ушедших сообществ». В сборнике «Золотые острова» Мистраль писал: «Мне кажется, что мертвые меньше состарились, чем те, кто живы сейчас»⁵. Для него эта земля находилась вне истории, в мире абсолютной красоты: «<...> отвлечемся от реальности, господа, <...> и увидим мысленным взором, как расцветает наша [область] Прованс, такой, какой для нас ее сделала природа и история и скажем ей, как Рюдель [трубадур. – Т.Ю.]: «Я люблю тебя, о моя прекрасная, вечно прекрасная!»⁶

Между тем Мистралю не были чужды и политические амбиции: по данным В.Ф. Шишмарева, поэт заявлял, что Юг был «готов образовать государство объединенных провинций», и выдвинул и так называемую латинскую идею – мысль об основании «соединенных штатов Средиземного моря» [Шишмарев, 1972: 267].

Значение Фелибрижа выходило за пределы одного региона. Под влиянием Мистраля А. Доде объездил весь Прованс и нашел там прототип своей мельницы, музыка к «Арлезанке» Бизе и опера Ш. Гуно «Мирей» снискали мировую известность. Поэма «Мирей» была переведена на французский язык самим Ф. Мистралем; были переводы и на диалекты Франции. Движение, начатое Мистралем в Провансе, поддержали в других регионах страны: фелибризм притягивал к себе тех, кто проявлял интерес к культуре малой родины. *Вехи идентичности*: авторитет «титанов» в защите культуры; создание матрицы региональной идентичности; мифологизация образа региона; сакрализация прошлого; консервации языковых форм; музеификация идентичности; роль творческой личности; надрегиональный резонанс.

⁵ *Mistral F.* Lis isclos d'or. Avignon: chez Roumanille, 1878. P. 48.

⁶ *Ibid.* P. 260.

С 30-х годов XX в. до конца XX в. «Третье окситанское возрождение». В отличие от фелибризма окситанизм подходил к проблеме идентичности не с поэтических, а с научных позиций. Филологи-исследователи, окситанисты стремились демифологизировать образ, созданный Мистралем, и перейти от «вечного» Прованса к реальной Окситании.

Грамматика Л. Алибера⁷, вышедшая в конце 30-х годов XX в. и опиравшаяся на традиции лангедокских говоров, закрепила перенос диалектной базы литературного языка со специфических роданийских говоров (родных для Мистраля) к лангедокским говорам как центральным. В 1945 г. был создан Институт окситанских исследований (Institut d'Estudis Occitans), который впоследствии стал крупным научным центром, имеющим широкую контактную сеть⁸. Названия «Прованс», «провансальский» уступили место названиям «Окситания», «окситанский» в научной литературе и официальных документах. В 1951 г. был принят закон Дексона (la loi Deixonne), допускавший введение окситанского (а также бретонского, баскского, каталанского языков) как факультативных предметов в школьное образование⁹ и стимулирующий открытие кафедр окситанского языка и культуры в университетах Юга Франции.

Окситанизм дал импульс новым направлениям исследований, в частности, изучению этнотекста (ethnotexte), начатому на волне движений в защиту окружающей среды, региональных прав и языков. Разработанное на окситанском материале понятие этнотекста было сформулировано Ж.-К. Бувье и Кс. Равье и уточнено Ж.-Н. Пеленом как часть «дискурса коллектива о себе самом» [Pelen (2), 1992: 716]. Сбор этнотекстов (рудиментов фольклора, мемуаров, описания традиций и др.) в 90-е годы XX в. был поддержан Национальным центром научных исследований (CNRS), в настоящее время это собрание составляет важную часть звучащих и аудиовизуальных архивов Франции¹⁰. Язык этнотекстов – окситанский, чаще – французский с символическими вкраплениями окситанских слов. Это свидетельствует о том, что окситанский язык используется не в коммуникативной, а в идентифицирующей или, по В.Г. Гаку, вторичной, символической, эпilingвистической функции [Гак, 1996]. Указание на «вторичность» данной функции не означает, что она

⁷ *Alibert L. Grammatica occitana segon los parlars lengadocians. En 2 vol. Tolosa, Societat d'estudis occitans, 1935-1937.*

⁸ Institut d'Estudis Occitans. URL: <https://ieo-oc.org> (дата обращения: 14.02.2020).

⁹ До этого времени местные языки в стенах школы не преподавались и даже не звучали.

¹⁰ Bulletin de l'ALFAS. Sonorités. URL: <https://journals.openedition.org/afas/2813> (дата обращения: 14.02.2020).

второстепенна: В.Г. Гак пишет об усилении ее роли в самоидентификации местных культур [там же]. *Вехи идентичности*: научное обоснование идентичности; демифологизация культуры; переход от «вечного» Провансом к реальной Окситании; референции с общественными и экологическими движениями; развитие символической функции окситанского языка.

С конца XX века по настоящее время. Виртуализация и переформатирование идентичности. Преподавание окситанского языка и культуры для желающих не прекращается: в высших и средних учебных заведениях предлагаются различные методики¹¹ и программы (бакалаврские, магистерские)¹². Эти меры все же не могут остановить нивелирование окситанского языка: из 13 млн южан только 1500 человек владеют окситанским языком, при этом степень владения не поддается анализу¹³.

Другой особенностью нашего времени является виртуализация идентичности. Уже в 90-е годы XX в. во Франции стали использоваться цифровые технологии в региональных и диалектологических исследованиях (Романский лингвистический атлас, *Atlas linguistique Roman*; собрания этнотекстов). Распространение этих технологий дало импульс развитию новой, виртуальной идентичности. Появился доступ к оцифрованным коллекциям и архивам, открылась возможность изучения окситанского языка и культуры для всех, кто этого хочет, см. сайты и фейсбуки музеев, научных и общественных ассоциаций¹⁴, электронные ресурсы университетов¹⁵, ассоциаций¹⁶, отдельных лиц¹⁷. В сетях появляется реклама и антиреклама ресурсов, ср. предостережения такого рода: «Этот сайт свидетельствует о чрезмерном воображении его автора и ни в коей мере – о его зна-

¹¹ *Faïta D., Boyer R.* Création d'outils et appui sur la langue première sur l'enseignement du provença // *Recherches et applications – Le français dans le monde*. 2008. № 4. P. 157–160.

¹² Département d'Occitan de l'Université Paul Valéry. Montpellier III. URL: <http://www.univ-montp3.fr/occitan/index.php> (дата обращения: 14.02.2020).

¹³ *Gadet F.* La variation : le français dans l'espace social, régional et international // *Yaguello M.* Le grand livre de la langue française. P.: Ed. Du Seuil, 2003. P. 91–152.

¹⁴ Géococcitania. URL: <http://bdtopoc.org>; <https://m.facebook.com/geococcitania/>; http://ieo-oc.org/spip.php?page=article&id_article=1160 (дата обращения: 14.02.2020).

¹⁵ Département d'Occitan de l'Université Paul Valéry. Montpellier III. URL: http://www.univ-montp3.fr/occitan/index.php?option=com_content&task=view&id=32&Itemid=22 (дата обращения: 14.02.2020).

¹⁶ FELCO. Federacion dels enseignaires de lengua e cultura d'oc. URL: <http://www.felco-creo.org/15-06-19-entreprendre-ou-reprendre-des-eludes-doccitan> (дата обращения: 14.02.2020).

¹⁷ *Ma vida amb ieu.* URL: <http://melanizetofre.blogspot.com> (дата обращения: 14.02.2020).

нии письменного или разговорного окситанского языка»¹⁸ [там же]. К идентитарному дискурсу приобщились многие пользователи, оживился обмен мнениями по вопросам региональной принадлежности, что создало эффект расширения «воображаемого пространства» сообщества. Как образно высказались С.Ю. Белоруссова и А.В. Головнев, в киберпространстве главенствуют не «титаны духа», а «виртуозы быстрого эффекта» [Белоруссова, Головнев, 2019: 37]. Действительно, творцами «новой» идентичности становятся не создатели шедевров, как Ф. Мистраль, а обычные пользователи, часто анонимные. В этом случае можно говорить о «деперсонификации» традиции.

Среди других изменений в идентитарной сфере дистанцирование от прошлого, переход от консервации или дополнения традиции к ее пересмотру и диалогу с ней. Эта новация заложена в новой концепции Арлатанского музея, которая была реализована в ходе его реконструкции (2007–2019).

В соответствии с идеей Ж. Пуайона о том, что традиция – это точка зрения на прошлое людей нашего времени (см. выше), музей Прованса был превращен из наследия Мисталя в «музей музеев» (*musée des musées*). Сквозь череду залов показываются «изобретения традиции» (*inventions de la tradition*)¹⁹: эволюция представлений о Провансе с конца XIX в. до середины XX в., изменение роли экспонатов, мизансцен и коллекций как способов форматирования региональной идентичности. Реновация музея представляет новый дискурс, в котором взаимодействуют материальное и нематериальное, предметы и представления о них. Современные посетители смогут проследить этапы «переинтерпретации» культуры, чьи истоки пытались найти первые собиратели музея; увидеть взаимосвязи новых праздничных ритуалов с представлениями о Провансе; сопоставить вариации арлезианского костюма и современной региональной моды, создающей или реконструирующей «провансальский облик»; установить инвентарь обновленных форм региональных промыслов (рождественских фигурок, украшений, посуды, мебели); мотивировать коллективное воображаемое в туристическом дискурсе и рекламе. *Вехи идентичности*: виртуализация идентичности; анонимность идентитарного дискурса; дистанцирование от традиции; диалог с прошлым.

В заключение суммируем сказанное. В истории южнофранцузской идентичности был период инерционного угасания и несколько подъемов различной силы. На протяжении веков переосмысливает-

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Museon Arlaten. URL: http://www.museonarlaten.fr/museon/webdav/site/museon/shared/contenu/02/Synthese_projet_arlaten.pdf (дата обращения: 14.02.2020).

ся прошлое, возникают новации, переформатируется идентичность. Накладываясь на сложившийся фон, новации создают новые комбинации – «вехи идентичности», показывающие динамику самосознания жителей: биполяризация культуры Север – Юг; культура трубадуров как референтная база (1); стигматизация и кровавая рана альбигойских и религиозных войн (2); роль творческой личности в культуре; сакрализация «вечного» Прованса; музеификация прошлого (фелибризм) (3); демифологизация культуры; рациональное обоснование идентичности (окситанизм), нивелирование коммуникативной функции окситанского языка и развитие вторичной, символической функции (4); виртуализация и «деперсонификация» идентичности; дистанцирование от прошлого (наше время) (5) и др.

Путь, который прошла южнофранцузская идентичность, нельзя назвать прямым. Но этот путь имеет общий вектор – подтверждение права на различия в условиях взаимодействия с доминирующей северофранцузской / общефранцузской культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранова В.В.* Язык и этническая идентичность: урумы и румы приазовья. М., 2010.
2. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М., 2006.
3. *Белоруссова С.Ю., Головнев А.В.* Виртуальная идентичность – новация на фоне традиции? (Введение в тему) // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. Виртуальная этничность и киберэтнография / Отв. ред. специальной темы номера С.Ю. Белоруссова, А.В. Головнев. С. 36–40.
4. *Гак В.Г.* Отзыв официального оппонента о докторской диссертации Т.Ю. Загрязкиной «Процессы пространственной дифференциации и интеграции французского языка». М., 1996 (на правах рукописи).
5. *Загряжкина Т.Ю.* Конструкт идентичности в творчестве трубадуров, или «Другая Франция» сквозь призму языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 22–37.
6. *Загряжкина Т.Ю.* Концепт «Прованс» в культуре Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 59–76.
7. *Киссер Т.С.* Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. Виртуальная этничность и киберэтнография / Отв. ред. специальной темы номера С.Ю. Белоруссова, А.В. Головнев. С. 64–84.
8. *Моисеева Д.П.* “Oulivo” как идентификатор Прованса в языке Ф. Мистраля // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 68–76.
9. *Плассеро И.* Идентичность народов Европы. М.; СПб., 2019.
10. *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнопсихология. Политические функции этничности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013.
11. *Чернявская Ю.* Модификации белорусской идентичности: медийность и повседневность // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / Под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М., 2018. С. 126–140.

12. *Шишмарев В.Ф.* Фредери Мистраль // Шишмарев В.Ф. Избранные статьи: История итальянской литературы и итальянского языка. М., 1972. С. 267–283.
13. *Bec P.* La langue occitane. 5-e éd. P., 1986.
14. *Chevalier D., Morel A.* Identité culturelle et appartenance régionale: Quelques orientations de recherche // Terrain, anthropologie et sciences humaines 1985. № 5. Octobre. P. 3–5. URL: <https://journals/oppenedition.org/terrain/2878> (дата обращения: 14.02.2020).
15. Dictionnaire de l’Histoire de France / Sous la direction de J.-F. Sirinelli. P., 1999.
16. *Lenclud G.* La tradition n’est plus ce qu’elle était. Sur les notions de tradition et de société traditionnelle en ethnologie // Terrain. Anthropologie et Sciences humaines. 1987. № 9. Habiter la maison. P. 110–123. URL: <https://journals.openedition.org/terrain/3195> (дата обращения: 14.02.2020).
17. *Pelen. J.-N.* (1) Chanson, histoire : Chanter et être en Cévennes // Les voies de la parole: Ethnotextes et littérature orale, approches critiques. Aix-en-Provence: Publications de l’Université de Provence, 1992. P. 160–175.
18. *Pelen J.-N.* (2) La recherche sur les ethnotextes : Notes sur un cheminement // Actes du Congrès international de dialectologie à Bilbao le 21–26 octobre 1991. Grenoble, 1992. P. 716–720.
19. *Pouillon J.* Fétiches sans fétichisme. P., 1975.

Tatiana Yu. Zagryazkina

**‘MILESTONES OF IDENTITY’ IN THE INTERCULTURAL
AND LANGUAGE ASPECTS
(FROM PROVENCE TO OCCITANIA)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article examines the questions of identity as a phenomenon, which has generalizing characteristics and which is connected with reconstruction based on individual fragments of more general cultural values. The identity phenomenon is connected with the phenomenon of tradition, which can be explained as a point of view of contemporaries on the cultural significance of the past (Pouillon J.). In order to study the dynamics of Provençal / Occitan identity the innovations of each period have been singled out – “milestones of identity”. This term implies identical references accumulating or replacing each other in the process of historical development. The examined material shows that in the history of South French identity there was a period of inertial fading and several periods of identical uplifts of various strengths. Over the centuries, the past was rethought, innovations occurred, and identity was reformatted. That is the reason why we consider each stage new, with its own differential characteristics - “milestones” of identity. Among them there are: the culture of troubadours as a reference base (1); stigmatization of the Albiguan and religious wars (2); the cultural matrix of the “eternal” Provence, sacralization and “musification” of the past, the role of the creative person (felibrism) (3); demythologization of culture; rational justification of identity (Occitanism), the departure of the Occitan language from real communication and the development of a secondary, symbolic function (4); virtualization, “depersonalization” of identity; distancing

from the past (our time) (5). These and other “milestones” mark the path that the South French identity has traveled. They also denote the general vector of its development – confirmation of the rights in conditions of interaction with the dominant North French / French culture.

Key words: identity; reference; tradition; novation; Provence; Occitania; felibrism; Occitanism; virtual identity; F. Mistral; Arlaten Museum; epilinguistic; symbolic; identifying the function of the language.

About the author: *Tat'yana Yu. Zagryazkina* – Dr.habil in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University (e-mail: [tatianna_zagr@mail.ru](mailto:tatiانا_zagr@mail.ru)).

REFERENCES

1. Baranova V.V. 2010. *Yazyk i etnicheskaya identichnost': urumy i rumei priazov'ya* [Language and ethnic identity: Urumahs and Rumees of Azov]. Moscow, ID Gosuniversiteta – vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)
2. Bart F. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii* [Ethnic groups and social boundaries: The social organization of cultural differences]. Moscow, Novoe izd-vo. (In Russ.)
3. Belorussova S.Yu., Golovnev A.V. (ed.) 2019. Virtual'naya identichnost' – novatsiya na fone traditsii? (Vedenie v temu) [Is virtual identity an innovation against the backdrop of tradition? (Conducting in a subject)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical researches], no. 2. Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya [Virtual Ethnicity and Cyber Ethnography], pp. 36–40. (In Russ.)
4. Gak V.G. 1996. *Otzyv ofitsial'nogo opponenta o doktorskoj dissertatsii T.Yu. Zagryazkinoi "Protssesy prostranstvennoi differentsiatsii i integratsii frantsuzskogo yazyka"* [Review of the official opponent about the doctoral dissertation T.Yu. Zagryazkina "The processes of spatial differentiation and integration of the French language"]. Moscow (as a manuscript). (In Russ.)
5. Zagryazkina T.Yu. 2020. Identity Construct in the Works of Troubadours or “Another France” Through the Language Lens. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 22–37. (In Russ.)
6. Zagryazkina T.Yu. 2005. Kontsept “Provans” v kul'ture Frantsii [The concept of “Provence” in the culture of France]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2. S. 59–76. (In Russ.)
7. Kisser T.S. 2019. Virtual'naya identichnost' rossiiskikh nemtsev [Virtual identity of Russian Germans]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], no. 2. Virtual Ethnicity and Cyber Ethnography. S.Yu. Belorussova, A.V. Golovnev (eds.), pp. 64–64. (In Russ.)
8. Moiseeva D.P. 2019. “Oulivo” kak identifikator Provansa v yazyke F. Mistralya [“Oulivo” as an identifier of Provence in the language of F. Mistral]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 68–76. (In Russ.)
9. Plassero I. 2019. *Identichnost' narodov Evropy* [Identity of the peoples of Europe]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. (In Russ.)
10. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. 2013. *Etnopsikhologiya. Politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopsychology. Political functions of ethnicity]. 2nd ed. Moscow. (In Russ.)

11. Chernyavskaya Yu. 2018. *Modifikatsii belorusskoi identichnosti: mediinost' i povsendnevnost'* [Modifications of Belarusian identity: media and everyday life]. In E.I. Filippova, K. Le Torrivellek *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Own and alien. Identity Metamorphoses in the East and West of Europe]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom, pp. 126–140. (In Russ.)
12. Shishmarev V.F. 1972. *Frederi Mistral'* [Frederi Mistral]. In Shishmarev V.F. *Izbrannye stat'i: Istoriya ital'yanskoi literatury i ital'yanskogo yazyka* [Selected articles: History of Italian literature and the Italian language]. Moscow, Nauka, pp. 267–283. (In Russ.)
13. Bec P. 1986. *La langue occitane*. 5-e éd. Paris, PUF. (In French)
14. Chevalier D., Morel A. 1985. Identité culturelle et appartenance régionale: Quelques orientations de recherche. *Terrain, antropologie et sciences humaines*, no. 5, pp. 3–5. URL: <https://journals/openedition.org/terrain/2878> (accessed: 14.02.2020). (In French)
15. Sirinelli J.-F. (dir.) 1999. *Dictionnaire de l'Histoire de France*. Paris, Armand. (In French)
16. Lenclud G. 1987. La tradition n'est plus ce qu'elle était. Sur les notions de tradition et de société traditionnelle en ethnologie. *Terrain. Anthropologie et Sciences humaines*, no. 9. Habiter la maison, pp. 110–123. URL: <https://journals.openedition.org/terrain/3195> (accessed: 14.02.2020). (In French)
17. Pelen J.-N. (1) 1992. Chanson, histoire: Chanter et être en Cévennes. *Les voies de la parole: Ethnotextes et littérature orale, approches critiques*. Aix-en-Provence, Publications de l'Université de Provence, pp. 160–175. (In French)
18. Pelen J.-N. (2) 1992. La recherche sur les ethnotextes: Notes sur un cheminement. *Actes du Congrès international de dialectologie à Bilbao le 21–26 octobre 1991*. Grenoble, pp. 716–720. (In French)
19. Pouillon J. 1975. *Fétiches sans fétichisme*. Paris, Maspero. (In French)

Г.С. Доржиева, А.О. Ткачева

**ЭРГОНИМЫ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЭРГОНИМОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова»
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6*

В статье рассматриваются эргонимы, их типы и функции в индустрии питания Республики Бурятия. Главная ономастическая функция эргонима – номинативно-выделительная, которая определяет круг сервисных услуг. Идентификационная функция эргонимов дает потребителю представление о том, какого качества предлагаемая продукция. Рекламная функция эргонимов связана с информационной и находится на службе рыночной экономики (IRISH PUB). Охранная функция эргонима связана с имиджем заявленного бренда, соответствием его статусу (ЧЕРЧИЛЛЬ). Стимулирующая функция позиционирует предприятие общественного питания как представителя известной фирмы (KFC). Психологическая функция эргонимов направлена на то, чтобы вызвать доверие к предлагаемым услугам, уже зарекомендовавшим себя на рынке потребителей (БУРЯТИЯ). Эргонимы на русском языке отражают русскую культуру и традиции (МАСЛЕНИЦА), большинство предприятий питания с национальными кухнями представлены на русском языке (КАР-ВАН-БАШИ). Эргонимы на иностранных языках адресованы прежде всего к иностранным туристам. На их выбор влияет принадлежность данного предприятия питания к международной (SUBWAY) или всероссийской индустрии питания (ШашлыкоFF). Эргонимы на бурятском языке апеллируют к фоновым знаниям представителей бурятского этноса, ставшими общими для лиц других национальностей, проживающих в Бурятии (АЛТАН ГЭРЭЛ).

Ключевые слова: социолингвистика; лингвокультурология; ономастика; туристический бизнес; индустрия питания; национальная кухня; функции эргонимов.

В современной лингвистической парадигме язык рассматривается как средство проникновения в ментальность этнической, культурной и социальной группы, к которой принадлежит индивид. А.П. Садохин подчеркивает, что в процессе социализации и инкультурации человек усваивает определенные особенности отражения

Доржиева Галина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор, Бурятский государственный университет (e-mail: galdor@yandex.ru).

Ткачева Анна Олеговна – аспирант, Бурятский государственный университет (e-mail: anna_grigoreva_92@mail.ru).

окружающего мира, присущие тому этнокультурному социуму, в котором он живет [Садохин, 2004: 110].

Эргоним – это собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [Подольская, 1978: 166].

Актуальность исследований эргонимов обусловлена тем, что, являясь частью рекламной коммуникации, они отражают экономические отношения в обществе на определенном этапе его развития в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Задача ономастологов – своевременная фиксация смены парадигм в эргонимической лексике. Именно этим фактом обусловлен интерес исследователей к данному пласту онимической лексики.

Е.Н. Сидоренко в статье «Из истории исследования эргонимов» (2015) рассматривает различные аспекты эргонимики в трудах отечественных и зарубежных ученых. Т.П. Романова (2006) проследила поступательное развитие российской эргонимической терминологии с XIX в. и до начала XXI. Автор приходит к выводу, что активизация коммерческой деятельности, позиционирование своей высокой конкурентоспособности, влечет усиление рекламной функции эргонимов. В ономастической литературе встречаем разные подходы к понятиям «эргоним» и «товарный знак». Ряд исследователей относят их к коммерческой номинации (А.В. Беспалова, Г. Чармэссон, А. Соломоник, М.Е. Новичихина). И.А. Тортунова допускает отождествление эргонимов и товарных знаков (2012). И.В. Крыкова (2004) указывает на общность эргонимов и товарных знаков, объединяя их общим термином «прагматоним» [Крыкова, 2004]. На наш взгляд, приведенные точки зрения справедливы, поскольку названия ресторанов и кафе можно рассматривать не только в разряде имен собственных – эргонимов, но и словесных товарных знаков, наделенных рекламными функциями, что обеспечивает их *быстрое запоминание* – НЮТАГ ‘бур. родина’, NOMAD – обращение к истокам бурятской номадической этнокультуры; *аттрактивность* – ПЕЙЗАЖ, ЭЛИТ; *эмоционально-экспрессивную окраску* – ВКУСНЯШКА и *психологический эффект* с помощью оценочных слов – МИЛЫЙ УГОЛОК, ГОРЯЧАЯ ЧАШКА.

Цель статьи – дать характеристику принципам номинации современных предприятий питания Республики Бурятия, ее региональной специфики, выделить типы и функции эргонимов.

На въезде из аэропорта в центральную часть г. Улан-Удэ возвышается статуя «Гостеприимная Бурятия», которая приветствует гостей столицы с традиционным хадаком – ритуальным шарфом в руках в знак почтения, дружбы и благопожелания – символом гос-

теприимства в бурятской культуре. Культурно-исторический, экологический и прочие виды туризма в Бурятии и на Байкале приобретают все большую популярность. Туристический бизнес выполняет разнообразные функции, из них наиболее очевидные – это *экономическая* и *социокультурная*. Если в советский период истории нашей страны туризм был явлением социальным, то в последние десятилетия стал *экономическим*. Туризм – не только прибыльный бизнес, но и средство формирования платежного бюджета страны, сектор национальной экономики. Эта функция проявляется и в том, что люди в процессе качественного отдыха восстанавливают свою трудоспособность, улучшают психоэмоциональное состояние, и это имеет не только социальное значение, но и прямой экономический эффект [Кусков, Джаладян, 2013].

Социокультурное значение туризма в том, что он способствует признанию и принятию мер по сохранению культурного разнообразия на планете, этнического и языкового многообразия, повышает осознание самими народами и этническими группами ценности их культурного наследия; непосредственно участвует в возрождении народного искусства и ремесел принимающих туристов сообществ, традиций их гостеприимства, формируя спрос на культурные виды туризма (этнографические, событийные, различные специализированные туры).

Для развития платных услуг, насыщения рынка и удовлетворения спроса гостей и туристов, посещающих Бурятию, Министерство культуры Республики Бурятия совместно с профильными организациями проводит конкурсы: «Сувенир Бурятии», «Лучшая туристская база», «Лучшая придорожная закусочная» и др. В последние годы привлекательным для туристов становится событийный туризм: «Сагаалган» – «Белый месяц», празднование начала Нового года по лунному календарю у монголоязычных народов; гастрономический фестиваль «Вкус шелкового пути» в рамках Недели туризма на Великом шелковом пути при поддержке Всемирной туристской организации (UNWTO) и Русского географического общества. 12 июня 2019 г., в День России, горожане и гости столицы могли дегустировать экологически чистые, натуральные блюда на площадке «Гастрономическая карта Бурятии»¹.

Специализация предприятий питания позволяет успешно позиционировать их на фоне конкурентов, причем в Улан-Удэ разновидности родовых терминов эргонимов позволяют не только дифференцировать предлагаемые услуги, но и сделать их более привлекательными

¹ Новости Бурятии. URL: www.https://gazeta-n1.ruНовости Бурятии»society/75682 (дата обращения: 11.10.2019).

для современного искусственного потребителя: гурмэ-ресторан, рестобар, рестолюб, этноресторан, гастрономический паб, бар-лаундж, караоке-кафе, гриль-бар и др. Например, кафе-блинная МАСЛЕНИЦА, ресторан-кафе ТЭМУЛЭН, гурмэ-ресторан VOYAGE, караоке-кафе KOREAN HOUSE.

И.Т. Вепрева отмечает новую тенденцию в образовании эргонимов, которая из-за смены коммуникативных парадигм в современном речевом общении приводит к коммуникативному равенству адресата и адресанта. Стратегия близости к адресату стирает границы между официальным и неофициальным, устным и письменным общением, в связи с чем допускается элемент разговорности в современных эргонимах-репликах: «*А ТЫ ГДЕ?*», «*МАМА Я ПОЕЛ*» и др. [Вепрева, 2019: 170]. Приведем примеры из нашего материала: ЕДИМ ВКУСНО! С ПЫЛУ, С ЖАРУ! КЛЕВОЕ МЕСТО, I LOVE PIZZA.

Эргонимы являются словесным товарным знаком, одной из форм рекламного текста, и при их выборе ориентиром должны служить общечеловеческие ценности, являющиеся абсолютным стандартом для людей всех культур. Газета «Ведомости» информирует о том, что в Госдуму поступил законопроект, который даст возможность налоговикам при регистрации юрлиц отказывать в регистрации, если заявленное название не соответствует Гражданскому кодексу РФ. Уже вступила в действие четвертая часть кодекса, которая запрещает использовать в названиях компаний слова, «противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали»².

Сеть ресторанов СПЛЕТНИ имеется во многих российских городах. Социологи и психологи исследуют сплетни как социально-психологический феномен (J.-N. Kapferer, A. Schutz, Д.С. Горбатов). Сплетни – прерогатива желтой прессы, например, «Сплетник» – сайт о знаменитостях и светской жизни. В советское время сплетни и их распространители подвергались осуждению и обличению, считались аморальным и недостойным поведением. Появление подобных названий сигнализирует о нравственном состоянии современного российского общества. А.В. Юревич отмечает двукратное снижение по сравнению с советским периодом значимости таких качеств, как социальная ориентированность труда, чувство долга, честность, принципиальность. Автор приводит мнение социологов, выражающих обеспокоенность по поводу полной и безвозвратной утери нашим обществом нравственных норм, а также тем, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядет духовное

² URL: <https://spmag.ru/news...neetichnye-nazvaniya...nalogoviki-nezaregistriruyut.html?Itemid=88888893> (дата обращения: 16.10.2019).

перерождение (читай вырождение) России, что стало сегодня практически общепринятым» [Юревич, 2018: 169].

На основе анализа научной литературы приходим к выводу, что ключевыми функциями эргонимов являются: 1) номинативно-выделительная; 2) индивидуализирующая; 3) идентификационная; 4) рекламная; 5) стимулирующая; 6) психологическая или аттрактивная; 7) охранная.

Функция эргонима заключается в том, чтобы придать черты индивидуальности предоставляемым услугам данного предприятия питания, выделить его из множества предложений конкурентов в данной сфере. В связи с этим главная ономастическая функция эргонима, как и любого имени собственного, – *номинативно-выделительная функция*, которая наряду с *функцией индивидуализации*, определяет круг сервисных услуг, которые предоставляются юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Для этой цели используются личные имена и фамилии людей с мировой известностью, имена мифологических или литературных персонажей, которые способны вызвать разнообразные ассоциации [Суперанская, Соболева, 2009: 86]. Рестораны и пабы ЧЕРЧИЛЛЬ есть во многих российских городах. Уинстон Черчилль – один из самых известных людей XX в. В Улан-Удэ на молодежном сленге гастрономический паб называют ЧЕРЧ. Р. Marina оставила отзыв: «Одно из самых любимых заведений города. И с друзьями посидеть, и деловую встречу провести, и для свидания отлично. Отменная кухня, хорошая карта напитков»³.

Идентификационная или *информационная* функция эргонимов тесно связана с его номинативно-выделительная функцией и дает потребителю представление о том, что ему предлагается и какого качество данной продукции. В состав эргонимов включают такие слова и элементы слов, которые заведомо имеют культурно-историческую информацию (МАРКО ПОЛЮ). *Рекламная функция* эргонимов неразрывно связана с информационной функцией и находится на службе рыночной экономики. Исходная форма обрастает широким набором словесных, изобразительных приемов, создающих рекламные образы, цель которых активно воздействовать на психику реципиента, притягивать к себе внимание и побуждать к посещению данного заведения. Вывеска с названием паба ЧЕРЧИЛЛЬ сопровождается фотографией известного политика, у входа видим фигуру британского солдата в легко узнаваемом ярко-красном парадном мундире и высокой меховой шапке. Безусловно, для большинства

³ URL: <https://Яндекс.Картыпаб черчилль улан-удэ> (дата обращения: 13.10.2019).

иностранных туристов презентация эргонима ЧЕРЧИЛЛЬ обладает высоким аттрактивным потенциалом.

Охранная функция эргонима связана с имиджем заявленного бренда, соответствием его статусу. В связи с этим эргоним ЧЕРЧИЛЛЬ безусловно обязывает владельцев паба к качественному и корректному обслуживанию. *Стимулирующая (качественная, гарантийная) функция* позиционирует данное предприятие общественного питания как представителя известной фирмы – что, в определенном смысле, является гарантией качества. Хорошо зарекомендовавшая себя компания следит за тем, чтобы ее продукция производилась с учетом высоких требований, так, например, SUBWAY, БАСКИН РОББИНС, KFC относятся к международной сети предприятий питания

Психологическая или аттрактивная функция эргонимов направлена на то, чтобы вызвать доверие к предлагаемым услугам, уже зарекомендовавшим себя на рынке потребителей. К главным критериям оценки работы ресторанов, кафе и прочих заведений общественного питания относятся: еда – разнообразие меню, вежливое и быстрое обслуживание, оригинальное оформление интерьера и приятная атмосфера – живая музыка, ненавязчивая развлекательная программа. Приведем отзывы о ресторане «Чингисхан»: – И. Демидов: «Отличный ресторан, с аутентичной бурятской кухней, бульоны, буузы, хушууры, саламат – все есть! Обслуживание также на высоте⁴. Психологически привлекательными для определенной категории потребителей являются эргонимы: СЫТЫЙ ГОСТЬ, СЫТЫЙ ПАПА, СЫТЫЙ ХАН, СЫТЫЙ ВОЛК, где качественное прилагательное «сытый» выполняет аттрактивную функцию, а второй компонент «гость» безусловно, имеет положительную коннотацию в этикетных правилах гостеприимства, также как и «папа» – символ семейных устоев. СЫТЫЙ ХАН и СЫТЫЙ ВОЛК предполагают элемент брутальности в гендерной картине мира.

Для нашего исследования мы отобрали 228 наиболее посещаемых ресторанов и кафе в центральной части г. Улан-Удэ, где сосредоточены многие государственные учреждения, исторические и культурные достопримечательности, включенные в туристический маршрут города.

По языковому составу они делятся на следующие группы:

1. Эргонимы на русском языке – 113 ед., 49,5%.
2. Эргонимы на иностранных языках – 57 ед., 25%.
3. Эргонимы на бурятском языке – 33 ед., 14,5%.

⁴ URL: [www:https:// dislike24.ru/org/chingishan-restoran-karla-marksa...](https://dislike24.ru/org/chingishan-restoran-karla-marksa...) (дата обращения: 08.10.2019).

4. Гибридные эргонимы – 25 ед., 11%.

Наиболее многочисленную группу эргонимов составляют *названия ресторанов и кафе* на русском языке (113 ед., 49,5%). Русская культура и традиции отражены в эргонимах: МАСЛЕНИЦА, ПЕЛЬМЕНЬ; к индивидуализирующей функции отнесем сохранение дореволюционной орфографии в названиях САМОВАРЪ, ГОРОДОКЪ. В Республике Бурятия согласно итогам переписи 2010 г. проживают 167 национальностей. Изменение национального состава населения Бурятии за последние 10 лет, привела к увеличению предприятий питания, ориентированных на национальные кухни: азербайджанскую, грузинскую, узбекскую, китайскую и др. Данная группа эргонимов г. Улан-Удэ представлена на русском языке: азербайджанская кухня – У ЭМИНА; узбекская – ЧАЙХАНА ТАПЧАН; грузинская – ГЕНАЦВАЛЕ; японская – САМУРАЙ; китайская – ПЕКИНСКАЯ УТКА.

На втором месте эргонимы на *иностранных языках* (57 ед., 25%), преимущественно на английском, так как адресованы в первую очередь к иностранным туристам. Международная компания APPETITE inc имеет сеть кафе в России и за рубежом. Сравним название ресторана Eat & Meat в Дубае, которое в российских регионах имеет расхождения в графическом исполнении: бургерная EAT MEAT (Улан-Удэ), EatMeat (Москва, Одинцово), Eat/Meet (Екатеринбург). Многие предприятия питания г. Улан-Удэ ориентированы на паназиатскую кухню: DADONG ‘кит. далекая восточная страна’; MONGOL HOOL ‘монгольская еда’; сеть кафе ТЕМАКИ ‘япон. роллы своими руками’; ТОМ ЯМ в переводе с тайского ‘кисло-острый суп’ – национальное блюдо Лаоса и Таиланда.

Эргонимы на бурятском языке (33 ед., 14,5%) апеллируют к фоновым знаниям – сведениям, которыми располагают представители бурятского этноса, но ставшими общими для лиц других национальностей, живущих в Республике Бурятия. В практическом материале это АЛТАН ГЭРЭЛ (тибет. ‘сутра золотого света’), ДАНГИНА ‘бур. красавица’. Специализация бурятской кухни очевидна по наиболее распространенному компоненту «бууза», который восходит к китайскому слову «баоцзы», образованного от глагола 包 (бао) ‘заворачивать, обертывать’⁵.

В 2009 году известного российского сатирика М. Задорнова во время визита в Иволгинский дацан угостили обедом, в меню которого были буузы или позы, над которыми г-н Задорнов шутил в одном из своих реприз, сказав: «Я таких вкусных поз никогда не ел, хотя раньше их пробовал». На что известный астролог, ректор буд-

⁵ URL: [www:https:// ru.wikipedia.org](https://ru.wikipedia.org)Баоцзы (дата обращения: 19.10.2019).

дийского университета, Лама Ганжурцырен Раднаев, заметил, что раньше Задорнову встречались именно позы, а в дацане он ест настоящие бурятские буузы⁶. Возможно, именно этот факт способствовал закреплению гастронома «буузы» в региональной эргонимии: БУРЯД БУУЗА ‘бурятские буузы’, БУУЗЫН ГЭР ‘дом бууз’, ХАЛУУН БУУЗА ‘горячие буузы’.

Бурятское национальное блюдо пользуется большим спросом и в других регионах, где наши предприимчивые земляки заполняют свободную нишу в сфере общественного питания: БАЙКАЛ ЭКО БУУЗЫ (Москва), ВUУZА RООМ (Санкт-Петербург), КРЫМБУZZА (г. Судак, Крым), КАФЕ ПОЗНАЯ, БУРЯТСКИЕ БУУЗЫ (Хабаровск).

Интернационализация индустрии питания создает предпосылки для образования гибридных эргонимов (25 ед., 11%), содержащих в своем составе: а) основы разных языков (БУУЗА КАФЕ, БУУЗА RООМ); б) часть основы или сложного слова, иногда окончание, записываются латиницей (ПОДVAL, ОбщеPIT, ШашлыкOFF); в) транслитерация иностранных слов русскими буквами (МОДЕРН НОМАДС, ТРАТТОРИЯ ИНТАЛИЯ). Для дифференциации многочисленных кафе, специализирующихся на национальной бурятской кухне, также используются гибридные эргонимы: а) к основе *бууза* добавляется суффикс *-н* и окончание *-ая* русского языка (БУУЗНАЯ), б) образуется сложное слово по правилам русского языка (БУЗОВАР); в) бурятское слово *бууза* транслитерируется латиницей и к нему добавляется китайская основа бао (ВUУZА ВАО).

В ресторане бурятской кухни БАРАН НА КОРОВЕ есть коронное блюдо – бараньи язычки с говяжьим бульоном. Необычное название отсылает нас к старинной притче о том, как баран и корова не могли добраться до яблока на высоком дереве и даже поссорились. Но затем догадались, и баран забрался на корову, чтобы достать яблоко, которое дружно поделили. Отсюда смысл притчи «Баран на корове» – символ дружбы⁷. Безусловно, в подобных названиях реализуется стимулирующая функция эргонимов – заинтересовать посетителей необычным названием и тем самым привлечь клиентов к посещению данного заведения.

Высокая кухня (фр. *Haute cuisine, Grande cuisine*) – национальный бренд Франции с мировой известностью, одна из главных ассоциаций, характеризующих страну в представлениях многих людей [Загрязкина, 2015: 51]. Французские рестораторы тратят огромные

⁶ URL: www.https://infpol.ru...mikhail-zadornov...govorit...vmesto-poza (дата обращения: 08.10.2019).

⁷ URL: www.https://ulan.mk.ru/Общество...-baran-na-korove.html (дата обращения: 19.10.2019).

суммы на маркетинг своих заведений и в первую очередь обращают внимание на выбор названия ресторана, которое отвечает за выbranную концепцию заведения. При этом они соблюдают пять основных правил: 1) название должно быть оптимистичным, приятным на слух; 2) передавать «атмосферу» ресторана; 3) быть немного загадочным, вызывать интерес клиентов; 4) если место для будущего ресторана имеет памятную историю или связано с интересным событием, то желательно, чтобы этот факт был отражен в названии; 5) название ресторана должно «цеплять» и легко запоминаться⁸. Эргоним БАРАН НА КОРОВЕ соответствует всем перечисленным критериям: атмосферу ресторана создает этнический стиль интерьера, загадочное название вызывает интерес клиентов, напоминающее о мудрой притче, и поэтому легко запоминается.

Туризм – приоритетная отрасль экономики Бурятии. Важное место в сфере гостеприимства занимает организация туристического питания. Многофункциональность эргонимов в современном обществе вызвана экономическими, политическими и социальными преобразованиями в обществе. Эргонимы являются частью языковой картины городского пространства и любого населенного пункта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вепрева И.Т.* Современный эргонимикон в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2019. Т. 16. № 4. С. 168–179.
2. *Загряжкина Т.Ю.* Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 51–76.
3. *Крыкова И.В.* Англиязычные эргонимы и словесные товарные знаки Японии как опосредованное отражение национальной культуры: Дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004.
4. *Кусков А.С., Джаладян Ю.А.* Основы туризма. М., 2013.
5. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. 198 с.
6. *Романова Т.П.* Эволюционные процессы в области современной российской эргонимической терминологии // Вопросы ономастики. № 3. Екатеринбург, 2006. С. 76–83.
7. *Садохин А.П.* Межкультурная коммуникация. М., 2004.
8. *Сидоренко Е.Н.* Из истории исследования эргонимов. URL: www.https://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/04/sid.pdf (дата обращения: 10.11.2019).
9. *Суперанская А.В., Соболева Т.А.* Товарные знаки. М., 2009.
10. *Тортунова И.А.* Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. 2012. № 3. Филология. С. 124–137.
11. *Юревич А. В.* Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 168–179.

⁸ URL: www.https://faire-connaître-mon-entreprise.fr/restaurant (дата обращения: 11.10.2019).

Galina S. Dorzhieva, Anna O. Tkacheva

**ERGONYMS IN TOURIST DISCOURSE:
TYPOLOGICAL AND FUNCTIONAL ASPECTS
(A CASE STUDY OF ERGONYMS OF THE BURYAT REPUBLIC)**

*Banzarov Buryat State University
6, Ranzhurov street, Ulan-Ude, 670000, Russia*

The article discusses ergonyms and their types and functions in the food industry of the Buryat Republic. The main onomastic function of an ergonym, as of a proper name, is nominative-excretory, which, along with the individualization function, determines the range of services that are provided by legal entities and individual entrepreneurs. The identification or informative function of ergonyms gives the consumer an idea of what is offered there and what quality the product is. The advertising function of ergonyms is inextricably linked with the informative function and is a market economy tool (IRISH PUB). The security function of the ergonym is associated with the image of the claimed brand and its status (CHURCHILL). The stimulating function positions this food company as a representative of a well-known company being in a certain sense a guarantee of high quality (KFC). The psychological or attractive function of ergonyms is aimed at creating confidence in the offered services that are already known as the consumer market (BURYATIA). Ergonyms in Russian reflect Russian culture and traditions (MASLENITSA, SAMOVAR), most food establishments with national cuisines are presented in Russian (CARAVAN-BASHI, SAMURAI). Ergonyms in foreign languages are addressed primarily to foreign tourists. Their choice is influenced by the affiliation of the given food enterprise to the international (SUBWAY) or the all-Russian food chains (ShashlykoFF). Ergonyms in the Buryat language appeal to the background knowledge of representatives of Buryat ethnic group, which have become common to people of other nationalities living in the Republic of Buryatia (ALTAN GEREL).

Key words: sociolinguistics; linguoculturology; onomastics; tourism business; food industry; national cuisine; ergonyms functions.

About the authors: *Galina S. Dorzhieva* – Dr. habil in Philology, professor, Banzarov Buryat State University (e-mail: galdor@yandex.ru); *Anna O. Tkacheva* – Post-graduate Student, Banzarov Buryat State University (e-mail: anna_grigoreva_92@mail.ru)

REFERENCES

1. Vepreva I.T. 2019. Sovremenniy ergonomikon v poiske novykh form vyrazheniya [Modern ergonomicon in the search for new forms of expression]. *Voprosy Onomastiki*, no. 4, vol. 16, pp. 168–179. Yekaterinburg, Publishing of Ural'skogo Universiteta. (In Russ.)
2. Zagryazkina T.Yu. 2015. Kody francuzskoi kuhni v kontekste narrativnykh tekstov [Code of French Cuisine in the Context of Narrative Texts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 51–76. (In Russ.)

3. Krykova I.V. 2004. *Angloyazychnye ergonimy i slovesnye tovarnye znaki Yaponii kak oposredovannoe otrazhenie natsional'noi kul'tury* [English language ergonyms and verbal trademarks of Japan as an indirect national culture reflection]: PhD dissertation. Vladivostok. (In Russ.)
4. Kuskov A.S., Dzhaldyan Yu.A. 2013. *Osnovy turizma* [Tourism basics]. Moscow, KNORUS. (In Russ.)
5. Podolskaya N.V. 1978. *Slovar russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
6. Romanova T.P. 2006. Evolyutsionnye protsessy v oblasti sovremennoi rossiiskoi ergonimicheskoi terminologii [Evolutionary processes in the field of modern Russian ergonomic terminology]. *Voprosy onomastiki. Yekaterinburg: Publishing of the Ural University*, no. 3, pp. 76–83. (In Russ.)
7. Sadokhin A.P. 2004. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural communication]. Moscow, Al'fa-M; INFRA-M. (In Russ.)
8. Sidorenko E.N. 2015. *Iz istorii issledovaniya ergonimov* [From the history of the study of ergonyms]. URL:[www:https://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/04/sid.pdf](https://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/04/sid.pdf) (accessed: 10.11.2019). (in Russ)
9. Superanskaya A.V., Soboleva T.A. 2009. *Tovarnye znaki* [Trademarks]. Moscow, Book house “LIBROKOM”. (In Russ.)
10. Tortunova I.A. 2012. Ergonim kak rezul'tat rechetvorchestva [Ergonim as a result of writing]. *Nauchnyi dialog*, no. 3. Philologia. Moscow, pp. 124–137. (In Russ.)
11. Yurevich A.V. 2018. Empiricheskie otsenki nraivstvennogo sostoyaniya sovremen-nogo rossiiskogo obshchestva [Empirical assessments of the moral state of modern Russian society]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 4, pp. 168–179. (In Russ.)

А.Ю. Исаева

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПОЭТИЗАЦИИ
ОБРАЗА ПАРИЖА XIX в.
В НЕФИКЦИОНАЛЬНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена исследованию языковых средств поэтизации образа Парижа XIX в. в нефикциональном повествовании. На материале текстов эссе, путеводителей, а также исторических сочинений о Париже, создаваемых публицистами, журналистами и историками XIX в. рассматривается проявление поэтизации в нехудожественных текстах и сравнивается с образом столицы Франции, созданным в литературных произведениях. Делается предположение о наличии стремления авторов в нефикциональном повествовании усилить эстетическое воздействие на читателя, которое реализуется с помощью языковых средств, включающих метафоры и аллегории, и влечет за собой создание или изменение фрагментов картины мира читателя. Среди основных идей, характеризующих восприятие Парижа сквозь призму поэтизации, выделяются: Париж как средоточие развращенности, Париж как центр страны и мира, Париж как место культурной памяти. Все эти идеи находят свое отражение также в художественной литературе, а множественные отсылки к исторической памяти свидетельствуют о сохранении авторами формировавшегося столетиями образа французской столицы. Делается вывод о наличии схожих способов метафоризации образа города в художественном и нефикциональном повествовании, о характерном для парижского дискурса возвышенном стиле, и об усилении стереотипа о столице Франции в рассмотренных текстах.

Ключевые слова: Париж; языковые средства; поэтизация; нефикциональное повествование; метафора; французский язык; языковые средства; поэтизация.

Влияние художественного и публицистического дискурса на коллективные представления дает богатый материал для исследования. Так, в своей статье «Когнитивный ресурс стереотипа Корсики в контексте художественного интердискурса» Т.Ю. Загрякина исследовала влияние художественной литературы на коллективные представления об острове не корсиканцев. Автор исходила из предположения, что «при актуализации образа Корсики в коллективных

Исаева Анна Юрьевна – аспирант кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: isaevanna@yandex.ru).

представлениях не корсиканцев происходит поиск, подтверждение и углубление черт, которые уже были сформированы и уложены в типовую схему – стереотип». Т.Ю. Загрязкина также подчеркнула, что «первая корсиканская новелла Мериме (Маттео Фальконе) не столько формировала, сколько отражала стереотип, который начинал складываться под влиянием иных факторов». Стереотип в этом контексте сопоставляется с понятием *doxa* «как совокупностью представлений и мнений, разделяемых обществом и обеспечивающих вербальную коммуникацию, или упрощенным – схематизированным – мифом» [Загрязкина, 2019: 45].

Данный вывод важен в контексте рассмотрения образа Парижа в нашей статье. Миф о Париже, созданный великими романистами XIX в. в художественной литературе, рассматривался нами ранее в рамках изучения процесса метафоризации образа города. Используя метафоры природной стихии, метафоры централизации и персонификации О. Де Бальзак, В. Гюго и Г. Флобер создавали иллюзорный образ Парижа, идеализированное пространство, где сосредоточены все блага цивилизации, и в котором даже человеческие пороки приобретают особый смысл [Исаева, 2019: 140–148]. Ролан Барт в своей книге «Нулевая степень письма» обращал особое внимание на взаимосвязи фикционального и нефикционального повествования: «Между Романом и Историографией существовали тесные связи в ту самую эпоху, которая стала свидетельницей их наиболее пышного расцвета. Глубина этих связей, позволяющая одновременно понять и Бальзака, и Мишле, обусловлена тем, что каждый из них создавал свой автономный мир, имеющий собственное измерение и собственные границы, собственное время и собственное пространство, – мир со своими обитателями, предметами и мифами» [Барт, 2008: 70].

Мы полагаем, что языковое явление и когнитивный феномен метафоризации используется в различных видах текстов, не только художественных, но и нехудожественных, нефикциональных. Под последними, вслед за Ж. Женнетом, мы будем понимать повествование, представляющее собой «историческое сочинение, автобиографию, газетный репортаж, личный дневник» или другие формы текста, не попадающие под категорию «дискурса вымысла [fiction]» [Женетт, 2020: 472]. Мы полагаем также, что в нефикциональной прозе проявляется намерение автора усилить эстетическое воздействие на читателя с помощью изобразительных языковых средств, включая метафоры и аллегории, что влечет за собой формирование или изменение фрагментов языковой картины мира читателя. В данной статье рассматриваются работы публицистов, журналистов и историков XIX в., посвященные Франции или ее столице: J. Michelet

«Tableau de la France» (Ж. Мишле «Картина Франции»), М. Du Camp «Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIXe siècle» (М. Дюкан «Париж, его органы, отправления и жизнь во второй половине XIX века»), М.Т. Faucon «Véritable guide parisien pour les étrangers» (М.Т. Фокон «Настоящий путеводитель по Парижу для иностранцев»), Н. А. Taine «Balzac», (И.А. Тэн «Бальзак»).

Описание Парижа в нефикциональной прозе, включающая указанные и другие мемуары, эссе, гиды, а также исторические сочинения о Париже происходило одновременно с созданием образа и/или стереотипа Парижа в художественных текстах, известных не только во Франции, но и во всем мире. При этом исследованные тексты имеют и индивидуально-авторские особенности. В процессе исследования, мы обнаружили, что авторы нефикциональной прозы XIX в. так же, как и авторы классических романов, создавали свое городское пространство. В этом пространстве образ Парижа был поэтизирован, то есть представлен в возвышенном и даже приукрашенном виде, ср. определение «поэтизации» (poétisation f.), данное в Малом академическом словаре русского языка («представление в поэтическом (приукрашенном) виде»)¹. В статье мы будем рассматривать поэтизацию как явление, связанное с приобретением словом (в нашем случае – именем французской столицы) эмоционально-экспрессивной окраски и с усилением его образности. Поэтизацию можно рассматривать как свойство «художественного концепта» (термин С.А. Аскольдова), которому присуща «чуждая логике и реальной прагматике художественная ассоциативность» [Аскольдов, 1997].

Выделим основные идеи, характеризующие восприятие Парижа сквозь призму его поэтизации, а также лингвистические способы выражения этих идей в выбранных текстах, сравнив их с произведениями художественной литературы:

1) Идея Парижа как средоточия развращенности

Прежде всего отметим, что идея Парижа как средоточия безнравственности, разврата, сосредоточения людских пороков обнаруживается во многих литературных произведениях: “Paris n’est-il pas un vaste champ incessamment remué par une tempête d’intérêts sous laquelle tourbillonne une moisson d’hommes que la mort fauche plus souvent qu’ailleurs et qui renaissent toujours aussi serrés, dont les visages contournés, tordus, rendent par tous les pores l’esprit, les désirs, les poi-

¹ Малый академический словарь русского языка. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/search?s=%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 10.04.2019).

sons dont sont engrossés leurs cerveaux ; non pas des visages, mais bien des masques : masques de faiblesse, masques de force, masques de misère, masques de joie, masques d’hypocrisie ; tous exténués, tous empreints des signes ineffaçables d’une haletante avidité? Que veulent-ils ? De l’or, ou du plaisir ?»² (Не подобен ли Париж огромному полю, где непрестанно бушует буря корысти, клонящая долу людскую жатву, которая здесь особенно часто падает под косою смерти, но вновь вырастает, столь же обильная; искажённые, перекошенные лица людей всеми порами источают мысль, желания, яды, отягощающие мозг; нет, то не лица, то – личины, личины слабости, личины силы, личины нищеты, личины радости, личины ханжества; все истощённые, все отмеченные несмываемой печатью распалённой алчности! Чего хотят они? Золота или наслаждения?)³ Метафора огромного поля “un vaste champ”, полного человеческих страстей перекликается с другими метафорами, отмеченными нами ранее в рамках исследования мифа о Париже. Так, в «Отверженных» Париж – это «славный малый» (“bon enfant”), которого забавляют пороки и уродства: A cela près, Paris est bon enfant. Il accepte royalement tout; il n’est pas difficile en fait de Vénus; sa callipyge est hottentote; pourvu qu’il rie, il amnistie; la laideur l’égaye, la difformité le désopile, le vice le distrait; soyez drôle, et vous pourrez être un drôle; l’hypocrisie même, ce cynisme suprême, ne le révolte pas; il est si littéraire qu’il ne se bouche pas le nez devant Basile, et il ne se scandalise pas plus de la prière de Tartuffe qu’Horace ne s’effarouche du “hoquet” de Priape. Aucun trait de la face universelle ne manque au profil de Paris⁴ («А при всем том Париж – добрый малый. Он царственно приемлет все и не слишком шепетилен в любовных делах; его Венера – из готтентоток; он готов все простить, только бы посмеяться; физическое уродство его веселит, духовное забавляет, порок развлекает; ежели ты затейник – будь хоть мошенник; его не возмущает даже лицемерие – эта последняя степень цинизма; он достаточно начитан, чтобы не зажимать нос при появлении дона Базилио, а молитва Тартюфа шокирует его не больше, чем Горация «икота» Приапа. Чело Парижа повторяет все черты вселенского лика») ⁵ [Цит. по: Исаева, 2019: 140–148]. Как видно из приведенной цитаты, образ Парижа приобретает вселенские черты.

Сходные образы засвидетельствованы и в нехудожественных текстах. Французский философ, историк, публицист, член Француз-

² Balzac H. Scènes de la vie parisienne. Т. 1. Paris, 1866. P. 236.

³ Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. Т. 11. М., 1960. С. 269.

⁴ Hugo V. Les Misérables. Paris, 1976. P. 606.

⁵ Юго В. Отверженные: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 558.

ской академии, Ипполит Адольф Тэн в эссе “Balzac” в книге “Nouveaux essais de critique et d’histoire” («Новые критические и исторические очерки») описывает Париж, используя метафоры удовольствия, в том числе утонченного, но и сомнительного:

– “Contemplez Paris à cette heure le gaz s’allume, le boulevard s’emplit, les théâtres regorgent, la foule veut jouir, partout où la bouche, l’oreille, les yeux soupçonnent un plaisir, eile se rue; plaisir raffiné, artificiel sortie de cuisine maisaine, faite pour exciter, non pour nourrir”⁶ («Взгляните на Париж в девять часов вечера: зажигается газ, бульвар и театр наполняются, толпа жаждет наслаждений, ее привлекает все, что сулит удовольствие вкусу, слуху, зрению, удовольствие утонченное, искусственное, приготовленное в той вредной кухне, которая возбуждает, но не питает человека...»)⁷. В этом контексте удовольствие характеризуется как “artificiel” (ненастоящее), “sortie de cuisine maisaine” (приготовленное на вредной кухне), не питающее, но только возбуждающее человека.

В путеводителе по Парижу 1855 г. для иностранцев “Véritable guide parisien pour les étrangers” М.Т. Фокон углубляет метафору удовольствия как разврата и сравнивает Париж с Вавилоном: Paris était donc, à cette époque, un lieu de délices <...> Paris est tout cela encore aujourd’hui; on l’a appelé (je ne sais trop si ce rapprochement est flatteur pour lui), la Babylone moderne⁸ («Париж был в то время местом наслаждений. Париж такой и сегодня; мы его зовем (я не знаю, льстит ли ему эта отсылка), современный Вавилон»).

Художественный образ *Babylone* (Вавилона) как центра удовольствий и развлечений не раз обнаруживается в исследуемых произведениях. Так, французский журналист, близкий друг Г. Флобера, редактор журнала “Revue Nationale” М. Дюкан занимался изучением общественной жизни Парижа и изложил его результаты в многотомном сочинении “Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIXe siècle” («Париж, его органы, отправления и жизнь во второй половине XIX века»). В 6 томе сочинения аллегория *Париж – Вавилон* используется несколько раз:

– Paris est la cloaca maxima du monde c’est une sorte de rendez-vous universel, et ceux qui ont le plus profité de la facilité de nos mœurs sont

⁶ Taine H. Nouveaux essais de critique et d’histoire (2e édition). P.: Paris, 1866. P. 70. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k26631r/f74.image.texteImage> (accessed: 07.04.2020).

⁷ Здесь и в других местах перевод наш. – А.И.

⁸ Faucon M.T. Véritable guide parisien pour les étrangers. P.: Coulon-Pineau, Libraire, 1855. P. 219. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54105303?rk=21459;2> (дата обращения: 01.03.2020).

ceux qui nous ont le plus calomniés, Ç'a été la mode parmi les nations étrangères, après les désastres de 1871, de crier à la corruption de la "Babylone moderne"⁹ («Париж – это самая большая клоака мира: это своего рода универсальная встреча, и те, кто больше всего выиграл от легкости нашей морали – это те, кто нас больше всего оклеветал. Среди иностранных народов после бедствий 1871 года было модно кричать о разращении "современного Вавилона"»).

– "Les Parisiens sont des grenouilles, il faut les laisser chanter", disait Marie-Antoinette, et elle écoutait leurs coassements avec une épouvante qui n'a été que trop lamentablement justifiée. Ceux-là mêmes, qui, dans l'enivrement du triomphe, après la chute de Paris, se sont écriés Tombée tombée la Babylone orgueilleuse! ceux-là tendent l'oreille et se préoccupent de ce que dit la grande ville¹⁰ («Парижане – лягушки, вы должны позволить им петь», – сказала Мария-Антуанетта, и она слушала их кваканье с ужасом, который был слишком плачевно оправдан. Это те самые люди, которые в опьянении от триумфа после падения Парижа восклицали: "Падший, падший гордый Вавилон!" Те люди, кто слушают, озабочены тем, что говорит великий город»).

Образ разращенного города, который все же оказывается достойнее людей, клеветущих на него, выражается прилагательным "orgueilleuse" (гордый, горделивый), "grande" (великий).

2) Идея Парижа как центра страны и мира

Начиная с XV в. Париж стал не только политическим, но и культурным центром страны. Абсолютная монархия, утвердившаяся во Франции с конца XVI – начала XVII в. и продлившаяся до Великой Французской революции, повлияла на восприятие столицы империи как центра всей страны, которое в дальнейшем только усилилось. Обусловленное историческими факторами противостояние центра и «периферии» находило свое отражение в литературном повествовании:

– Le Paris de 1862 est une ville qui a la France pour banlieue¹¹ (Париж 1862 г. – город, предместьем которого является вся Франция¹²);

– Paris, le centre des arts et de la civilisation¹³ (Париж – средоточие искусств и цивилизации)¹⁴;

⁹ *M. Du Camp*. Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIXe siècle. Т. 6. Р.: Librairie Hachette, 1875. Р. 422. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2060951/f3.item.r=cloaca%20>

¹⁰ *M. Du Camp*. Op. cit. Р. 288.

¹¹ *Hugo V*. Les Misérables. Т. 1. Fantine. Р. 205. URL: https://www.ebooksgratuits.com/ebooks.php?auteur=Hugo_Victor (accessed: 08.04.2020).

¹² *Гюго В*. Отверженные. Т. 1. М., 2012. С. 127.

¹³ *Hugo V*. Op. cit. Р. 444.

¹⁴ *Гюго В*. Указ. соч. С. 260.

– Paris, centre, la banlieue, circonférence¹⁵ (Париж – центр, его предместья – окружность).

Идея централизации отражалась и в нехудожественном повествовании. Она гиперболизовалась настолько, что Париж стал целым миром. Эпиграфом к 6 тому уже упомянутой книги “Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la¹⁶ seconde moitié du XIXe siècle” М. Дюкан выбрал высказывание, приписываемое Франциску 1:

– “Paris n’est pas une ville, c’est un monde”¹⁷ («Париж – это не город, это – мир»).

Знаменитый историк Ж. Мишле в книге “Tableau de la France” высказывает сходную идею и называет Париж «сенсориумом», который следует трактовать как «чувственный центр» Франции, в котором все территории страны соединяются воедино:

– “D’une part, les provinces <...>; d’autre, celles de Languedoc et de Provence <...> enfin celles de Picardie et de Flandre, où les deux systèmes se rattachent. Paris est le sensorium”¹⁸ (С одной стороны, провинции <...>; с другой стороны, Лангедок и Прованс <...>, наконец, у Пикардии и Фландрии две системы связываются. Париж – это сенсориум).

М.Т. Фокон отождествляет историю столицы с историей целой страны, и также отождествляет Париж с целым миром:

– Paris n’a plus d’histoire particulière, c’est l’histoire de France, qu’il faut lire et consulter si l’on veut obtenir des détails sur les événements historique dont cette ville a été le théâtre¹⁹ (У Парижа нет больше отдельной истории, это история Франции, которую нужно читать, и к которой необходимо обращаться, если хочется узнать детали исторических событий, театральной сценой которых был этот город).

– “Un mot de Charles-Quint donnera une idée des accroissements successifs de cette ville. Il disait, après son séjour en France, qu’il y avait vu un monde, une ville, un village. Le monde, c’était Paris; la ville, Orléans; le village, Poitiers”²⁰ (Слова Карла V дают представление о последовательном росте этого города. После своего пребывания во Франции он сказал, что видел мир, город, деревню. Миром был Париж; городом – Орлеан; деревней – Пуатье).

¹⁵ Hugo V. Les Misérables T. 3. Marius. P. 16. URL: https://www.ebooksgratuits.com/ebooks.php?auteur=Hugo_Victor (accessed: 07.04.2020).

¹⁶ Гюго В. Указ. соч. С. 550.

¹⁷ M. Du Camp. Op. cit.

¹⁸ Michelet J. Tableau de la France. P. : Librairie internationale, 1875. P. 78. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k102906s.texteImage> (accessed: 08.04.2020).

¹⁹ Faucon M.T. Op. cit. P. 67.

²⁰ Ibid. P. 15.

Таким образом, поэтизация Парижа выражается через использование метафор величия, главной роли в мире и в истории: “le monde”, “sensorium”, “l’histoire de France”, “le théâtre”.

3) Идея Парижа как места культурной памяти

При рассмотрении концепта Париж в художественном повествовании мы обнаруживали отсылку к древнему названию Парижа в романах В. Гюго и О. де Бальзака: “il contient aussi Lutèce, la ville de boue” («он впитал в себя также и Лютецию – город грязи»), “à travers le sol, d’y empoisonner les puits et de continuer souterrainement à Lutèce son nom celebre. La moitié de Paris couche dans les exhalaisons putrides des cours, des rues et des basses oeuvres” («так что под землей город до сих пор подтверждает справедливость знаменитого своего имени – Лютеции. Половина Парижа живет среди гнилых испарений дворов, улиц, помойных ям») [Цит. по: Исаева, 2019: 163–172].

Номинация “Lutèce” является частью коллективных представлений о городе, частью Парижского мифа, формировавшегося столетиями. До масштабных работ по реконструкции города бароном Османом во второй половине XIX в. санитарная обстановка в городе была затруднена отсутствием канализации, но даже после проведенных знаменитым префектом работ, Париж продолжал ассоциироваться с грязным городом, такой стереотип существует и сегодня. Большинство нехудожественных повествований о столице Франции начинается с описания Лютеции – города грязи (от “lutum” – грязь), положившего начало современному Парижу.

Рассмотрим упоминание исконного названия города в нефикциональном повествовании. В путеводителе по Парижу 1855 г. М.Т. Фокона мы находим:

– “Lutèce, son ancien nom, aux marais voisins qui la rendaient extrêmement boueuse: Lutetia de Lutum qui signifie boue”²¹ (Лютеция, его старое название, название соседних болот, которые делали его чрезвычайно грязным: Lutetia de Lutum, что означает грязь).

М. Дюкан пишет:

– “...boueuse Lutèce sortie du fond de ses marécages soit devenue la ville que nous voyons, c’est là un fait qui serait sans precedent”²² (грязная Лютеция из болот стала городом, который мы видим, это беспрецедентный факт).

Еще одна важная часть мифа о Париже – это девиз города, латинское выражение “Fluctuat nec mergitur” («Его качает, но он не тонет»). Девиз на парижском гербе – символ силы, мужества и стойкости города и его жителей перед лицом опасности. М. Дюкан в упомяну-

²¹ Faucon M.T. Op. cit. P. 13.

²² M. Du Camp. Op. cit. P. 330.

той ранее книге “Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIXe siècle” при описании противостояния Парижа с периферией обращается к образу нетонущего корабля: “Des esprits très sages ont cru qu’il n’était pas prudent d’enfermer toute la force morale de la France dans une ville un peu trop sujette aux commotions. Cette mesure <...> n’a point modifié d’une manière sensible l’existence de Paris: semblable au vaisseau qui forme ses armes parlantes, il flotte toujours et n’est point encore submergé. On pourra peut-être diminuer l’importance politique et administrative de Paris, mais il sera bien difficile d’amoindrir son importance morale”²³ («Очень мудрые люди считали, что было бы неразумно запира́ть всю моральную силу Франции в городе, слишком склонном к сотрясениям. Эта мера существенно не изменила существование Парижа: подобно судну, которое создает свое говорящие оружие, его качает, но он еще не затонул. Возможно, мы сможем уменьшить политическое и административное значение Парижа, но будет очень трудно уменьшить его моральное значение»). Париж сражается за свое право быть политическим и культурным центром Франции и одерживает победу.

В своем труде по исследованию Парижа XIX в. М. Дюкан начинает главу “Le Parisien” («Парижанин») с отсылки к литературному памятнику XVI в., рыцарской поэме итальянского писателя Лудовико Ариосто, которая повлияла на развитие европейской литературы Нового времени, “Orlando furioso” («Нейстовый Роланд»): “La ville de Paris est située dans une helle plaine, précisément au cœur de la France”, dit l’Arioste, dans le quatorzième chant de Roland furieux”²⁴ («Город Париж расположен на равнине, точно в самом сердце Франции», – говорит Ариосте в четырнадцатой песне Нейстового Роланда»).

Все эти отсылки к исторической памяти не случайны и подтверждают мысль о том, что образ Парижа как политического, административного и культурного центра Франции, сердца страны создавался в течение долгой истории. Авторы XIX в. разделяли веками сформированные представления о городе и своими текстами и трудами дополняли уже укрепившуюся в представлениях французов картину Парижа.

Именно поэтому идеи централизации, образы центра притяжения культуры и пороков, а также парижский миф в целом (включающий в себя Лютецию, образ плывущего по волнам корабля и города, с которого началась история страны), обнаруживаются не только в художественном, но и в нефикциональном повествовании: истори-

²³ Ibid. P. 328.

²⁴ Ibid. P. 233.

ческих текстах, путеводителях и исследованиях о городе. Все рассмотренные нами труды Ж. Мишле, А. Тэна, М.Т. Фокона, М. Дюкана характеризуются способами метафоризации, близкими к тем, которые засвидетельствованы в художественной литературе.

В заключение сделаем вывод, что нехудожественным текстам XIX в. было свойственно представление города в возвышенном стиле, что приводило к поэтизации образа Парижа и сближало нехудожественное и художественное повествование. Дискурс о Париже усиливал коллективные представления о центростремительной силе французской столицы. Посредством метафор и аллегорий авторы дополняли уже существующий образ города новыми оттенками, и укрепляли сформированный стереотип о Париже в умах не только французов, но и жителей всего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997.
2. *Барт Р.* Нулевая степень письма: Академический проект. М., 2008.
3. *Загряжская Т.Ю.* Когнитивный ресурс стереотипа Корсики в контексте художественного интердискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 44–59.
4. *Исаева А.Ю.* Метафоризация образа Парижа в произведениях О. де Бальзака, В. Гюго, Г. Флобера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 140–148.
5. *Исаева А.Ю.* Концепт Париж в художественной литературе XIX в. на примере произведений О. де Бальзака, В. Гюго, Г. Флобера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 163–172.
6. *Женетт Ж.* Вымысел и слог (Fictio et dictio) // Женетт Ж. Фигуры. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-1.pdf> (дата обращения: 07.04.2020).

Anna Yu. Isaeva

LINGUISTIC METHODS OF POETIZATION OF THE IMAGE OF PARIS IN THE NON-FICTIONAL NARRATIVE OF THE XIX CENTURY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the study of linguistic means of poetization of the image of Paris in the non-fictional narrative of the XIX century. The manifestation of poetization in non-fictional narrative is examined and compared with the image of the capital of France created in the fiction genre. This study is based on the texts of essays, guidebooks, as well as historical works about Paris, created by publicists, journalists and historians of the 19th century. The assumption about a desire of the authors in non-fictional narrative to strengthen the aesthetic impact on the reader is made. This intention is realized with the help of language tools, including

metaphors and allegories, and therefore it entails the creation or modification of fragments of the reader's perception of the world. Three main ideas that characterize the perception of Paris through the prism of poetization are examined: Paris as the center of depravity, Paris as the center of the country and the world, Paris as a place of cultural memory. All these ideas are also reflected in fiction. References to historical memory made by the authors confirm the idea of the preservation of the image of the French capital that has been formed over centuries. It is concluded that there are similar means of metaphorization of the image of the city in fiction and non-fictional narrative. Another conclusion about the sublime style of the Paris discourse is made as well as the one about the strengthening of the stereotype of the capital of France in the examined texts.

Key words: Paris; language tools; poetry; non-fictional narrative; metaphor; French; language tools; poetization.

About the author: *Anna Yu. Isaeva* – Postgraduate Student at the Department of the French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: isaevanna@yandex.ru).

REFERENCES

1. Askoldov S.A. 1997. Konsept i slovo [The concept and word]. *Russkaya slovestnost ot teorii slovestnosti k strukture teksta: Antologiya* [The Russian language arts: from the theory to the structure of the text. Anthology]. Moscow, Academia. (In Russ.)
2. Barthes R. 2008. *Nulevaya stepen pisma* [The zero degree writing]. Moscow, Akademicheskyyi proekt. (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2019. Kognitivnyi resurs stereotipa Korsiki v kintekste hudogestvennogo interdiskursa [Corsica's stereotype cognitive resource in the context of fiction interdiscourse]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 44–59. (In Russ.)
4. Isaeva A.Ju. 2019. Metaforizaciya obraza Parizha v proizvedeniyah O. de Bal'zaka, V. Gyugo, G. Flobera [Metaphorization of the image of Paris in the works of H. Flaubert, O. de Balzac, V. Hugo]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 140–148. (In Russ.)
5. Isaeva A.Ju. 2019. Koncept Parizh v hudozhestvennoj literature XIX v na primere proizvedeniy O. de Bal'zaka, V. Gyugo, E. Zola, G. Flobera [The concept of Paris in the XIX century literature (a case study of the works of O. de Balzac, V. Hugo, E. Zola, G. Flaubert)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 163–172. (In Russ.)
6. Genette J. Vimisel b slog (Fictio et dictio) [Fiction and syllable]. *Figuri* [Figures]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-1.pdf> (accessed: 07.04.2020).

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

А.И. Комарова

МОТИВИРОВАННЫЕ VS НЕМОТИВИРОВАННЫЕ ТЕРМИНЫ ГЕОГРАФИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Данная статья продолжает ряд публикаций [Комарова, 2019, 2020; Комарова, Окс, 2018, 2014], исследующих регистр научной речи географии, состоящий из текстов разной функционально-стилистической направленности: стилистически маркированной научно-популярной прозы; стилистически нейтральной учебной литературы; сугубо фактологического изложения, свойственного статьям в научных журналах по географическим дисциплинам. Образные средства в каждой из этих функционально-стилистических разновидностей выполняют разные функции. Например, метафоры в терминологии широко используются как номинативный прием, так что метафорические термины составляют примерно четверть географических терминов на русском, английском, французском, немецком, испанском языках. В результате анализа словарей мной были выделены и описаны семантические типы метафорических терминов со следующими сферами-источниками: «человек»; «части тела человека»; «физиологические особенности человека»; «поведение человека»; «занятия, профессии»; «животные, растения»; «одежда, предметы быта, мебель»; «архитектура, строения, детали дома»; «приборы, инструменты»; «мифические образы» [Комарова, 2020]. Однако, несмотря на то, что в реальной научной речи мы обычно перестаем замечать метафорические термины, так как они функционируют как вполне нейтральные слова, не придавая общности научному изложению, специалисты, стремясь к однозначности и точности, часто отдают предпочтение немотивированным терминам. Стремление использовать немотивированные термины, источником которых служат иноязычные заимствования, объясняется тем, что у них отсутствуют дополнительные осмысления вследствие изолированности от системы данного языка. Так, некоторые заимствованные термины географии на русском языке не обладают метафоричностью, в то время как их эквиваленты на иностранных языках сохраняют свою образность и коннотации; это заключение справедливо для разных языков. В статье рассмотрены и описаны географические термины, подтверждающие данный тезис.

Комарова Анна Игоревна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков для географического факультета факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aikomarova@gmail.com).

Ключевые слова: терминологический словарь; метафорический термин; научная речь; географические науки; языковая образность.

Метафорические термины – это примеры заимствования наукой слов общеупотребительного языка путем придания им новых специальных смыслов. В терминологиях наук, включая географию, метафора используется для называния изучаемых объектов и явлений, т.е. выполняет номинативную функцию.

На протяжении своей длительной истории развития науки сложилась разветвленная терминология географии, состоящая, в свою очередь, из терминологий разных географических дисциплин на всех мировых языках. Тот факт, что примерно четвертая часть географических терминов на русском, английском, французском, испанском, немецком языках имеют метафорическую основу [Котляков, Комарова, 2007], объясняется тем, что основной инструмент географии – географическая карта имеет много общего с метафорой. Все географические науки без исключения связаны с пространственным расположением объектов и явлений. Они отображаются на карте в обобщенном виде посредством значков, условных знаков и символов, имеющих образное сходство с реальными природными и хозяйственными объектами, всегда привязанными к территории или акватории. По меткому замечанию виднейшего советского ученого-географа Н.Н. Баранского, «карта является альфой и омегой географии» [Баранский, 1962: 44].

Примечательно, что вся «система условных обозначений, способов картографического изображения, правил их построения, употребления и чтения, применяемых для целей создания и использования географических карт» обозначается термином *картографическая семиотика* или *язык карты* = *англ. map language, map semiotics*. Каждая карта сопровождается «сводом условных знаков и пояснений, раскрывающих содержание карты», что тоже называется весьма образным термином *легенда карты* = *англ. legend, map's legend* = *фр. Legende* = *исп. leyenda del mapa* = *нем. Legende*.

Исследовав географические термины в целом ряде словарей, я сгруппировала метафорические термины в соответствии с тематической соотнесенностью сравнения или образа, лежащего в основе метафорического переноса. В результате анализа были выделены и описаны семантические типы метафорических терминов со следующими сферами-источниками: «человек»; «части тела человека»; «физиологические особенности человека»; «поведение человека»; «занятия, профессии»; «животные, растения»; «одежда, предметы

быта, мебель»; «архитектура, строения, детали дома»; «приборы, инструменты»; «мифические образы» [Комарова, 2020].

В метафорических терминах, которые фиксируют физическое или ассоциативное сходство сопоставляемых объектов, наиболее ярко проявляется семантическая мотивированность, когда значение слова подсказано непосредственным соотношением с внешними признаками предмета, т.е. из формы термина ясен мотивационный признак, положенный в основу номинации при его образовании (в нашем случае термина географии).

В терминологиях многих научных дисциплин, помимо географии, встречаются метафорические термины, однако известно, что «приоритетом в сфере познания обладают средства прямой номинации» [Ortega-y-Gasset, 1966] и стремление специалистов к использованию немотивированных терминов, источником которых являются заимствования из других языков.

Некоторые географические термины на русском языке не обладают метафоричностью, и соответственно мотивированностью, в то время как их эквиваленты на иностранных языках в высшей степени образные. Так, в основе заимствованного термина *абиссаль* (самая глубокая область океана, глубоководная зона океанского ложа) лежит исходная стилистически насыщенная метафора *abyss* (букв. «бездна, преисподняя»). В английском языке, как и во французском, в испанском (*исп. abismo* = букв. «ад»), в немецком мотивированность этого термина сохраняется, так как в этих языках имеются одноязычные слова со значением «преисподняя». Эта же метафора повторяется и в целой группе производных терминов с той же образной основой на европейских языках, восходящей к греческому и латинскому корням: *abyssal plain* = *абиссальная равнина*, *abyssal sediments*, *abyssal deposits* = *абиссальные отложения*, *abyssal fauna* = *абиссальная фауна*, *abyssal cone* = *абиссальный конус выноса*; *исп. barranco abisal*, *фр. ravin abyssal* = *абиссальный желоб*. Но так как эти термины сохраняют в русском языке иноязычную форму, они как бы прячутся за этой формой и теряют свою метафорическую сущность, оставаясь более стилистически-нейтральными, чем их эквиваленты в других языках.

При этом стоит оговориться, что, несмотря на яркую «внешность», метафорические термины не придают образности научному изложению, а живая внутренняя форма номинативной метафоры, замеченная при подробном лингвистическом рассмотрении, быстро стирается в реальной научной речи.

Некоторые заимствованные термины, помимо отсутствия мотивированности на русском языке, имеют положительное свойство краткости, как, например, уже давно принятый в социально-экономической географии термин *хаб* (крупный интермодальный транспортный узел). Термин *хаб*, пришедший из английского: *hub* (букв. «ступица колеса»), – укоренился в европейских языках. В русской терминологии он имеет целую группу производных терминов: *хаб общественного транспорта*, *авиахаб* (крупный узловой аэропорт с высокой долей транзитных пассажиров), *грузовой хаб*, *хаб личного автотранспорта*. По сравнению с синонимичным ему термином *транспортный узел*, имеющим широкую семантику, *хаб* обладает более конкретным значением, подчеркивающим комплексность и транзитный характер перевозок через *хаб*: «Транспортный узел, в котором значительна доля транзитных транспортных потоков; осуществляется пересадка большого числа пассажиров или передача большого количества грузов с одной транспортной магистрали на другую, с одного вида транспорта на другой; хабы общественного транспорта представляют собой сложные сооружения, которые совмещают в одном пространстве (часто на разных ярусах: надземном, наземном, подземном уровнях) железнодорожные вокзалы и станции метрополитена, автобусные станции и вокзалы, главные остановки трамвая и автобуса, аэропорты, причалы паромов; в них также размещены крупные торговые центры и комплексы» [Горкин, 2013: 291].

Русский термин *шельф* (мелководная часть подводной окраины материков и островов, имеющая относительно ровную поверхность и незначительные уклоны дна) тоже лишен мотивированности, в то время как по-английски *shelf* (букв. «полка») это нейтральное слово общего языка: *he took a book from the shelf*, *...supermarket shelves*, *the plates are on the top shelf*, – с целым рядом связанных выражений: *off the shelf*, *on the shelf*, *shelf-life*, *to take smth off the shelves*. По-русски слово *шельф* активно проникает в обиходное речепотребление в связи с освоением нефтяных запасов океана и ввиду освоения Российской Арктики и обсуждения этих вопросов в СМИ. Термин *шельф*, *материковый шельф*, *континентальный шельф* образует целый ряд производных: *шельфовое море* (окраинное море с глубинами менее 200 м, расположенное в пределах шельфа) = *англ. shelf sea* = *нем. Schelfmeer*, но *фр. mer de plate-forme continental* = *исп. mar de plataforma continental* (поскольку английское заимствование *shelf* отсутствует на французском и испанском языках *фр. plate-forme continental*, *исп. plataforma continental*); *шельфовый ледник* (мощный

плавучий ледник в мелких заливах и шельфовых морях), *шельфовая гавань* (ниша в ледниковом барьере, где суда могут швартоваться непосредственно у шельфового ледника) = *англ. iceport = фр. port de glace = исп. puerto de hielo = нем. Eishafen* (на европейских языках этот термин обходится без ключевого слова *shelf*)

Очень важный для геоморфологии термин *трог* (горная долина U-образной или корытообразной формы, углубленная и спрямленная занимавшим её некогда ледником) в русском языке немотивирован, а по-английски существительное *trough* (бук. «корыто») является общеупотребительным: *a long, narrow, open container used to hold water or food for animals, a cattle trough, watering trough*. Отсюда в русском определении термина *трог* появляется объяснение «долина корытообразной формы», хотя в самой форме русского термина *трог* нет ассоциации с корытом. В английском языке *trough* – многозначное слово, обладающее переносными значениями, имеется идиоматическое выражение: *have your snout in the trough* (букв. «совать рыло в корыто»), что значит «пытаться заполучить как можно больше денег»). Во французском и испанском языках используются стилистически нейтральные эквиваленты термина *трог/trough* = *фр. auge glaciaire = исп. artesa glacial* (букв. «ледниковая долина»). Географический термин *трог* чрезвычайно продуктивен в смысле терминообразования, он порождает целое семейство терминов: *троговая долина, троговое озеро, тыловая часть трога, дно трога, плечо трога* [Котляков, Комарова, 2007: 555]. На илл. 471, 472 к словарной статье *трог* обозначен уровень, до которого долина была в прошлом заполнена ледником. Эта граница называется *тримлайн*, русский термин имеет заимствованную форму от английского *trimline*, где глагол *to trim* значит «резать, подравнивать». В нашей современной бытовой жизни словом *триммер* принято называть газонокосилку определенной формы или машинку для стрижки волос. Мы этими словами пользуемся, не осознавая их иноязычного значения, как и в термине *тримлайн* (резкая граница, отделяющая покрытый растительностью склон ледниковой долины от обнаженного склона, маркирующего уровень, на котором располагалась поверхность ледника, во время недавнего его наступания). Мотивированность исчезает за счет транслитерации в русском языке, а во французском и испанском терминах используется калькирование *фр. trimlignе = исп. trimlinea*, где второй компонент *lignе, linea* переводится на соответствующие языки, а первый компонент *trim* остается англоязычным заимствованием.

Термин биогеографии *суккулент* значит «растение с толстыми мясистыми листьями и стеблями (типа кактуса), содержащими большое количество воды в своих тканях, помогающих ему выдерживать засуху». В русском языке слово *суккулент* не имеет мотивированности, а по-английски прилагательное латинского происхождения *succulent* (букв. «сочный, вкусный») или по-испански *suculento* (букв. «вкусный, сочный, питательный») употребляется в общем языке для обозначения сочных фруктов, мяса: *succulent fruit; succulent mango; succulent meat; succulent hamburger*. В составе словосочетания на английском языке *succulent plant* не имеет такой однозначности и конкретности, как по-русски слово *суккулент*, где оно не обременено общеязыковым употреблением и присущими созначениями, а означает растение с определенным набором специфических характеристик и произрастающее в засушливых условиях пустынь.

Интересен термин гидрологии *перехват реки* или *боковой перехват*, который звучит нейтрально в русском языке, обозначает процесс, играющий большую роль в развитии речных систем, – «процесс отвода одной рекой верховьев соседней реки в свою речную систему в результате эрозии». По-английски и по-испански этот термин оказывается весьма эмоционально-окрашенным: *river piracy* (букв. “пиратство реки”) = *исп. curso de agua pirata* (букв. “водоток-пират”). Этот термин порождает целый ряд метафорических терминов, связанных с этим явлением, так, реку, верховья которой перехвачены, называют *beheaded river* (букв. «обезглавленная река»), поскольку само верховье реки по-английски называется *headwaters* (от *head* букв. «голова»). Место, в котором происходит перехват реки и образуется резкий изгиб русла называют *elbow of capture* (букв. “локоть перехвата”). Есть даже понятие самоперехвата или местного перехвата, когда река укорачивает свою собственную долину или выпрямляется вследствие перехвата ее верхнего отрезка нижним: *англ. autopiracy* (букв. «автопиратство»), что может приводить в появлению *умирающей* реки = *англ. misfit river* (букв. «река, не соответствующая своей долине»).

В географических науках значительную роль играют термины, которые заимствованы из местных языков и мотивированы на исходном языке. Широкое распространение так называемых местных терминов связано с тем, что многие географические объекты уникальны и наблюдаются, описываются и научно изучаются на конкретных территориях, а потом по мере их исследования такие термины выходят далеко за пределы региона возникновения. Например,

известен целый ряд терминов, сохраняющих на всех языках русскую форму *tundra, taiga, steppe, polynya, liman; fjord* – шведское слово; ряд терминов испанского происхождения *pampa, canyon, cordillera, sierra* так прочно утвердились в международной географической терминологии и даже в повседневном речепотреблении на разных языках, что их испанская родословная почти забыта; термин *barhan* по происхождению тюркское слово; *lava, riviera* происходят из итальянского, *geyser* – из исландского языка, *selva* – из бразильского варианта португальского языка [Stamp, 1961].

Термин ландшафтоведения *пантанал* (растительность саваннового типа распространенная вдоль некоторых рек Южной Америки, где продолжительные сухие периоды прерываются сильными паводкам) происходит от испанского *pantano* (букв. “болото”), поэтому в романских языках значение термина *pantanal* мотивировано и воспринимается непосредственно. А английским, немецким, французским и русским языками оно заимствовано в своей испаноязычной форме, поэтому на этих языках оно не имеет прямой соотнесенности с болотом или ассоциации с заболоченностью, и значение его раскрывается через научное описание соответствующего типа ландшафта, известного своей высокой степенью увлажнения в определенные периоды года.

Как было уже отмечено, есть ряд терминов, имеющих происхождение из русского языка, но уже давно повсеместно укоренившихся в мировой географической науке, которые в английском, немецком, испанском и др. языках сохраняют орфографическую и фонетическую форму русского языка, но, естественно, теряют мотивированность, например, обозначения крупных почвенных типов, которые напоминают о пионерских работах русских исследователей в исследовании почв: *chernozem* = *чернозем* (от слова «черный»), *podzol* = *подзолистая почва* (от слова “зола”). При этом *чернозем* как термин почвоведения обозначает не просто почву, имеющую черный цвет, а именно определенный “тип плодородной, богатой гумусом степной почвы, с мощным темноокрашенным (иногда почти черным) верхним горизонтом, который ниже переходит в более светлоокрашенный горизонт; развивается под высоким разнотравьем в умеренном климате”, под это определение не подпадают просто черные по цвету грунты, а именно почвы, обладающие определенными характеристиками и сформированные в определенных природных условиях. Таким образом, получается, что по-английски эти термины, лишённые мотивированности, имеют более узкую семантику и, не отвле-

кая внимания на созначения, обозначают совершенно конкретный географический объект.

В заключение отмечу, что во многих науках, стремясь к научной точности, специалисты предпочитают использовать заимствованную из других языков (преимущественно из английского) терминологию. Часто такие заимствованные термины звучат и выглядят довольно непривычно и даже коряво, и вызывают языковой дискомфорт. Однако за счет того, что они обладают однозначностью и конкретным значением, они принимаются русской терминологией и входят в научный обиход, как, например, это произошло в совсем недавнее время с термином рекреационной географии *дестинация* (туристический район, пользующийся популярностью), отсюда и родственный термин *дестинационный круиз* (круиз, в котором первостепенное значение имеет привлекательность городов-портов, а не времяпрепровождение на борту судна). Его русским синонимом является термин *туристское направление*, имеющий более широкую семантику и несколько расплывчатое терминологическое значение, и поэтому почти повсеместно вытесненный заимствованным термином *дестинация* [Котляков, Комарова, 2013].

Приведенные примеры географических терминов подтверждают тезис о том, что «иноязычные термины сильны своей изолированностью от системы данного языка, своей неконтактностью, отсутствием вторых и дополнительных осмыслений» [Кутина, 1970: 89]. Заимствованные термины, особенно транслитерированные или транскрибированные, сохраняют немотивированность, так как сохраняют структуру, форму и звучание иностранного языка. Конечно, немотивированность термина может иногда рассматриваться как недостаток, так как из структуры термина не ясно его значение, но важнее его достоинство, поскольку «инаковость» позволяет сохранить однозначность терминологической единицы, что согласуется со стремлением научной речи к точности, и не порождает ненужные ассоциации [Мулладжанова, 2016].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранский Н.Н. Экономическая картография: Учебное пособие для университетов. М., 1962.
2. Комарова А.И. Образные средства в языке географических наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 9–18.
3. Комарова А.И., Окс И.Ю. Что значит effective, informative, attractive, search-engine-friendly titles? Анализ названий научных статей по географии на английском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 9–22.

4. *Комарова А.И., Окс И.Ю.* Особенности перевода географических контекстов на английский язык // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 18–31.
5. *Комарова А.И.* Семантические разновидности метафорических терминов географии // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М., 2020. № 2. С. 44–56.
6. *Котляков В.М., Комарова А.И.* География: понятия и термины. М., 2007.
7. *Котляков В.М., Комарова А.И.* Туризм: природа–культура–путешествия. Пятиязычный словарь. М., 2013.
8. *Кутина Л.Л.* Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 89–97.
9. *Мулладжанова Н.С.* Терминологическая экспансия английского языка в русский язык на примере химической и физической областей научного знания: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.
10. *Смолярова Н.А.* Метафора в географической терминологии // Изв. АН СССР. Сер. Географическая. М., 1988. № 1. С.78–84.
11. Социально-экономическая география: понятия и термины: Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. М., 2013.
12. *Харченко В.К.* Функции метафоры. М., 2016.
13. *Stamp D.* A Glossary of Geographical Terms. L., 1961.
14. *Khun S.* Metaphor in Science // *Metaphor and Thought* / Ed. A. Ortony. Cambridge, 1993. P. 533–543.
15. *Ortega-y-Gasset J.* Las dos grandes metáforas // *Ortega-y-Gasset J. Obras completas.* Madrid, 1966. P. 387–400.

Anna I. Komarova

MOTIVATED VS NON-MOTIVATED TERMS OF GEOGRAPHY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article continues a series of publications devoted to the study of the scientific register of geography (Komarova, 2017, 2018, 2019, 2020). The scientific language of geography comprises texts of different functional and stylistic orientation: stylistically marked popular science prose, neutral educational literature and scientific articles characterizes by idiomatically restricted language; each of them having figures of speech fulfilling different functions. In terminology metaphors are used as a nominative technique in many branches of geography. As a result of the analysis of geographical terms in Russian, English, French, German, Spanish I have identified semantic types of metaphorical terms with the following areas-sources: “man”, “parts of the human body”, “physiological features of man”, “human behavior”, “occupations, professions”, “animals, plants”, “clothing, household items, furniture”, “architecture, buildings, home details”, “devices, tools”, “mythical images” [Komarova, 2020]. In real scientific speech which in every way strives for clarity and accuracy we usually stop noticing metaphorical terms because they function as neutral words.

Therefore, along with metaphorical terms scientists tend to use foreign borrowings which lack additional figurative meanings due to their isolation from the system of a given language. Thus, some borrowed geography terms in Russian are non-motivated, i.e. devoid of symbolic value, while their equivalents in foreign languages still retain their metaphoric nature and connotations; the conclusion is true for different languages. The article discusses and describes geographical terms confirming this statement.

Key words: terminological dictionary; metaphorical term; scientific register; geographical sciences; figurative means of language.

About the author: *Anna I. Komarova* – Dr.habil (in Philology), Head of Department of Foreign Languages for Faculty of Geography, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aikomarova@gmail.com).

REFERENCES

1. Baranskiy N.N. 1962. *Ekonomicheskaya kartografiya. Uchebnoye posobiye dlya universitetov* [Economic cartography. Textbook for universities]. Moscow. (In Russ.)
2. Gorkin A.P. (ed.). 2013. *Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy. Slovar'-spravochnik* [Socio-economic Geography: concepts and terms. Dictionary-reference]. Moscow. (In Russ.)
3. Komarova A.I. 2019. Obraznye sredstva v yazyke geograficheskikh nauk [The use of figures of speech in the language of geography]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 3, pp. 9–18. (In Russ.)
4. Komarova A.I., Oks I.Yu. 2018. Chto znachit effective, informative, attractive, search-engine-friendly titles? Analiz nazvanii nauchnykh statei po geografii na angliiskom yazyke [What is effective, informative, attractive, search-engine-friendly titles? Analysis of the titles of scientific articles on geography]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 9–22. (In Russ.)
5. Komarova A.I., Oks I.Yu. 2014. Osobennosti perevoda geograficheskikh kontekstov na angliiskii yazyk [Translation of geographical contexts into English]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 4, pp. 18–31. (In Russ.)
6. Komarova A.I. 2020. Semanticheskiye raznovidnosti metaforicheskikh terminov geografii [Semantic variations of metaphoric terms of geography]. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*, no. 2, pp. 44–56. (In Russ.)
7. Kotlyakov V.M., Komarova A.I. 2007. *Geografiya: ponyatiya i terminy* [Geography: concepts and terms]. Moscow. (In Russ.)
8. Kotlyakov V.M., Komarova A.I. 2013. *Turizm: priroda-kul'tura-puteshestviya. Pyatiyazychnyj slovar'* [Tourism: nature-culture-travel. Dictionary of terms in five languages]. Moscow. (In Russ.)
9. Kutina L.L. 1970. Yazykovyye protsessy, voznikayushchiye pri stanovlenii nauchnykh terminologicheskikh sistem [Linguistic problems in terminology systems of sciences]. *Linguistic problems of scientific and technical terminology*. Moscow, pp. 89–97. (In Russ.)
10. Mullyadzhanova N.S. 2016. *Terminologicheskaya ekspansiya angliyskogo yazyka v russkiy yazyk na primere khimicheskoy i fizicheskoy oblastey nauchnogo znaniya*

[Terminological expansion of English into Russian on the example of the chemical and physical fields of scientific knowledge]. Abstract of Candidate of Philology. (In Russ.)

11. Smolyarova N.A. 1988. Metafora v geograficheskoj terminologii [Metaphor in geographical terminology]. *USSR Academy of Sciences Bulletin. Series Geography*, no. 1, pp. 78–84. (In Russ.)
12. Harchenko V.K. 2016. *Funkcii metafory* [Functions of Metaphors]. Moscow. (In Russ.)
13. Khun S. 1993. Metaphor in Science. *Metaphor and Thought*. Ed. Ortony A. Cambridge, pp. 533–543.
14. Stamp D. 1961. *A Glossary of Geographical Terms*. London
15. Ortega-y-Gasset J. 1966. Las dos grandes metaforas. Ortega-y-Gasset J. Obras completas. Madrid.

А.И. Едличко

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И КОДИФИКАЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье кратко освещаются эволюция, принципы и методы регулирования произносительных норм в немецкоязычных странах. Анализируются характерные черты кодификационной нормы литературного языка в орфоэпических словарях в исторической ретроспективе: от фиксации утрированной артикуляции, когда основой немецкой произносительной нормы служила речь актеров Германии (Vühnensprache ‘сценическая речь’), систематизации и кодификации произношения речи профессиональных дикторов радио и телевидения, до упорядочивания форм, функционирование которых обусловлено сближением литературного языка с разговорной речью. Уделяется внимание анализу макро- и микроструктуры орфоэпических словарей XX в. и актуальных лексикографических изданий, особенностям репрезентации различных звуковых единиц, специфике произношения автохтонных и иностранных слов, изменениям в системе транскрипции, системе нормативных помет и др. В работе также рассматривается проблема словарной кодификации современных стандартных орфоэпических норм с позиции плюрицентричности немецкого языка и отражение стандартных произносительных вариантов в лексикографических источниках стран немецкой речи. В результате анализа источников кодификации автор приходит к выводу об изменении методологии систематизации норм и динамике тенденций в лексикографической кодификации орфоэпических стандартов немецкого языка.

Ключевые слова: орфоэпия; произносительная норма; кодификация; орфоэпический словарь; литературный язык; стандартное произношение; немецкий язык; плюрицентричность.

Проблема возникновения, развития и кодификации стандартного произношения является актуальной областью лингвофонетических исследований. Орфоэпическая норма обычно рассматривается как бинарная категория и в связи с этим выделяются некодифицированная произносительная норма, характерная для языка как си-

Едличко Анжела Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ang299@yandex.ru).

стемы знаков, и кодифицированная норма, т.е. фиксация произносительных правил в лексикографических источниках и различных справочниках. Произносительная норма является одним из неотъемлемых компонентов языковой нормы, которая представляет собой не только лингвистический, но и социально-исторический феномен [Семенюк, 1990: 337]. На становление, развитие и принятие нормы членами языкового сообщества влияют общественно-политические, культурные и др. факторы. С одной стороны, ингерентным свойством нормы является ее образцовый характер, обязательность, директивность и унифицированность. Владение нормой, формально правильной речью всегда соотносится с «общественной престижностью» [Милославский, 2013: 30]. С другой стороны, нормы динамичны, они изменяются во времени и в пространстве (например, диатопические нормы плюрицентричных языков), а в реальной жизни нередко нарушаются. Преобладание спонтанной речи, новые условия функционирования языка, расширение сфер коммуникации – все это приводит к изменению произносительной нормы.

История развития любого литературного языка свидетельствует о том, что норма его письменной формы складывается раньше, чем устная норма. В связи с этим кодификация последней (несмотря на первичность устной речи) начинается и завершается позже. В отличие от регулятивных правил письменного языка, использование стандартного произношения часто не является строгим, обязательным предписанием. Ретроспективный анализ кодификации орфоэпической нормы немецкого языка уже становился предметом исследования германистов [Раевский, 1997; Hollmach, 2007; Осовина, 2015; и др.], тем не менее необходимость дальнейшего анализа обусловлена меняющимся характером норм и трансформацией подходов к их фиксации.

Специфика исторического развития Германии оказала влияние на нормативное произношение, которое формировалось не на основе образцовой орфоэпии столицы, как это происходило во многих европейских странах. В политически разобщенном государстве отсутствовал единый произносительный образец, и даже объединение страны в конце XIX в. не способствовало общегосударственному признанию диалектно окрашенной берлинской устной речи. Попытки ввести разные типы престижного наддиалектного произношения (верхнесаксонского, нижненемецкого) были обусловлены ведущей политико-экономической ролью германских княжеств – Саксонии и Пруссии в XV–XVIII вв. Детальные и системные рекомендации в области единого орфоэпического типа и его кодифика-

ции начинают разрабатываться с конца XIX в., когда апеллируется необходимость общего урегулирования произношения [Росса, 1886: 4–6]. Первым значительным вкладом в научное исследование явлений устной речи можно назвать книгу В. Фиетора, посвященную произношению письменного литературного языка¹. Еще один подход к фиксации звучащей немецкой речи, не основанной на написании, базировался на ином критерии: в этот период складывается особенный тип единого унифицированного произношения – сценическое произношение (*Bühnenaussprache*), что было вызвано необходимостью понимания актерской речи на театральных подмостках всех государств и городов объединенной в 1871 г. Германской империи. К особенностям этой орфоэпической нормы относят ее общенациональный характер, высокую степень гомогенности при произнесении звуков, утрированность, напряженность артикуляции, вызванную намеренным стремлением избегать диалектной окраски при произношении [Раевский, 1997: 79–81; Maas, 2014: 104]. Однако именно такое единообразие, отчасти искусственное, приводит к возможности упорядочивания и кодификации элементов звуковой системы языка. Весомым научным произведением считается труд Т. Зибса², который стал результатом работы берлинского совещания деятелей сцены и профессоров-германистов в 1898 г. Многие последующие орфоэпические словари немецкого языка сохраняли структуру, предложенную Зибсом, и также включали описание правил и словарную часть. Характеризуя регламентированную орфоэпическую норму того периода, исследователи отмечают, что она опиралась на нижненемецкий (северный) тип произношения, т.е. наблюдалось разграничение глухих напряженных [p, t, k] и звонких ненапряженных [b, d, g], произнесение глухих смычных [p, t, k] с аспирацией, обязательная лабиализация [ø:, y:, œ, ʏ], отсутствие монофтонгизации дифтонгов и др. В правилах соблюдались «верхненемецкие языковые формы в нижненемецком произношении»: произношение сочетаний *sp, st* в анлауте как [ʃp] и [ʃt], удлинение гласного в относительно закрытом слоге (*Bad, Dom*), оглушение звонкого *g* в [k] в ауслауте (*Sieg, Tag*)³. Большое внимание уделялось произношению заимствованных слов. Словарь Зибса носил descrip-

¹ Viëtor W. Die Aussprache des Schriftdeutschen. Leipzig, 1885.

² Имеется в виду книга, включающая свод правил и орфоэпический словарь: Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache. Ergebnisse der Beratungen zur ausgleichenden Regelung der deutschen Bühnenaussprache, die vom 14. Bis 16. April 1898 im Apollo-saale des Königlichen Schauspielhauses zu Berlin stattgefunden haben. Berlin u.a., 1898.

³ Geschichte der deutschen Sprache / unter Leit. von W. Schmidt. Berlin, 1970. S. 143.

тивно-прескриптивный характер, поскольку он не только фиксировал наиболее характерные фонетические явления сценической речи, но и имел строгий рекомендательный характер. В легитимизации сценического произношения важную роль играло государство: орфоэпические сценические правила были введены как обязательные на всех ступенях образования во всей Германии и постепенно получили общее признание.

Спустя десять лет, в 1908 г., в Берлине проводится конференция, на которой рассматриваются результаты проводившихся в течение года опросов в актерской среде и в школах [Hollmach, 2007: 69]. Несмотря на появление критических работ на книгу Зибса, связанных с выбором типа произношения, в 1910 г. выходит переработанная редакция первого издания словаря с рекомендациями для учителей, затем обновленные издания – вплоть до 1969 г. С 1922 г. (13-е изд.)⁴ в название словаря включается дополнительный термин *Hochsprache* ‘литературный язык’, что указывает на равноправие сценического и литературного произношения и на регламентацию общей звуковой формы. Таким образом, с кодификацией общеобязательного произносительного стандарта конца XIX – начала XX в. в Германии складывается лексикографическая традиция в области орфоэпии. Несмотря на то что уже в словарях Зибса отмечались некоторые произносительные особенности других немецкоязычных стран, например, австрийского немецкого, тем не менее, существовавшая лакуна в области орфоэпической кодификации самостоятельных вариантов немецкого языка, остается все еще не до конца заполненной.

Развитие в Германии в 1920–1930-е годы радиовещания и в дальнейшем телевидения привело к критическому пересмотру орфоэпического стандарта и необходимости кодификации новой нормы, ориентированной на произношение профессиональных дикторов. Изменение произносительной нормы было вызвано не только возникновением и широким распространением публичных СМИ, но и оторванностью реальной звучащей речи от сценического произношения. Появившиеся в довоенный период немногочисленные работы носили инструктивный характер и предназначались для дикторов радио, см. об этом [Hollmach, 2007: 71; Осовина, 2015: 41]. Новый этап систематизации звуковых единиц и орфоэпической регламентации начался после Второй мировой войны в условиях дивергентного развития немецкого языка в двух германских государствах.

⁴ *Siebs Th.* Deutsche Bühnenaussprache. Hochsprache. 13. Aufl. Bonn, 1922.

В традиции лексикографических работ Зибса составлен орфоэпический словарь серии Duden⁵, который вышел из печати в ФРГ в 1962 г. В 19-е издание словаря Зибса (1969)⁶ отчасти включены элементы естественной орфоэпии, к примеру, отмечены аллофонные варианты некоторых фонем в безударном положении (напр., выпадение редуцированного [ə] в конечных слогах; возможное произнесение [ə] в префиксах *be-* и *ge-*); допущение отсутствия звонкости слабых шумных согласных [b, d, g, s] в анлауте и инлауте (ср. в словах *Bad, Dom, Gabe, sagen*). Впервые зафиксированы национальные звуковые варианты, например, особое произношение суффикса *-ig* как [ik] в южной Германии, Австрии и Швейцарии [Besch, Wolf, 2009: 240]. Согласно добавленному в название подзаголовку (*Reine und gemäßigte Hochlautung*), авторы признают, с одной стороны, «чистую произносительную норму», с другой стороны, применяют принцип определенной «умеренной нормы» без чрезмерной напряженности артикуляции. Однако непоследовательность дифференциальных подходов, игнорирование эмпирических результатов (например, «отказ от вокализации фонемы /r/ в ауслауте» [Seifert, 2020: 364]) указывали на то, что регламентированная норма мало соотносилась с существующей речевой практикой.

В результате нормализаторской деятельности фонетистов Восточной Германии в 1964 г. появился дескриптивный фонетический словарь⁷, в котором системное описание звуковых категорий базируется на практических исследованиях реальной образцовой устной речи радио- и теледикторов новостных программ и на консультациях специалистов. В последующие издания⁸ вносятся различные случаи изменения артикуляции звуков в безударном положении, отмечаются стилистические особенности артикуляции. Обновленный словарь⁹, выпущенный в ГДР в 1982 г., также основывался на эмпирических исследованиях естественной орфоэпии. В работе уточняются типы акцентуации, произношение иностранных слов, имен, дается фонетическое описание редуцированного [ə] в оконча-

⁵ *Der Große Duden. Aussprache-Wörterbuch: Aussprache und Betonung der deutschen Wörter, der Fremdwörter und zahlreicher Namen aus allen Sprachen der Erde* / Bearb. von M. Mangold u. Dudenred. Mannheim, 1962.

⁶ *Siebs Th. Deutsche Aussprache. Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch* / H. de Boor, H. Moser, Chk. Winkler (Hgg.). 19. Aufl. Berlin (West), 1969.

⁷ *WDA – Wörterbuch der deutschen Aussprache* / E.-M. Krech u.a. Leipzig, 1964.

⁸ Словарь переиздавался в 1969, 1971, 1974 гг.

⁹ *GWDA – Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache* / E.-M. Krech u.a. (Hgg.) Leipzig, 1982.

ниях и различных позиционных реализаций фонемы /r/. В предисловии словаря авторы отмечают, что в книгу впервые включены произносительные варианты, которые понимаются «как элементы речевого стиля», т.е. как стилистические варианты орфоэпической нормы, важные для создания условий определенной коммуникативной ситуации. Норма определяется как «стандартное произношение» (Standardaussprache), при этом не используется сочетание «общее немецкое произношение» (allgemeine deutsche Hochlautung), которое ранее рассматривалось как элитарное использование языка и определенная ступень формирования нормы. Обращается внимание на то, что литературный язык в его устной реализации может использоваться и пониматься в любой коммуникативной ситуации, даже если слушающий говорит на диалекте или на диалектно окрашенном разговорном языке. Надтерриториальное стандартное произношение, являясь одним из коммуникативных инструментов, должно использоваться в образовании, на радио и телевидении, в сфере исполнительских искусств¹⁰.

Не останавливаясь подробно на структурно-содержательном анализе названных словарей периода разделенной Германии и их более поздних изданий¹¹, поскольку они уже достаточно подробно описаны [Лобанова, 2007; Hollmach, 2007; Осовина, 2015], отметим, что в переработанных версиях (например, 2009 г.) регламентируется стандартное произношение, которое отличают такие признаки, как диалектная нейтральность, надрегиональный характер, престижность, использование в официальных публичных ситуациях, фоностилистика дифференциация, близость к реальной речи¹².

Соответствие лексикографических данных речевой действительности наблюдается в последнем издании словаря Duden¹³, который составлен с опорой на результаты эмпирических исследований (языкового корпуса, опросов и анкет, анализа устной речи дикторов общегосударственных медиа Германии)¹⁴. Внимание уделяется фонетической и акцентуальной вариантности стандартного произношения, напр.: **Behemoth** behe'mo:t, *auch*: 'be:hemo:t¹⁵; **Omega** 'omega,

¹⁰ Ibid. S. 5.

¹¹ *Duden AWBS* – Das Aussprachewörterbuch. Wörterbuch der deutschen Standardaussprache / bearb. von M. Mangold. 3. Aufl. Mannheim u.a., 1990; *DAWB* – Deutsches Aussprachewörterbuch / E.-M. Krech u.a. Berlin, 2009.

¹² *DAWB*. Op. cit. S. 7.

¹³ *Duden AWB* – Das Aussprachewörterbuch / bearb. von St. Kleiner u. R. Knöbl. 7. Aufl. Berlin, 2015.

¹⁴ Ibid. S. 31–32.

¹⁵ Ibid. S. 224.

auch: 'o:m...; **omnipotent** ɔmni'pɔ'tɛnt, *auch*: ' - - - ¹⁶ и др. Словник включает звуковые типы, характерные не только для повседневного стандартного произношения, но и национальные или региональные варианты, ср.: **hochzeiten** 'hɔxtsajtn, *schweiz. auch*: 'ho:x...¹⁷; **Journalist[ik]** zɔrna'list[ik], *nordd. oft/md. auch*: dʒʊr...¹⁸ и др. Важным достижением современных орфоэпических словарей является развернутая система помет с указанием на 1) этимологию: *af., finn., wei-russ.* и др. (напр.: **Falco** *dt., it.* 'falko); 2) региональную отнесенность: *ostmd., ostösterr., schweiz.* и др. (напр.: **Struktur** *strk'tuʁ, bes. ostösterr. oft st...*); 3) частотность употребления: *vorw.* (= *vorwiegend*), *oft, selten*¹⁹ и т.д. Заимствования из разных языков даются с автохтонным произношением: **Coste** *fr.* 'kɔst²⁰; **Thanksgiving** θɛŋks'ɡɪvɪŋ, *auch*: ' - - ; **Thatcherismus** θɛtʃə'ɹɪsmʊs²¹. В книге используется современная система транскрипции, принятая МФА. Анализ ряда орфоэпических словарей XX–XXI в. свидетельствует об изменчивости транскрипционных знаков, ср. обозначение дифтонга в слове *mein*: 1912 г. – [aɛ]²²; 1921 г. – [ai]²³; 1964 г. – [aɛ]²⁴; 1990 г. – [aj]²⁵; 2009 г. – [aɛ]²⁶; 2015 г. – [aɪ]²⁷.

В словарной части книги выборочно приводятся статистические результаты опросов информантов-носителей языка, описываются фонетико-прагматические и социолингвистические характеристики отдельных лексических единиц. К недостаткам названного словаря можно отнести тот факт, что основу словарной статьи составляют, как правило, варианты, характерные в целом для орфоэпической нормы Германии, а произношение конкретных единиц в других немецкоязычных странах не приводится параллельно, их системное описание дается в первой части словаря.

В связи с этим важной представляется проблема кодификации стандартной произносительной нормы с позиций плюрицентричности немецкого языка. Показательным примером вариативного орфоэпического словаря является работа австрийского лингвиста

¹⁶ Ibid. S. 648.

¹⁷ Ibid. S. 447.

¹⁸ Ibid. S. 488.

¹⁹ Ibid. S. 19–20.

²⁰ Ibid. S. 287.

²¹ Ibid. S. 833.

²² *Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache*. 10. Aufl. Bonn: Albert Ahn, 1912.

²³ *Viëtor W. Deutsches Aussprachewörterbuch*. 2. Aufl. Leipzig: Reisland, 1931.

²⁴ *WDA*. Op. cit.

²⁵ *Duden AWBSI*. Op. cit.

²⁶ *DAWB*. Op. cit.

²⁷ *Duden AWB*. Op. cit.

Р. Мура²⁸. Словарь имеет онлайн-версию с аудиофайлами²⁹, в которой приводятся особенности, характерные для стандартного произношения в Австрии, Германии и Швейцарии:

– [соотношение долготы и краткости ударного гласного: *Chefin* [ˈʃefɪn]/[+]/[ˈʃeːfɪn] (A); [ˈʃɛfɪn] (D); [ˈʃɛfɪn]/[ˈʃefɪn] (CH)³⁰;

– дифтонгизация монофтонгов: *Medaille* [meˈdäɛlijə] (A); [meˈdajjə] (D); [meˈdajjə]/[ˌˈdajjə] (CH);

– разница в произношении щелевых [s] и [z] в инициальной позиции: *sieben* [ˈsiːbm̩]/[ˈsiː...] (A); [ˈziːbən]/[ˈsiː...] (D); [ˈziːbən]/[ˌˌbm̩] (CH);

– произнесение <g> как [k] в суффиксе <-ig>, например: *wenig* [ˈveːnik]/[ˌˌiç] (A); [ˈveːniç] (D); [ˈveːnik]/[ˌˌiç] (CH);

– разница в позиции слогового ударения: *Kaffee* [kaˈfeː] (A); [ˈkafeː] (D); [kaˈfeː] (CH) и др. характерные черты³¹.

В названном словаре при кодификации произносительной нормы учитывалась диатопическая вариативность немецкого языка, характерные черты реальной речи дикторов, во внимание принимался функциональный аспект. Несмотря на вышедшее издание, кодификация стандартного территориального произношения является пока еще белым пятном в немецкоязычной лексикографии.

Подводя итоги, можно отметить, что общественно-политическая, культурная и лингвистическая ситуация создает предпосылки для формирования и развития орфоэпических норм. В процессе систематизации и кодификации орфоэпической нормы немецкого языка выделяются следующие тенденции:

– изменение принципов кодификации нормы: от ориентации на сценическое произношение (с утрированной артикуляцией) до установок на исследование реальной звучащей речи профессиональных радио- и теледикторов;

– эволюция ключевой терминологии в сфере нормативного произношения;

– трансформация подходов: от стихийной унификации к системности, от моноцентричности к плюрицентричности;

– фиксация фонетической и просодической вариативности;

²⁸ *Muhr R. Österreichisches Aussprachewörterbuch. Österreichische Aussprachedenbank. Frankfurt a.M., 2007.*

²⁹ *Adaba: Österreichisches Aussprachewörterbuch. Österreichische Aussprachedenbank. URL: <http://www.adaba.at/> (accessed: 12.01.2020).*

³⁰ Здесь и далее для указания на нормативный вариант немецкого языка используются общепринятые сокращения для наименования немецкоязычных стран: А (Austria) – Австрия, D (Deutschland) – Германия, CH (Confoederatio Helvetica) – Швейцария.

³¹ *Ibid.*

– расширение эмпирической базы, использование при звуковом исследовании языка современных экспериментально-фонетических и социолингвистических методов (анкетирования, экспертного опроса, интервьюирования);

– изменение микроструктуры словаря, эволюция словарной статьи, различных фонетических знаков и системы помет;

– цифровизация орфоэпических словарей.

В процессе становления, развития и смены методологии орфоэпической кодификации не создаются новые нормы, а фиксируются существующие. Представляется, что целью кодификации немецкого произношения в современных условиях должно быть не только создание свода предписаний применительно к единой произносительной норме в одной немецкоязычной стране. На основе наблюдений и анализа фонетических особенностей носителей языка необходимо формирование единого фонетического корпуса, который включал бы произносительные варианты разных стандартов. При этом важно учитывать употребительность звуковых типов в кинофильмах, в классических и новых медиа, которые нередко воспринимаются как своеобразные стандартизаторы, а также всеобщее признание нормы носителями языка и интересы пользователей словарей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лобанова И.В.* Кодификация произносительной нормы в процессе формирования и развития литературного языка (фонетико-лексикографическое исследование на материале немецких орфоэпических словарей XVIII–XXI веков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007.
2. *Милославский И.Г.* Кодификация содержательной стороны языкового знака // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 27–37.
3. *Осовина С.В.* Вариантность современной орфоэпической нормы и реальность орфоэпических рекомендаций (на материале немецкого языка): Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015.
4. *Раевский М.В.* Фонетика немецкого языка. Теоретический курс. М., 1997.
5. *Семенюк Н.Н.* Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярэва. М., 1990. С. 337–338.
6. *Besch W., Wolf N.R.* Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte – Zeitstufen – Linguistische Studien. Berlin: Schmidt, 2009.
7. *Hollmach U.* Untersuchungen zur Kodifizierung der Standardaussprache in Deutschland. Bern: Peter Lang, 2007.
8. *Maas U.* Was ist deutsch? Die Entwicklung der sprachlichen Verhältnisse in Deutschland / unter Mitarb. von S. Schulz. 2., überarb. u. erw. Aufl. München: Fink, 2014.
9. *Rocca O.* Die richtige Aussprache des Hochdeutschen. Rostock: Werther, 1886. VII, 128 S.
10. *Seifert J.* Normierung der Aussprache (Orthoepie) // Handbuch Sprachkritik / Hgg. T. Nier, Kilian J., Schiewe J. Stuttgart: Metzler, 2020. S. 361–367.

Anzhela I. Edlichko

**ORTHOEPICAL NORMS OF THE GERMAN LANGUAGE:
SOME PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION AND
CODIFICATION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on the evolution, some principles and methods of pronunciation norm regulation in German-speaking countries. The author is aiming to analyze briefly the main features of the codification norm of the literary language in pronouncing dictionaries in historical retrospective. Special attention is paid to the fixation of exaggerated articulation, when the basis of the German pronunciation norm was the speech of actors in Germany (Bühnensprache ‘stage speech’); the systematization and codification of the pronunciation of professional radio and television announcers; the regularization of various forms functioning due to the convergence of the literary language and the oral speech. The macro- and micro-structure of some pronouncing dictionaries of the 20th century and current ones, the representation of different sound units, specifics of native and of foreign word pronunciation, changes in the transcription and in the system of labels etc. are described. The paper also raises the problem of dictionary codification and the reflection of standard pronunciation variants in the German-speaking countries (Germany, Austria, etc.). As a result of the study, the author comes to the conclusion regarding the changes in the methodology of norm systematization and the dynamics of trends in the lexicographic codification of pronunciation norms of the German language.

Key words: pronunciation; pronunciation standard; codification; pronouncing dictionary; literary language; standard pronunciation; German language; pluricentricity.

About the author: *Anzhela I. Edlichko* – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ang299@yandex.ru).

REFERENCES

1. Lobanova I.V. 2007. *Kodifikaciya proiznositel'noj normy v processe formirovaniya i razvitiya literaturnogo yazyka (fonetiko-leksikograficheskoe issledovanie na materiale nemeckih orfoepicheskikh slovarej XVIII – XXI vekov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Codification of the Pronouncing Norm in the Process of Formation and Development of the Literary Language. *Candidate's Thesis*]. Yaroslavl'. (in Russ.)
2. Miloslavskij I.G. 2013. Kodifikaciya sodержatel'noj storony yazykovogo znaka [Codification of the Content of a Language Sign]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–37. (In Russ.)
3. Osovina S.V. 2015. *VARIANTNOST' SOVREMENNOJ ORFOEPIЧЕСКОЙ НОРМЫ I REAL'NOST' ORFOEPIЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ (NA MATERIALIE NEMEЦКОГО ЯЗЫКА): dis. ... kand. filol.*

- nauk [Variation of the Modern Orthoepic Norm in the German Language and the Reality of Orthoepic Guidelines. *Candidate's Thesis*]. St. Petersburg. (in Russ.)
4. Raevskij M.V. 1997. *Fonetika nemeckogo yazyka. Teoreticheskij kurs* [German Phonetics. Theoretical Course]. Moscow, MGU Publ. (In Russ.)
 5. Semenyuk N.N. 1990. *Norma yazykovaya* [Language Norm]. In Yarceva V.N. (ed.) *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya, pp. 337–338. (In Russ.)
 6. Besch W., Wolf N.R. 2009. *Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte – Zeitstufen – Linguistische Studien*. Berlin, Schmidt. (In Germ.)
 7. Hollmach U. 2007. *Untersuchungen zur Kodifizierung der Standardaussprache in Deutschland*. Bern, Peter Lang. (In Germ.)
 8. Maas U. 2014. *Was ist deutsch? Die Entwicklung der sprachlichen Verhältnisse in Deutschland*. München, Fink. (In Germ.)
 9. Rocca O. 1886. *Die richtige Aussprache des Hochdeutschen*. Rostock, Werther. (In Germ.)
 10. Seifert J. 2020. *Normierung der Aussprache (Orthoepie)* In *Handbuch Sprachkritik* Hgg. T. Nier, Kilian J., Schiewe J. Stuttgart, Metzler, S. 361–367. (In Germ.)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Л.В. Полубиченко

ДИМИНУТИВЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ИНДЕКСЫ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» И ИХ ПЕРЕДАЧА В ПЕРЕВОДЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена одному из сложных аспектов теории художественного перевода – воссозданию средствами иного языка и в ином культурном контексте речевого портрета персонажа художественного произведения. Материалом исследования послужило знаковое произведение отечественной литературы XX в. – роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и два его наиболее известных перевода на английский язык, выполненные М. Гленни в 1967 г. и Р. Пивером и Л. Волохонской в 1997 г. Насыщенность текста романа лексическими диминутивами разных типов позволила сформулировать гипотезу об их системообразующей роли в создании образов персонажей романа, известного своей сложной, многоярусной структурой. Диминутивность при таком подходе рассматривается как лингвистически релевантный личностный индекс. Исследование показало, что экспрессивные диминутивы в пространстве булгаковского романа обладают мощным индексальным потенциалом идентификации и типизации персонажей, установления их принадлежности к «своим» либо «чужим», предоставляя к тому же богатый ресурс комического тем героям, кто, подобно свите Воланда или самому автору-рассказчику, легко меняет голоса и маски, попадая в стан «чужих». В силу асимметрии грамматических систем русского и английского языков, однако, последовательное воспроизведение в переводе на английский язык построенной на лексической диминутивности системы речевых характеристик персонажей пока не представляется возможным, что не исключает наличия отдельных удачных переводческих решений.

Ключевые слова: диминутив; размерный диминутив; экспрессивный диминутив; перевод; художественный перевод; речевая характеристика; речевой портрет; М.А. Булгаков; «Мастер и Маргарита».

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lpolubichenko@mail.ru).

Диминутивы считаются «одной из характерных особенностей русской языковой картины мира» и сразу привлекают к себе внимание изучающих русский язык иностранцев, но с трудом поддаются освоению [Панков, 2018: 180]. Разнообразие их функций и речевое употребление основательно изучены русистами, особенно в последние годы, когда использование диминутивов стало все чаще признаваться чрезмерным и вызывать у некоторых специалистов – как, впрочем, и у простых носителей русского языка – раздражение, именуясь «нашествием», «экспансией», «символом мешанства», «противным сюсюканьем», «ироническим бравированием детскостью», свидетельством «психического инфантилизма», «речевой бедности» и пр. В многочисленных работах подробно описаны способы образования в русском языке (иногда в сопоставлении с другими языками) уменьшительно-ласкательных форм слов разной частеречной принадлежности, их этимология и история, тонкие нюансы семантики и прагматики, лексикализация, гендерные особенности употребления [Милославский, 2013; Фуфаева, 2016а; Фуфаева, 2016б; Шлыкова, 2018]. Опираясь на сделанные русистами выводы, мы сосредоточимся на основной проблеме настоящего исследования – роли экспрессивных лексических диминутивов в авторском замысле писателя и возможностях сохранения / передачи этих смыслов в переводе художественного произведения на английский язык, который, как известно, не обладает столь богатой и развитой морфологической системой, как русский, и в котором поэтому лексические диминутивы представлены крайне скупо [Буряковская, 2008].

Интересный материал для такого рода исследования предоставляет одно из самых известных произведений русской литературы – роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»¹, неоднократно переведившийся на английский язык. Будут рассмотрены два его популярных перевода, первый из которых был выполнен британцем Майклом Гленни (Michael Glenny, далее – Г.)² в 1967 г., практически сразу после выхода журнального варианта романа в СССР, а второй был создан тридцать лет спустя, в 1997 г., американским переводческим тандемом супругов Ричардом Пивером и Ларисой Волохонской (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, далее – П., В.)³, один из которых является носителем русского языка и культуры.

¹ *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. URL: librebook.me/master_i_margarita (дата обращения: 08.04.2020).

² *Bulgakov M.* The Master and Margarita / Translated from the Russian by Michael Glenny. London: Collins and Harvill Press, 1967. URL: www.masterandmargarita.eu/estore/eben001_mastermargarita_glenny.pdf (accessed: 08.04.2020).

³ *Bulgakov M.* The Master and Margarita. Translated by Richard Pevear & Larissa Volokhonsky // Booksonline.com.ua. Penguin Books. 2001. URL: booksonline.com.ua/view.php?book=98638&page=129 (accessed: 08.04.2020).

Лексические диминутивы встречаются в тексте романа часто, но очень неравномерно, и при этом прослеживаются отчетливые корреляции между типами диминутивов и контекстом их употребления в романе (московские / ершалаимские главы, авторское повествование / речь персонажей, речевые портреты отдельных героев). Как известно, семантика диминутивности сочетает в себе указание на «меньший против нормы размер» с проявлениями широкого спектра эмоций и интенций [Милославский, 2013] – от ласкательности, сочувствия и симпатии («маленький – значит миленький») до иронии, самоуничижения, заискивания, пренебрежения и презрения, и надо сразу оговориться, что в некоторых случаях размерное и эмоциональное значения оказываются настолько тесно спаянными в конкретном словоупотреблении, что разделить их можно лишь условно. Выясняется, что в ершалаимских главах романа диминутивы встречаются исключительно в значении размерности и к тому же значительно реже, чем в московских главах. Сокращение количества происходит главным образом за счет речи персонажей, под которую периодически может подстраивать свой голос и автор-повествователь: дело в том, что речь отдельных действующих лиц московских глав отмечена особой склонностью к употреблению, причем именно экспрессивному употреблению, слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, становящихся для этих героев – если воспользоваться удачным термином В.И. Карасика – одним из «лингвистически релевантных личностных индексов». Специфика таких индексов состоит в том, что они проявляются «очень часто и помимовольно» прежде всего в бытовом общении, «весьма ограничены количественно» и идентифицируют говорящего как языковую личность определенной социальной принадлежности и статуса [Карасик, 2002: 18]. Ими умело пользуются художники слова, в первую очередь сатирики, чтобы минимальными средствами создавать живые, емкие и хорошо узнаваемые образы, что и станет предметом настоящего исследования.

Понятно, что типизированные в конкретной лингвокультуре речевые характеристики, подобно национально-специфическим реалиям, чаще всего оказываются неизвестными носителям иных языков и культур, что не может не создавать трудностей при переводе. Неслучайно воспроизведение речевого портрета персонажа средствами иного языка считается в художественном переводе одной из самых сложных задач, для решения которой переводчику приходится сначала заниматься поиском эквивалентов отнюдь не на уровне слов или словосочетаний, а среди устойчивых образов «типичных представителей» социальных слоев и групп, сложившихся

в культурах исходного языка и языка перевода. И только когда определен целевой социальный тип, максимально соответствующий оригинальному в культуре перевода, начинаются поиски соответствий языковых маркеров, или индикаторов, по которым реципиент переводного текста мог бы столь же легко и определенно, как и читатель произведения в оригинале, опознать и домыслить типизируемую писателем культурно-языковую личность. В нашем конкретном случае дело осложняется еще и очевидной асимметрией русского и английского языков в морфологическом плане.

Фокус исследования на переводе экспрессивных диминутивов обусловлен также и тем, что чисто размерные диминутивы (независимо от того, используются они в речи персонажей или в авторском повествовании), как показывает наш материал и подтверждают другие работы в этой области [Лескина, Слабко, 2015; Менькова, 2010], в принципе сложности для перевода не представляют и достаточно точно передаются либо аналитически – главным образом, словосочетаниями с прилагательным *little*, реже *small*, *tiny* и др., либо даже однословными эквивалентами, при этом нередко не содержащими семы «маленький», которая, однако, легко домысливается на основании контекста, например: *фигурка* – *little figure*, *фартучек* – *little apron*, *туфельки* – *little slippers*, *диванчик* – *small couch / little settee*, *маленькая головка* – *small / little head*, *домик* – *little house*, *малюсенький человечек* – *tiny little man / tiny man*, *лодочка* – *little boat / light boat*, *иконка* – *little ikon*, *столук* – *little / small table*, *шажки* – *little steps*, *книжечка* – *booklet*, *опрятная борода* – *neatly bearded / trim beard*, *веточки* – *branches / twigs*, *шапочка* – *cap*, *прозрачное облачко* – *translucent cloud / transparent cloud*, *речонка* – *runlet*, *зданьице* – *cabin / little structure*, *ветерок* – *breeze*, *беловатое пятнышко* – *whitish speck / dot* и пр. Вопрос, который было бы уместно рассмотреть в связи с этим материалом, – очевидная избыточность русского языка в выражении уменьшительности, особенно хорошо заметная по контрасту с английским, однако прямую к переводческой проблематике это уже не относится.

Что же касается экспрессивных диминутивов, то, как уже было отмечено выше, они практически отсутствуют в ершалаимских главах романа, зато в московских – с их по большей части сатирической направленностью – становятся значимым средством речевого портретирования целого ряда героев, как центральных, так и второстепенных. Совокупность речевых образов проходных персонажей складывается в портрет коллективной культурно-языковой личности москвича 1930-х годов [Полубиченко, 2020], в котором одним из лингвистически релевантных личностных индексов вы-

ступает использование диминутивов для выражения подчеркнуто внимательного отношения к собеседнику, вплоть до заискивания, «подобострастия перед вышестоящими, готовности услужить и откровенного страха» [там же: 22].

• – *Что желаете надеть – халатик или пижамку?*

'What would you like to wear – a dressing gown or pyjamas?' (Г.)

'What would you like to put on – a dressing gown or some nice pyjamas?' (П., В.)

• – *А в чем дело? – тихо спросил Никанор Иванович, следуя за пришедшими, – у нас ничего такого в квартире не может быть... А у вас документки... я извиняюсь...*

'What's going on?' asked Nikanor Ivanovich as he followed them. 'You can't just burst into our flat like that... Where's your identity card if you don't mind?' (Г.)

"What's the matter?" Nikanor Ivanovich asked quietly, going after the visitors. "There can't be anything like that in our apartment... And – your papers... begging your pardon..." (П., В.)

• Буфетчик, вынужденный, преодолевая страх, вернуться в «нехорошую квартиру», образует уж совсем нелепое и потому особенно забавное слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом:

– *Я шляпочку забыл, – шепнул буфетчик, тыча себя в лысину.*

I forgot my hat,' whispered the barman, tapping his bald head. (Г.)

'I forgot my hat...' the barman whispered, pointing to his bald head. (П., В.)

Возможности тонкой нюансировки отношений, выражаемых русскими диминутивами в ходе межличностного взаимодействия, системно заложены в их семантике и далеко не ограничиваются проявлениями особого внимания и расположения (искреннего или притворного). Столь же богата и палитра передаваемых ими отрицательных коннотаций – тонкой иронии, издевки, едкого сарказма, шока, возмущения и даже угрозы.

• – *Доллары в вентиляции, – задумчиво сказал первый и спросил Никанора Ивановича мягко и вежливо: – Ваш пакетик?*

'Dollars in the ventilation shaft. ...' said the first man thoughtfully and asked Nikanor Ivanovich politely: 'Is this your little parcel?' (Г.)

"Dollars in the ventilation..." the first said pensively and asked Nikanor Ivanovich gently and courteously: "Your little wad?" (П., В.)

• – *Они [деньги] придут обратно, – отозвался Римский тихо, – а вот он сильно ответит за этот пикничок <...>*

'It'll come back,' replied Rimsky quietly, 'and then he'll pay dearly for this little picnic.' (Г.)

"It'll come back," Rimsky replied quietly, "but he'll have a hard time explaining this little picnic." (П., В.)

• Аннушка перекрестилась и подумала: “Да, уж действительно **квартирка** номер пятьдесят! Недаром люди говорят! Ай да **квартирка!**”

*She crossed herself and thought: 'It's that No. 50! No wonder people say it's **haunted** ...' (Г.)*

*Annushka crossed herself and thought: “Yes, indeed, a **nice little apartment**, that number fifty! It's not for nothing people say ... Oh, a **nice little apartment!**” (П., В.)*

• Быть может, еще не все струны сгнили в ее ростовщицкй **душонке**.

*Perhaps we can still touch a chord in her miserly **old heart**. (Г.)*

*Maybe not all the strings have rotted in her usurious **little soul**. (П., В.)*

Использование экспрессивных диминутивов пролетарским поэтом Иваном Бездомным, одним из центральных персонажей романа, в первых его главах и в конце служит четким индикатором глубинного перерождения личности. На смену агрессивно-саркастическим выпадам против окружающих приходит мягкая самоирония (табл. 1)

Таблица 1

Экспрессивные диминутивы как индикаторы личностного роста поэта Ивана Бездомного

<p>– Типичный кулачок по своей психологии, – заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, – и притом кулачок, тщателью маскирующийся под пролетария.</p> <p><i>'A typical kulak mentality,' said Ivan Nikolayich, who obviously felt a sudden urge to attack Ryukhin. 'And what's more he's a kulak masquerading as a proletarian.'</i> (Г.)</p> <p><i>“Psychologically, a typical little kulak,” Ivan Nikolaevich began, evidently from an irresistible urge to denounce Riukhin, “and, what's more, a little kulak carefully disguising himself as a proletarian.” (П., В.)</i></p> <p>или</p> <p><i>Раздался удар, но небьющиеся стекла за шторою выдержали его, и через мгновение Иван забился в руках у санитаров. Он хрипел, пытался кусаться, кричал: – Так вот вы какие стеклышки у себя завели!..</i></p> <p><i>'Fine sort of glass you put in your windows!' (Г.)</i></p> <p><i>“So that's the sort of windows you've got here!” (П., В.)</i></p>	<p>Я ведь слово свое сдержу, стишков больше писать не буду.</p> <p><i>You see, I'm going to keep my word, I shan't write any more stupid poetry. (Г.)</i></p> <p><i>I'll keep my word, I won't write any more poems. (П., В.)</i></p>
--	--

По употреблению экспрессивных диминутивов Коровьевым, членом свиты Воланда, можно безошибочно определить, с кем происходит его общение, так как «в своем кругу» диминутивов он не использует, зато при взаимодействии с москвичами полностью ко-

пирует, более того – утрирует почти до пародии, их типичное речевое поведение.

Тут Коровьев попросил **расписочку** на пять... <...> Произошло подсчитывание, пересыпаемое **шуточками** и прибаутками Коровьева, вроде “**денежка** счет любит”, “свой **глазок** – **смотрок**” и прочего такого же. <...> Пересчитав деньги, председатель <...> как-то не удержавшись, стыдливо попросил **контрамарочку**...

– О чем разговор! – взревел Коровьев, – сколько вам **билетиков**, Никанор Иванович, двенадцать, пятнадцать?

Ошеломленный председатель пояснил, что **контрамарок** ему нужна только **парочка**, ему и Пелагее Антоновне, его супруге.

Коровьев тут же выхватил блокнот и лихо выписал Никанору Ивановичу **контрамарочку** на две персоны в первом ряду. И эту **контрамарочку** переводчик левой рукой ловко всучил Никанору Ивановичу, а правой вложил в другую руку председателя толстую хрустнувшую пачку.

Приведенный фрагмент текста призван проиллюстрировать также и такую особенность языка романа, как личность автора-рассказчика, который, ведя повествование от третьего лица, не полностью выводит себя за его рамки, а напротив, то время от времени прямо напоминает читателю о своем присутствии непосредственными обращениями к нему (*За мной, мой читатель; прошу заметить; спросим мы; я не шучу; воскликнули бы мы* и т.д.), то, подобно Коровьеву, мимикрирует под кого-то из своих героев, начиная говорить его голосом. И в этом случае диминутивы вполне определенно выявляют особенности личности, однако уже не только персонажа, но и автора-рассказчика. Если первое упоминание контрамарочки (*попросил контрамарочку*) с оговоркой *стыдливо* явно воспроизводит доподлинные слова самого Никанора Ивановича Босого, то в дальнейшем провести грань между собственной авторской и несобственно-прямой речью едва ли получится, а попытка заменить повторяющиеся диминутивы на нейтральные номинации сразу выявляет озорство автора, а не персонажей, что и становится дополнительным источником комизма. В переводах, однако, авторское ёрничанье полностью исчезает вместе с непередаваемой экспрессивностью диминутивов, что случается регулярно и существенно искажает образ автора и писательский замысел: *receipt – witticisms – ‘better safe than sorry’ – free ticket – two complimentary tickets in the front row* (Г.); *receipt – quips and quiddities – “Your own eye won’t lie” – free pass – tickets – couple of passes – pass for two persons in the front row* (П., В.)

Возвращаясь к Коровьеву, отметим, что он, пожалуй, является, если так можно выразиться, «самым диминутивным» персонажем

в романе. Уже само описание его внешности, повторяемое на разные лады при каждом его появлении, сплошь состоит из весьма экспрессивных диминутивов, очень естественно вписывающихся в заявленный образ «наглого гаера», «развязного и глумливого»:

• *На маленькой головке жокейский кармузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок...*

On his small head was a jockey-cap and he wore a short check bum-freezer made of air (Г.)

A peaked jockey's cap on his little head, a short checkered jacket also made of air ... (П., В.).

• *<...> усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брючки клетчатые...*

<...> his feathery little moustache, his little eyes, mocking and half drunk, his check trousers (Г.)

<...> he had a little moustache like chicken feathers, tiny eyes, ironic and half drunk, and checkered trousers (П., В.).

Почти все эквиваленты, предложенные переводчиками, воспроизводят лишь указание на размерность предметов, не передавая эмоционально-образной составляющей булгаковских диминутивов, за исключением, возможно, только грубоватого сленгизма *bum-freezer* и определения *feathery* вместо буквализма *like chicken feathers*.

Неразлучные Коровьев и Бегемот иронично, а иногда с сарказмом называются в романе *парочкой* (то *неугомонной*, то *неразлучной*, то *диковинной*, то вообще без определений) как автором, так и Иваном Бездомным и даже один раз самим Воландом, для которого эта номинация оказывается одним из всего 3 случаев употребления им диминутивов, в целом для него не характерного. Предложенные переводы *couple* и *pair* (Г.), *pair* и *little pair* (П., В.) снова не отражают важных экспрессивно-оценочных коннотаций, а последний, размерный вариант грешит буквализмом и просто нелогичен, так как противоречит контексту рассказа Ивана о своей погоне за Коровьевым и Бегемотом.

Столь же несвойственна диминутивность и речи Маргариты: один раз применительно к глобусу Воланда она использовала слово *вещица*, с чем хозяин согласился (*Хорошая вещица*), а в другой раз, утешая ребенка, проснувшегося от устроенного ею в писательском доме погрома, употребила в качестве обращения диминутив *маленький*. В первом случае одному из переводчиков удалось обойтись местоимениями *anything* и *it* (Г.), во втором переводе вполне адекватным оказалось словосочетание *nice little object* (П., В.), соединяющее в себе значения размерности и экспрессивности; во втором случае были уместно использованы вполне узуальные обращения *Darling* (Г.) и *little one* (П., В.).

Мастер тоже не отличается особой любовью к диминутивам, которые массово появляются в его речи лишь тогда (и это тоже симптоматично в плане выполняемой ими функции личностных индексов), когда он повествует о недолгом периоде своей счастливой жизни в маленьком, но зато собственном подвальчике.

– *Нанял у застройщика две комнаты в подвале **маленького домика в садике**. <...> Ах, это был золотой век, - блестя глазами, шептал рассказчик, – совершенно отдельная **квартирка** <...> **маленькие оконца** над самым **тротуарчиком**, ведущим от калитки. <...> Зимой я очень редко видел в **оконце** чьи-нибудь черные ноги и слышал хруст снега под ними. <...> Я открыл **оконца** и сидел во второй, совсем **малюсенькой** комнате, – гость стал отмеривать руками, – так... вот диван, а напротив другой диван, а между ними **столлик**, и на нем прекрасная ночная лампа, а к **окошку** ближе книги, тут **маленький письменный столлик**, а в первой комнате – **громкая** комната, **четырнадцать метров**, – книги, книги и печка. Ах, какая у меня была обстановка!*

В обоих переводах «уменьшительность» *тротуарчика* и части *оконца* была нейтрализована, но в целом переводы вполне адекватны. Проблема в том, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда и в оригинале затруднительно определить однозначно, выражена ли в данных диминутивах «уменьшительность» предмета или «ласкательность» по отношению к нему, и решение зависит от интерпретации контекста. Кроме того, вполне вероятно, что в отдельных случаях могут реализоваться сразу обе возможности, и тогда уменьшительность и ласкательность окажутся нераздельны.

Эту трудность восприятия и перевода булгаковского романа хорошо иллюстрируют не раз встречающиеся в тексте одни и те же диминутивы, трактуемые в разных контекстах совершенно различно. Так, в нижеследующем описании Маргариты, нетерпеливо ожидающей назначенного времени, чтобы намазаться кремом Азазелло (табл. 2), *часики* – это чисто размерный диминутив, тогда как в сцене фокуса Коровьева с часами Римского это уже диминутив сугубо экспрессивный. Аналогичным образом обстоит дело и со словом *квартирка* применительно к подвальчику мастера и при оценке «нехорошей квартиры», например, буфетчиком театра Варьете (табл. 2). Отметим, что в обоих переводах эта разница была воспроизведена вполне успешно.

Проверка на достаточно протяженных связных фрагментах текста романа индексального потенциала диминутивов, выявленного на отдельных примерах, подтвердила сделанные выводы. Был, в

Сопоставление размерных и экспрессивных значений диминутивов

<p>Золотой браслет с часиками лежал перед Маргаритой Николаевной рядом с коробочкой, полученной от Азазелло, и Маргарита не сводила глаз с циферблата.</p> <p><i>Her gold wrist-watch lay in front of her alongside the little box given her by Azazello, and Margarita was staring at the watch-face.</i> (Г.)</p> <p><i>A gold bracelet with a watch lay in front of Margarita Nikolaevna, beside the box she had received from Azazello, and Margarita did not take her eyes from its face.</i> (П., В.)</p>	<p>– Ваши часики? Прошу получить, – развязно улыбаясь, сказал клетчатый и на грязной ладони подал растерянному Римскому его собственность.</p> <p><i>'Your watch, sir? There you are,' said the man in checks. Smiling nonchalantly, he proffered the watch to its owner on his dirty palm.</i> (Г.)</p> <p><i>"Tour little watchie? Kindly take it," the checkered one said, smiling casually and offering the bewildered Rimsky his own property on a dirty palm.</i> (П., В.)</p>
<p><...> совершенно отдельная квартирка, и еще передняя, и в ней раковина с водой...</p> <p><i>'A completely self-contained little flat and a hall with a sink and running water...'</i> (Г.)</p> <p><i>"A completely private little apartment, plus a front hall with a sink in it..."</i> (П., В.)</p>	<p>"Господи боже мой! – подумал нервный, как все буфетчики, Андрей Фокич, – воm квартирка!"</p> <p><i>'Oh my God!' thought Andrei Fokich, nervous as all barmen are, 'what a place!'</i> (Г.)</p> <p><i>"Oh, Lord God! ..." thought Andrei Fokich, nervous like all barmen. "A nice little apartment!..."</i> (П., В.)</p>

частности, подробно проанализирован отрывок из Главы 24 объемом 3,5 страницы, где задействованы и проявляют себя вербально разные персонажи – Воланд с частью свиты (Азазелло), Маргарита, печально известная благодаря разлитому на трамвайных путях маслу Аннушка по прозвищу Чума и, наконец, сам автор-повествователь. Наша задача – проследить, как работают диминутивы на социокультурную идентификацию персонажей в созданном Булгаковым художественном пространстве и удастся ли переводчикам воспроизвести достигнутый в оригинале эффект по-английски.

Воланд дарит Маргарите на память «**небольшую золотую подкову, усыпанную алмазами**». Она «**уложила подкову в салфетку и затащила ее узлом**». Это сообщает читателю автор, речь которого нейтральна в плане использования диминутивов, что было замечено также за Воландом и Маргаритой, так что есть все основания полагать, основываясь на ранее сделанных наблюдениях, что повествователь и здесь подстраивает свой голос под манеру общения описываемых персонажей. Спускаясь по лестнице, Маргарита обронила сверток с подковой, а обнаружив это, воскликнула (в полном соответствии с нашими ожиданиями, не используя уменьшительно-ласкательных форм): «**Боже, я потеряла подкову!**» Тем временем,

подкову находит Аннушка, и тон повествователя, описывающего, как это произошло, кардинально меняется во всех отношениях, однако мы будем по-прежнему отслеживать лишь один лингвистический показатель, находящийся в настоящий момент в фокусе нашего внимания. На читателя потоком обрушиваются уменьшительно-ласкательные формы слов: к изначально заданной гипокористике *Аннушка* добавляются исходящие от автора «*салфеточка с чем-то тяжелым*» и «*развернула сверточек*», к которым присоединяются уже мысли самой героини: «*Камушки-то можно выковырять... И по одному камушку: один на Петровку, другой на Смоленский...*». Тут на лестничной площадке появляется Азazelло, отправившийся искать оброненный Маргаритой подарок, и первой же репликой четко вписывается в стилистику общения типичных москвичей 1930-х годов, изображенную Булгаковым как смесь легко сменяющих друг друга крика, грубости, унижения и заискивания: «*Давай подкову и салфеточку*». «*Какую такую салфеточку-подкову? – спросила Аннушка, притворяясь весьма искусно, – никакой я салфеточки не знаю*». Будучи придушена Азazelло до полубморочного состояния, Аннушка вспомнила: «*Ах, подковочку, – заговорила она, – сию минуту! Так это ваша подковочка? А я смотрю, лежит в салфеточке...*» А затем вступил автор-повествователь, насколько возможно, в унисон со своими героями: «*Получив подковочку и салфеточку, иностранец начал расшаркиваться перед Аннушкой...*» Снова Азazelло: «*Я вам глубочайше признателен, мадам. Мне эта подковочка дорога как память*», а потом с нижнего пролета лестницы: «*Ты, старая ведьма, если когда еще поднимешь чужую вещь, в милицию ее сдавай, а за пазуху не прячь!*»

Очевидно, что экспрессивные диминутивы в пространстве булгаковского романа обладают мощным индексальным потенциалом идентификации и типизации персонажей, установления их принадлежности к «своим» либо «чужим», предоставляя к тому же богатый ресурс комического тем героям, кто, подобно свите Воланда или самому автору-рассказчику, легко меняет голоса и маски, попадая в стан «чужих». Для русскоязычного читателя все это достаточно очевидно, во всяком случае на интуитивном, подсознательном уровне ирония и сарказм воспринимаются правильно и вызывают ожидаемую реакцию. Что же происходит в переводе? Выше был рассмотрен ряд примеров, свидетельствующих о том, что проанализированные нами переводы выполнены качественно и высокопрофессионально, при этом в основу их положены две разные

стратегии – доместикации (М. Гленни) и форенизации (Р. Пивер и Л. Волохонская) текста, и удачные решения, как можно убедиться из приведенных примеров, есть в обоих переводах. Однако в данном случае переводчики оказываются заложниками асимметрии грамматических систем русского и английского языков как раз в том их аспекте, который создатель «Мастера и Маргариты» избрал в качестве одного из лингвистически релевантных личностных индексов созданной им системы персонажей. В результате, по совершенно объективным обстоятельствам [Фетисова, 2019], только что детально рассмотренное нами иронично-саркастическое многоголосье в сцене с «подковочкой и салфеточкой» не получилось ни в одном из переводов, сведясь к несколько не смешному повторению на разные лады одних и тех же слов *horseshoe* и *napkin / serviette*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буряковская А.А. Диминутивность в английской языковой картине мира: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. Тула, 2008.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
3. Лескина С.В., Слабко Ю.В. Представленность разноуровневых диминутивов в русском и английском языке // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12. № 1. С. 15–21.
4. Менькова Н.В. Русские диминутивы в английском переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 174–179.
5. Милославский И.Г. Говорим правильно по смыслу или по форме? М., 2013.
6. Панков Ф.И. Русские диминутивы и интернет // Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Сборник статей II Международной научно-практической конференции: В 2 т. / Под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. 2018. Т. 2. С. 178–184.
7. Полубиченко Л.В. Речевой портрет коллективной культурно-языковой личности как проблема художественного перевода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVII. Вып. 1. 2020. С. 20–24
8. Фетисова Н.А. Передача в переводе иронии, реализованной при помощи диминутивов (на материале рассказов Т. Толстой и их переводов на английский язык) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 173–179.
9. Фуфаева И.В. Диминутивные замены в русском словаре: типы, семантика и роль в развитии языка // Культура и цивилизация. 2016а. Т. 6. № 5А. С. 120–129.
10. Фуфаева И.В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016б. № 3. С. 257–266.
11. Шлыкова Л.А. Диминутивы в современном русском языке // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2018. № 5. С. 270–274.

Lydia V. Polubichenko

**DIMINUTIVES AS LINGUISTICALLY RELEVANT
PERSONAL INDEXES IN MIKHAIL BULGAKOV'S NOVEL
THE MASTER AND MARGARITA
AND THEIR RENDERING IN TRANSLATION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with one of the most complicated aspects of the theory of artistic translation, i.e. recreation of the speech portrayal of a literary character in another language and within a different culture underlying it. The material under analysis is Mikhail Bulgakov's landmark novel *The Master and Margarita* and two of its widely acknowledged translations produced by Michael Glenny (1967) and Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (1997). The text of the novel abounds with lexical diminutives of all kinds, which enabled us to put forward a hypothesis that diminutives underlie and inform the complex multilayer system of the characters of the novel and their speech portrayals. Thus, diminutiveness is viewed as a linguistically relevant personal index. The research has shown that within the framework of the novel, expressive diminutives possess a large indexical capacity to identify and typify the characters as 'us' and 'them' as well as provide a rich source of humour and comic relief for those characters who, like Woland's entourage or the narrator himself, are good at changing masks and voices when confronted with 'them'. Due to the asymmetry of the Russian and English morphological systems, consistent recreation of the characters' speech portrayals based on lexical diminutives, does not seem possible in translation, which does not preclude, however, occasionally finding excellent translation solutions.

Key words: diminutive; dimensional diminutive; expressive diminutive; translation; artistic translation; speech characteristic; speech portrayal; Mikhail Bulgakov; *The Master and Margarita*.

About the author: *Lydia V. Polubichenko* – Dr.habil in Philology, Professor, Head of English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lpolubichenko@mail.ru).

REFERENCES

1. Buryakovskaya A.A. 2008. *Diminutivnost' v angliiskoi yazykovoi kartine mira: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Diminutivnost in an English language picture of the world: avtoref. dis. cand. of phil. sciences]: 10.02.04 [Mesto zashchity: Voronezh. gos. un-t]. Tula. (In Russ.)
2. Karasik V.I. 2002. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena. (In Russ.)
3. Leskina S.V., Slabko Yu.V. 2015. Predstavlenost' raznourovnevykh diminutivov v russkom i angliiskom yazyke [Multi-level representation of diminutives in Russian and English]. *South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*, vol. 12, no. 1, pp. 15–21. (In Russ.)

4. Men'kova N.V. 2010. Russkie diminutivy v angliiskom perevode romana M.A. Bulgakova "Master i Margarita" [The Russian Diminutives in English Translation of the Novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita"]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 3, pp. 174–179 (In Russ.)
5. Miloslavskii I.G. 2013. *Govorim pravil'no po smyslu ili po forme?* [Do we speak correctly by meaning or by form?] Moscow. (In Russ.)
6. Pankov F.I. 2018. Russkie diminutivy i internet [Russian diminutives and the Internet]. *Yazyk i rech' v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura* In Dolzhikova A.V., Barabash V.V. (eds), vol. 2, pp. 178–184. (In Russ.)
7. Polubichenko L.V. 2020. Rechevoi portret kollektivnoi kul'turno-yazykovoi lichnosti kak problema khudozhestvennogo perevoda [Speech portrayal of a collective culturally conditioned language identity as a problem of artistic translation]. *The Humanities And Social Studies in the Far East*, vol. XVII, no. 1, pp. 20–24. (In Russ.)
8. Fetisova N.A. 2019. Peredacha v perevode ironii, realizovannoi pri pomoshchi diminutivov (na materiale rasskazov T. Tolstoi i ikh perevodov na angliiskii yazyk) [Translating irony created by diminutives (a case study of Tatyana Tolstaya's short stories and their translations into English)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 173–179. (In Russ.)
9. Fufaeva I.V. 2016a. Diminutivnye zameny v russkom slovare: tipy, semantika i rol' v razvitii yazyka [Diminutive substitutions in the Russian dictionary: types, semantics and the role in language development]. *Culture and Civilization*, vol. 6, no. 5A, pp. 120–129. (In Russ.)
10. Fufaeva I.V. 2016b. Ekspansiya ekspressivnykh diminutivov v russkom yazyke [Expansion of expressive diminutives in Russian]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 3, pp. 257–266. (In Russ.)
11. Shlykova L.A. 2018. Diminutivy v sovremennom russkom yazyke [Diminutives in the Russian language]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, no. 5, pp. 270–274. (In Russ.)

С.И. Горбачевская, Т.А. Меркиш

**УРОВНИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ТЕКСТА КОРОТКОГО РАССКАЗА
(ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА РАССКАЗОВ В. БОРХЕРТА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются характерные признаки и категории жанра короткого рассказа и уровни переводческого анализа подобных текстов с точки зрения теоретического осмысления разных аспектов художественного перевода. Цель нашего исследования – рассмотреть имеющиеся подходы к переводческому анализу художественного текста в целом, соотнести их с форматом жанра короткого рассказа и обосновать на практике необходимость выработки стратегии его перевода. Материалом исследования послужили 42 рассказа немецкого писателя Вольфганга Борхерта, над переводом которых на русский язык в настоящий момент работают авторы данной статьи. В качестве релевантных для перевода были выбраны категории хронотопа, динамики и рассказчика. Хронотоп воспроизводит пространственно-временную картину мира и организует композицию произведения, динамика связана как с порождением, так и с восприятием содержания текста. Были рассмотрены такие составляющие динамики текста, как сюжетное движение и статика, нейтральность и экспрессия стиля речи, экономия и избыточность языковых средств, прагматика прямой и косвенной речи. Рассказчик – это посредник между автором и читателем, условный создатель фиктивного мира художественного произведения. Одна из главных задач переводческого анализа текста оригинала – определить эти категории и средства их выражения и найти средства для их параллельного развертывания в тексте перевода.

Ключевые слова: переводческий анализ текста; жанр короткого рассказа; категория хронотопа текста; категория динамики текста; категория рассказчика текста.

Традиционно художественный текст определяется как «текст, основной функцией которого является эстетическое воздействие на

Горбачевская Светлана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sgaeiou@yandex.ru).

Меркиш Татьяна Алексеевна – аспирант, преподаватель кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tania.merkish@gmail.com).

читателя или слушателя» [Солодуб, 2005: 21], и для которого «более важно не то, что сообщается, а то, как это сообщается» [там же: 19]. На этот факт обращает внимание и австрийский переводовед Э. Прунч, который считает, что «именно посредством выполнения эстетической функции переводы художественной литературы встраиваются не только в языковую и культурную систему, но и в особенности в систему соответствующей национальной литературы» [Прунч, 2015: 231]. Труд литературного переводчика – это своего рода сотворчество, но, в то же время, «каждый переводчик так или иначе воссоздает в своем переводе себя, то есть стиль своей собственной личности» [Чуковский, 1968: 323].

Как объект анализа, художественный текст представляет собой «реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощенную в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь, также интерпретирующих действительность), и адресованную читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [Бабенко, Казарин, 2003: 45]. Необходимый уровень прагматической переводческой адаптации художественного текста, имеющего по своей природе сложный гибридный характер, определяется именно результатами его интерпретации. На интерпретации базируется и деятельность критика перевода [Костицова, 2003: 43–44].

В основу переводческого анализа художественного текста обычно кладется «определенный алгоритм, последовательность шагов в действиях переводчика, необходимых для правильного понимания содержания ИТ (текста оригинала, исходного текста), его прагматической задачи, и выработки переводческих стратегий, направленных на создание адекватного ПТ (текста перевода, переводного текста)» [Художественный перевод, 2014: 207].

К. Норд называет переводческим такой анализ текста, который «не только обеспечивает понимание и интерпретацию текста оригинала (как это делается в литературоведении) или объясняет использование языковых структур текста, их отношение к системе и норме и т.п. (Какую роль они вообще играют для перевода?), но когда он создает надежную основу для принятия каждого переводческого решения» [Nord, 2003: 1].

Согласно представителям немецкой школы перевода, алгоритм переводческого анализа и так называемого «объясняющего» понимания текста состоит из трех основных шагов. Первый шаг – это первое прочтение текста, во время которого отмечаются языковые особенности авторского стиля, степень их переводимости, а также

переводческие трудности прагматического, конвенционального и языкового характера. Здесь закладывается переводческая стратегия или «целенаправленное когнитивное поведение» (*zielorientiertes kognitives Verhalten*) переводчика, более или менее осознанный план решения конкретных переводческих проблем [Nord, 2003: 182; Kautz, 2002: 66]. Второй шаг – это необходимость проанализировать presuppositions, которые необходимы переводчику для полного, адекватного понимания содержания оригинала [Nord, 2003: 114]. И третий шаг – это повторное чтение текста, во время которого в сознании переводчика формируется единое мысленное представление всей описываемой текстом ситуации.

В российской школе перевода распространена схема предпереводческого анализа И.С. Алексеевой, включающая следующие аспекты: 1) сбор внешних сведений о тексте; 2) определение источника и реципиента; 3) состав информации (когнитивной, оперативной, эмоциональной и эстетической) и ее плотность; 4) коммуникативное задание, которое часто является комплексным; 5) речевой жанр, позволяющий получить окончательное представление о том, как оформлен текст [Алексеева, 2004: 324–332].

Подобный многоуровневый подход к анализу художественного текста мы использовали в процессе перевода коротких рассказов немецкого писателя Вольфганга Борхерта (1921–1947) на русский язык. В. Борхерт был одним из ярчайших писателей того времени, что подтверждают не только высказывания его современников, но и количество исследований, посвященных его творчеству. Будучи солдатом, он был вынужден непосредственно столкнуться с войной, что в значительной мере предопределило тематику и проблематику его произведений. За свою недолгую, но насыщенную жизнь он написал множество стихотворений, одну драму и более 40 рассказов¹. Его произведения актуальны для читателей, принадлежащих к любой культуре, так как его герои – собирательный образ человека, вынужденно столкнувшегося с самой масштабной катастрофой XX в.

Мы начали переводческий анализ с определения жанра короткого рассказа, поскольку жанры «отражают коммуникативные потребности людей и являются комплексными образцами языковой коммуникации, которые появились в языковом сообществе в ходе общественно-исторического развития» [Brinker, 1997: 126]. История возникновения понятия «короткий рассказ» тесно связана с англо-

¹ *Borchert W.* Die Hundebblume. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/borchert/hundebblu/hundebblu.html> (accessed: 31.03.2020); *Borchert W.* An diesem Dienstag. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/borchert/andiedie/andiedie.html> (accessed: 31.03.2020).

американским жанром “short story”. В немецком литературоведении этот термин (нем. “Kurzgeschichte”) закрепился в словарях только в 1958 г., когда его стали использовать в качестве обозначения самостоятельной художественной формы изложения, частично соответствующей жанру “short story” в англоязычной литературе [Graf von Nuyhauss, 2004: 43–46].

В настоящее время принято говорить о том, что немецкоязычный короткий рассказ – продукт не национальный, а интернациональный, так как он является синтезом работ значительного количества писателей, включая англоязычных, русскоязычных и франкоязычных, оказавших большое влияние на становление жанра в немецкоязычном культурном пространстве. Об этом свидетельствуют его внешняя форма и некоторые внешние характеристики (объем, сжатость пространственно-временных рамок и др.). Его уникальность же выражается в отражении действительности Германии, ее национального характера [Zierott, 1952: 58]. Период наиболее яркого и стремительного развития немецкоязычного короткого рассказа приходится на середину XX в., что обусловлено появлением направления «Послевоенной литературы» (“Nachkriegszeitliteratur”) или «Литературы руин» (“Trümmerliteratur”) в послевоенные годы. Растущая популярность коротких рассказов связана с обстоятельствами, формирующими развитие Германии в то время. Сжатая форма рассказов позволяла писателям обратиться к наибольшему количеству читателей с просьбой не забывать ужасы прошлого, но в то же время верить в светлое будущее, показывая, что в неоднозначном настоящем они не одиноки.

Переводческий анализ текста оригинала может проводиться на разных уровнях – семантическом, прагматическом, синтаксическом, на уровне ключевых понятий [Изволенская, 2018] и т.д. Мы попытались проанализировать способы выражения текстовых категорий короткого рассказа как составляющих «системной организации текста, связанных с его закономерным функционированием в акте речевой коммуникации» [Нелюбин, 2003: 74]. В качестве релевантных для настоящего исследования были выделены категории динамики, хронотопа и рассказчика.

Многие исследователи обращают внимание на универсальность категории динамики текста, поскольку само порождение текста – динамический процесс. «...Образ содержания текста, как любой предметный образ, принципиально динамичен ... лишь в постоянном становлении – его бытие» [Леонтьев, 1979: 24; Мартынова, 2012].

В качестве составляющих динамики текста рассматриваются следующие: движение, торможение, статика, борьба / столкновение. В рассказах В. Борхерта динамика проявляется как в языковых

формах, так и способах подачи информации, в развитии сюжета и поведении действующих лиц. Например, подробно представляя процесс движения (“schlug mit den Füßen den Takt, blieb stehen, drehte sich um” / «отбивал ногами такт, остановился, повернулся» – *Das Känguru*), писатель постепенно подводит читателя к эскалации конфликта. Торможение выражается повтором (“Der glitt mit dem Daumen am Gewehr auf und ab. Auf und ab. Auf und ab.” / «Он скользил пальцем по своему ружью вверх и вниз. Вверх и вниз. Вверх и вниз.» – *Vier Soldaten*;) или перечислением (“Schlosserlehrlinge, Büroangestellte mit weißer Haut, Volksschullehrer mit genialen Gesichtern und schäbigen Hosen, dicke Männer mit dicken Beinen, Asthmatiker und Straßenbahner mit Feldwebelschritt.” / «Ученики слесаря, офисные работники с белой кожей, учителя начальной школы с гениальными лицами и потрепанными штанами, толстые мужчины с толстыми ногами, астматики и пассажиры трамваев с походкой фельдфебеля» – *Vielleicht hat sie ein rosa Hemd*). Статика выражается в описании окружающего мира, внешнего вида героев, небольшого количества фактов из их жизни (“Dann stand sie da in ihrer Wolljacke und mit einem roten Schal um. Und barfuß. Immer barfuß.” / «И тогда она стояла там в своей шерстяной кофте, обернутая красным шарфом. Босиком. Всегда босиком.» – *Die Küchenuhr*). Аспект борьбы может быть выражен зачастую за счет апелляции к незначительным внешним факторам, якобы повлиявшим на действия героев (“Aber man hat es doch befohlen, flüsterte der eine.” / «Но нам же это приказали, прошептал первый» – *Die Kegelbahn*).

С категорией динамики тесно связана категория хронотопа как пространственно-временного отражения художественного мира. В коротком рассказе события повествования передаются сжато, пространство и время воспринимаются как единое целое, раскрывая авторское восприятие данных категорий. Временной промежуток, описываемый в коротких рассказах, невелик, также практически отсутствуют значительные временные скачки. В некоторых рассказах это отражено уже в самом названии (“An diesem Dienstag” / «В этот вторник», “Im Mai, im Mai schrie der Kuckuck” / «В мае, в мае куковала кукушка»), в других – время действия определяется в самом начале рассказа (“Von morgens halb fünf bis nachts um halb eins.” / «С половины пятого утра до половины первого ночи.» – *Unser kleiner Mozart*; «Morgen» / «Утро» – *Das Känguru*). Таким образом, писателю удается создать некий «маленький мир», который связан с повседневной жизнью обычного человека, значительно ограниченный хронотопом [Горбачевская, Меркиш, 2019: 78]. Пространственно-временная модель, которая является основой для изложения

писателем действия, зачастую детально не раскрывается. Это может быть любой месяц, любой день и любое утро. Это же актуально и для описания места действия. Для рассказов В. Борхерта характерно противопоставление двух подпространств: «дом» – «внешний мир». Оба подпространства наделены общепринятыми характеристиками: первое – спокойствие и защищенность, второе – враждебность и зачастую причина конфликта.

Категория рассказчика, «будучи центральной в художественном произведении ... определяет тональность (модальность) изложения; обуславливает диапазон видения (масштаб изображения); определяет характер изобразительных средств, шире – строй речи» [Солганик, 2014: 111]. Рассказчик – это условный посредник между автором и читателем. Особенно важна его роль в коротком рассказе, где он не дистанцирован от читателя, а как бы является его проводником, направляет его, рассуждает вместе с ним, не делая при этом никаких умозаключений. Таким образом, он отчасти показывает, что и сам не идеален и не совершенен и, возможно, сам не знает ответа на поставленные вопросы. Примечательно, что сам автор в большинстве рассказов склонен оставаться вне произведения, лишь в нескольких рассказах встречается местоимение «мы», которое выражает присутствие автора, его отнесенность к описываемому.

На данном этапе исследования мы можем сделать следующие предварительные выводы:

1. Переводческий анализ художественного текста понимается как определенный алгоритм, необходимый для правильного понимания содержания ИТ, выявления его прагматической задачи, а также выработки переводческих стратегий, направленных на создание адекватного ПТ. Однако до сих пор нет однозначного подхода к алгоритму работы переводчика с текстом художественного произведения, так как процесс перевода включает и интерпретацию, ведь расчленение текста на составляющие затрудняет целостное восприятие его эмоционально-эстетического воздействия.

2. Выделенные нами категории художественного текста (хронология, динамика и рассказчик) релевантны для переводческого анализа короткого рассказа, поскольку отражают его основные параметры. Метод интерпретации данных категорий помогает, с одной стороны, определить их конкретную сущность и, соответственно, требования к их эквивалентной репрезентации в тексте перевода. В то же время эти категории позволяют конструктивно-критически подойти к сравнительному анализу параллельных текстов и наиболее четко выявить несоответствия содержания текста оригинала и имеющегося текста перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филолог. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.; М., 2004.
2. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М., 2003.
3. *Горбачевская С.И., Меркиш Т.А.* Жанр короткого рассказа в аспекте перевода // Сборник статей по итогам I Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы коммуникации. Язык и перевод». М., 2019. С. 76–84.
4. *Изволенская А.С.* “Crime and Punishment”: о вербализации ключевых понятий в переводах романа Ф.М. Достоевского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 167–174.
5. *Костикова О.И.* Интерпретация как основа деятельности критика переводов (К вопросу о переводе заглавия романа «Преступление и наказание») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 4. С. 42–51.
6. *Леонтьев А.А.* Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979. С. 18–29.
7. *Нелобин Л.Л.* Толковый переводческий словарь. М., 2003.
8. *Мартыанова И.А.* Диалектика динамико-статических свойств художественного текста (на материале киносценария) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 194–200.
9. *Прунч Э.* Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М., 2015.
10. *Солганик Г.Я.* Категория рассказчика и специфика художественной речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 2. С. 109–119.
11. *Солодуб Ю.П.* Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. М., 2005.
12. Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник // РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. Отд. литературоведения / Отв. ред. и сост. М.Б. Раренко. М., 2014.
13. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. М., 1968.
14. *Brinker K.* Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 1997.
15. *Graf von Nayhauss H.-Ch.* Theorie der Kurzgeschichte. Stuttgart: Reclam Verlag, 2004.
16. *Kautz U.* Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens / Ulrich Kautz. Goethe Institut. 2. Aufl. München: Indicum, 2002.
17. *Koller W.* Einführung in die Übersetzungswissenschaft // Werner Koller. 6., durchges. und aktualisierte Aufl. Wiebelsheim: Quelle und Meyer, 2001.
18. *Nord C.* Textanalyse und Übersetzen: theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse // Christiane Nord. 3. Aufl. Heidelberg: Groos, 2003.
19. *Zierott K.* Die Kurzgeschichte in Literatur und Presse: PhD. diss. München, 1952.

SHORT STORY TEXT TRANSLATION ANALYSIS LEVELS

**(BASED ON THE EXPERIENCE OF TRANSLATING
W. BORCHERT'S STORIES INTO RUSSIAN)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the characteristic features and categories of the short story genre and the levels of translation analysis of such texts from the point of view of theoretical understanding of various aspects of literary translation. The purpose of our study is to consider the existing approaches to the translation analysis of the literary text as a whole, to correlate them with the format of the short story genre, and to justify the need for developing a translation strategy for this genre. The research is based on the data extracted from the analysis of 42 short stories by a German writer Wolfgang Borchert, the translation of which into Russian is currently being done by the authors of this article. The categories selected as relevant for the translation process are the categories of chronotope, dynamics, and narrator. The chronotope reproduces the spatio-temporal picture of the world and organizes the composition of the work. The dynamics is associated with both the generation and perception of the content of the text. The examined components include the components of the text dynamics such as the plot movement and statics, neutrality and expression of the style of speech, the economy and redundancy of language tools, the pragmatics of direct and indirect speech. The narrator is a mediator between the author and the reader, the fictional creator of the fictitious world of a work of art. One of the main tasks of the translation analysis of an original text is to identify these categories and their means of expression, and find means for their parallel deployment in the translation text.

Key words: text translation analysis; short story genre; text category chronotope; text category dynamics; text category narrator.

About the authors: *Svetlana I. Gorbacevskaja* – PhD in Philology, Associate Professor at Department of German language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gorbacevskaja@mail.ru); *Tatiana A. Merkish* – Postgraduate Student, Lecturer at Department of German language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tania.merkish@gmail.com).

REFERENCES

1. Alekseeva I.S. 2004. *Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb.posobie dlja stud.filolog.i lingv.fak.vyssh.ucheb.zavedenij* [Introduction to Translation Studies: Textbook for student of philology and linguistic faculty of higher education]. Saint Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow, Izdatel'skij centr Akademija. (In Russ.)
2. Babenko L.G., Kazarin Ju.V. 2003. *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika: Uchebnik; Praktikum* [Linguistic analysis of literary text. Theory and Practice: Textbook; Case study]. Moscow, Flinta: Nauka. (In Russ.)

3. Gorbachevskaja S.I., Merkish T.A. 2019. Zhanr korotkogo rasskaza v aspekte perevoda [Short story genre in the aspect of translation]. *Sbornik statej po itogam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy komunikacii. Jazyk i perevod»*. Moscow, Izd-vo "Sputnik +", pp. 76–84. (In Russ.)
4. Izvolenskaja A.S. 2018. "Crime and Punishment": o verbalizaciji ključevyh ponjatij v perevodah romana F.M. Dostojevskogo ["Crime and Punishment": about the verbalization of key concepts in translations of the novel by F.M. Dostoevsky]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 167–174. (In Russ.)
5. Kostikova O.I. 2003. Interpretacija kak osnova dejatel'nosti kritika perevodov (K voprosu o perevode zaglavija romana "Prestuplenie i nakazanie") [Interpretation as a basis for criticism of translations (On the issue of translating the title of the novel "Crime and Punishment")]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 42–51. (In Russ.)
6. Leont'ev A.A. 1979. *Vosprijatie teksta kak psihologičeskij process* [Perception of a text as a psychological process]. Psiholingvističeskaja i lingvističeskaja priroda teksta i osobennosti ego vosprijatija. Kiev, pp. 18–29. (In Russ.)
7. Neljubin L.L. 2003. *Tolkovyj perevodčeskij slovar'* [Explanatory Translation Dictionary]. Moscow, Flinta: Nauka. (In Russ.)
8. Mart'janova I.A. 2012. Dialektika dinamiko-staticeskikh svojstv hudozhestvennogo teksta (na materiale kinoscenarija) [Dialectics of the dynamic-static properties of a literary text (based on a script)]. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, no. 4, pp. 194–200. (In Russ.)
9. Prunch Je. 2015. *Puti razvitiija zapadnogo perevodovedenija. Ot jazykovoj assimetrii k političeskoj* [Ways of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political]. Moscow, "R.Valent". (In Russ.)
10. Solganik G.Ja. 2014. Kategorija rasskazčika i specifika hudozhestvennoj reči. [Narrator category and specifics of artistic speech] *Vestnik Moskovskogo univversiteta. Seriya 10. Žurnalistika*, no. 2, pp. 109–119. (In Russ.)
11. Solodub Ju.P. 2005. *Teorija i praktika hudozhestvennogo perevoda: Učeb. posobie dlja stud. lingv. fak. vyssh. učeb. Zavedenij* [Theory and practice of literary translation: Textbook. manual for students of linguistic faculties of higher educational institutions] In Ju.P. Solodub, F.B. Al'breht, A.Ju. Kuznecov (ed.). Moscow, Izdatel'skij centr «Akademija». (In Russ.)
12. Hudozhestvennyj perevod: Terminologičeskij slovar'-spravočnik [Fiction Translation: Terminology Dictionary]. *RAN INION*. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija. Otd. literaturovedenija; Otv. red. i sost. Rarenko M.B. Moscow, 2014. (In Russ.)
13. Chukovskij K.I. 1968. *Vysokoe iskusstvo* [High art]. Moscow, Sovetskij pisatel'. (In Russ.)
14. Brinker K. 1997. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin, Erich Schmidt. (In Germ.)
15. Graf von Nayhauss H.-Ch. 2004. *Theorie der Kurzgeschichte*. Stuttgart, Reclam Verlag. (In Germ.)
16. Kautz U. 2002. *Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens*. In Ulrich Kautz. Goethe Institut. 2. Aufl. München, Indicum. (In Germ.)
17. Koller W. 2001. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. *Werner Koller. 6., durchges. und aktualisierte Aufl.* Wiebelsheim, Quelle und Meyer. (In Germ.)
18. Nord C. 2003. Textanalyse und Übersetzen: theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. *Christiane Nord. 3. Aufl.* Heidelberg, Groos. (In Germ.)
19. Zierott K. 1952. *Die Kurzgeschichte in Literatur und Presse*: PhD. diss. München. (In Germ.)

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.С. Грецкая

КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Настоящее исследование продолжает серию работ автора, посвященных изучению ментальных моделей опыта, конструируемых и актуализируемых в дискурсе и «воплощаемых» в тексте. В качестве одной из таких дискурсивно и интерпретативно конструируемых и корректируемых ментальных моделей человеческого опыта, ословливаемых в тексте как «следе» дискурса, рассматривается идентичность. Придерживаясь «мягкой концепции идентичности» в терминологии Р. Брубейкера и Ф. Купера, автор подчеркивает ее зависимость от многих исторических и социокультурных факторов, фрагментарность, множественность и изменчивость. В фокусе оказывается вопрос о продуктивности исследования процесса конструирования поликультурной/межкультурной идентичности, понимаемой в русле «мягкой концепции идентичности», через призму художественного текста, на примере романа “Quichotte” (2019 г.) постколониального писателя С. Рушди. Внимание акцентируется на обосновании правомерности именно конструктивистского подхода к пониманию идентичности и ее исследования посредством изучения художественного текста как конечного результата дискурсивной деятельности. Рассматриваются основные средства конструирования идентичности в романе, многоуровневая рефлексия автора – преломление его соображений относительно поликультурной идентичности через опыт и размышления персонажей – и делается вывод о том, что «мягкий подход» к пониманию идентичности не препятствует выявлению способов кристаллизации самопонимания личности.

Ключевые слова: поликультурная идентичность; межкультурный человек; конструктивистский подход к идентичности; конструирование идентичности в дискурсе и тексте.

Грецкая Софья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gnole_fungle@mail.ru).

В современную эпоху, отмеченную повсеместным многоаспектным взаимодействием глобального и локального, идентичность как оформляющееся в дискурсе хитросплетение «коллективного, преломляемого через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное» [Леонтович, 2017: 252], продолжает привлекать внимание западных и отечественных ученых, представляющих самые разные отрасли знания о человеке.

В рамках настоящего исследования, выполненного в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, под идентичностью понимается дискурсивно и интерпретативно конструируемая и корректируемая ментальная модель человеческого опыта. Опираясь на терминологию Р. Брубейкера и Ф. Купера, мы придерживаемся так называемой «мягкой концепции идентичности» [Brubaker, Cooper, 2000], считая необходимым подчеркивать ее множественность, динамичность и зависимость от целого комплекса психофизиологических, социальных, национально-культурных, языковых и прочих факторов. Представляется, что именно такая позиция (в отличие от «жесткой концепции идентичности», которая «оставляет за скобками вопрос о ее изменчивости» [Енина, 2016: 160]) не противоречит выводам ведущих исследователей данного феномена (Э. Эриксона, Дж. Марсиа, Дж. Финни и др.), ведь «идентичность <...> предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других» [Леонтович, 2017: 252], а человеческие взаимоотношения отнюдь не всегда стабильны.

Цель настоящей статьи – продемонстрировать продуктивность исследования процесса конструирования поликультурной/межкультурной идентичности, понимаемой в русле «мягкой концепции идентичности», через призму художественного текста, на примере романа “Quichotte” (2019) С. Рушди¹.

Акцентируя способность идентичности к трансформации в процессе коммуникации, не согласимся с Р. Брубейкером и Ф. Купером, которые отмечают: «если идентичность есть везде, значит, ее нет нигде»; такая трактовка не дает возможности изучать способы кристаллизации самопонимания индивида [Brubaker, Cooper, 2000]. На основании положений о том, что любое переосмысление своего места в мире и отношений с другими людьми невозможно без языка, ведь «“готовой” мысли до ее ословливания вообще не существует» [Кубрякова, 2004: 14], и о том, что человек конструирует мир в своем сознании [Болдырев, 2016], можно утверждать, что язык делает возможным «когнитивно-дискурсивное миромоделирование» [Кушнерук, 2018]: в результате обработки при помощи языка по-

¹ *Rushdie S. Quichotte. N.Y.: Random House, 2019.*

ступающих к органам чувств данных о мире происходит образование ментальных репрезентаций разной степени концептуальной сложности. Следовательно, логично и правомочно исследовать ментальные микро- и макромодели человеческого опыта вообще и осознание индивидами их идентичности в частности благодаря изучению дискурса и текста как конечного результата дискурсивной деятельности, выливающегося в определенную законченную (и зафиксированную) форму [Кубрякова, Александрова, 1997].

Представляется также, что многообразие ословленных в дискурсе/тексте ментальных образований, связанных с осмыслением идентичности, в силу изоморфности языка и человеческой психики² является свидетельством не небытия, а многоаспектности последней.

Поликультурная/межкультурная идентичность, как и личностная идентичность вообще, – априори многослойное образование. Необходимо заметить, что разработка концепции поликультурной/межкультурной личности ведется так же долго, как и оформление феномена мультикультурализма. Согласно Е.Ю. Чемякину, теория мультикультурализма на Западе и постколониальные исследования, инициированные выходцами из восточных культур в 1970-е годы, – это два подхода к осмыслению процессов, происходящих в современных поликультурных обществах [Чемякин, 2011]. Появляющиеся ориентировочно с 1960-х годов понятия типа «интернациональный человек» [Lutzker, 1960], «универсальный человек» [Tagore, 1961], «поликультурный человек» [Adler, 1982], «межкультурная личность» [Kim, 1999] и проч., – объединяет не только идея признания существующего культурного многообразия, но и стремление личности совместить в себе черты различных культурных групп, что в теории должно способствовать солидаризации поликультурных обществ на почве развития эмпатии, личностной свободы, креативности и, в итоге, человечности [Там же]. Что же касается формирования такой идентичности на практике, то представители постколониальных исследований, являющие собой яркие примеры личностей «на стыке культур», дают разные ответы на вопрос о реализуемости поставленной задачи.

Роман “Quichotte” С. Рушди был выбран в качестве материала исследования, во-первых, благодаря тематике произведения – актуальным в современных условиях вопросам межличностного и межкультурного взаимодействия и поиска счастья в поликультурных государствах; во-вторых, в связи со статусом автора как одного из виднейших деятелей в литературном мире вообще и в постколони-

² См.: Молчанова Г.Г. Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.

альной литературе в частности, а также его биографией, объединившей в себе несколько стран (Индию, Пакистан, Великобританию и США) и культурных традиций.

Представляется важным подчеркнуть, что данное произведение, во-первых, написано в русле течения «магический реализм», что дает возможность автору рефлексировать максимально свободно, с привлечением широчайшего круга ментальных репрезентаций; во-вторых, представляет собой роман в романе, причем самого Рушди и его персонажей объединяют этнические корни и тот факт, что все они вынуждены были сменить страну проживания на поликультурную англоязычную державу: это Великобритания и США для С. Рушди, США для Брата/Автора, героя романа Брата, его сестры и «Прекрасной Дамы» Сальмы, а также Великобритания для Сестры). Таким образом, автор многократно преломляет свои личные соображения и ощущения относительно места мигранта в неродном для него обществе через жизненный опыт и размышления своих персонажей, с одной стороны, максимально детально фиксируя свои суждения в тексте, с другой – стараясь дистанцироваться от своего опыта и посмотреть на ситуацию по возможности отрешенно.

В одном из своих интервью еще в 1983 г. С. Рушди отметил, что кризис и поиск идентичности для мигрантов могут быть связаны не с оторванностью от этнических корней, а с избытком связей с различными культурами (“It’s not the traditional identity crisis of not knowing where you come from. The problem is that you come from too many places. The problems are of excess rather than of absence.”³) Выясним, тот ли самый случай представлен в романе 2019 г. «Кихот».

Прежде всего обращает на себя внимание обилие ономастических концептов («символизируемых именами собственными ментальных структур, представляющих собой модели ориентации говорящего в мире на некотором участке его языковой картины» [Робустова, 2014: 45]). Это и «обитаемые лингвокультурные острова» [Робустова, 2015] и «необитаемые» – для «путешественников», мало знакомых с историей и культурами полуострова Индостан: Рама в поисках украденной Ситы (*Rama searching for his kidnapped Sita*) – отсылка к сюжету Рамаяны; Ганапати (*Ganesh/Ganpati bappa*) – один из наиболее почитаемых и узнаваемых богов индуистского пантеона; один из крупнейших городов Индской цивилизации Мохенджо-Даро (*Mohenjo-daro*); Лата Мангешкар и Аша Бхосле (*Lata and Asha*), одни из самых уважаемых закадровых певиц в Индии с более чем шестидесятилетним стажем, сестры, издавна окруженные слухами о

³ Цит. по: *Frank S. Salman Rushdie: A Deleuzian Reading*. Copenhagen, 2011. P. 139.

жесткой конкуренции; «Трудовая пчелка» (“*Busybee*”) – сатирик, обозреватель, «хронист» бомбейско-мумбайской жизни Бехрам Контрактор, одна из ключевых фигур индийской журналистики; не говоря уже о концептах-топонимах типа *Marine Drive/Queen’s Neck-lace, Warden Road* и т.п.

Не менее многочисленными (в силу того, что ключевой культурой, принимающей героев романа, являются США) оказываются американские концепты-онимы, такие как: *Elvis, Technicolor, Route 66, Charleston Bay, Freddie Mercury, Muhammad Ali, the Incredible Hulk, Emmylou Harris, Bill Murray, Bon Jovi, Ahab, Miss Daisy, Yosemite Sam, Whoopi, Kerry Washington, Heath Ledger, Lake Capote, Michael Corleone, the Emerald City, Katz’s Delicatessen* и проч. Наряду с ними активно используются и ономастические концепты, значимые для иных (в первую очередь европейских) культур: *Don Quixote, Arlecchino, Pantalone, Odyssey without an Ithaka, Pyramus and Thisbe, Arachne, Panacea, Elysian Fields, Nastassja Kinski, Rumpelstintskin, Boadicea, Prince Charles, Stephen Hawking, Narnia, Middle Earth, Madame Bovary, Mona Lisa, Innokenti Smoktunovsky, Russian film Garmlet, Kagemusha, Fujiyama* и т.д.

Примечательно не только колоссальное количество привлекаемых автором онимов, но и то, что подавляющее их большинство связано со сферами медиа и литературного творчества, причем актуализация культурно значимых смыслов, стоящих за именами этих ономастических концептов, запускается в те моменты, когда персонажи-иммигранты размышляют о смысле своего существования, отношениях с близкими, связи с этническими корнями и месте в принимающем их обществе. Возникает ощущение, что герои находят в виртуальных мирах ту ясность и, как следствие, психоэмоциональный комфорт, которых им не хватает в мире реальном.

Так, автор посредственных англоязычных шпионских романов, взявший псевдоним Сэм Дюшам (*Sam DuChamp*), утешает себя тем, что он не единственный индеец в США, когда-либо скрывавший свои корни, и надеется достичь успеха, сравнивая себя со знаменитым индийцем-парсом *Фаррухом Булсарой (Фредди Меркьюри)*, а также с не менее известными представителями литературной братии *Мэри Энн Эванс (Джордж Элиот), Дж.К. Роулинг (Джоан Роулинг)* и проч. Все более гнетущее с годами желание нормализовать отношения с сыном и сестрой, а также разрешить усугубляющийся кризис идентичности приводит его к созданию произведения о своем alter ego: их объединяют подобные проблемы и далекий виртуальный мир Бомбея из детства писателя, с его более и менее известными улицами и кварталами, реальными и придуманными обитателями (наряду с карикатуристами и иллюстраторами *Марио*

Мирандой и Р.К. Лаксманом, поэтом Ниссимом Эзекилем и парой почитаемых по сей день голливудских актеров Амитабхом Баччаном и Джаеи в этом мире фигурируют, например, художники Аврора Зогойби и Васко Миранда из романа С. Рушди «Прощальный вздох мавра»).

Alter ego Брата/Автора/Сэма получает несколько имен: данное при рождении Исмаил Исмаил (*Ismail Ismail*), англоязычное Смайл Смайл (*Smile Smile*), активно используемое коммивояжером во время работы, а также Кишот (*Quichotte*) – «Кихот» (*Quixote*) на французский манер. Заметим, что Сэм как бы не отдает себе отчет в том, зачем ему нужен последний оним: “*Quichotte (sounds like) key shot. A key shot was a tiny bump of cocaine or heroin scooped up on a key. He didn’t know how this fitted into Quichotte’s story. Maybe there was no place for it. It would remain just a note to be deleted later.*”⁴ Однако подспудно писатель чувствует, что вся его жизнь, показная удовлетворенность своим статусом в чужой стране и в обществе, где он является представителем одного из этнических меньшинств, как и попытки навести в своем сознании порядок, напоминают галлюцинации, вызванные состоянием наркотического опьянения.

Сэм хорошо знаком с историей иммиграции индийцев в США: вспоминает об их дискриминации в соответствии с Законом о натурализации 1790 г., когда гражданства могли быть удостоены только «свободные белые люди»; о запрете на въезд в Америку на основании Иммиграционного акта 1917 г. представителей южноазиатских культур, которых вне зависимости от происхождения именовали “hindoos”; о последствиях событий 11 сентября 2001 г., когда в США совершались многочисленные нападения на сикхов из-за того, что тюрбаны делали их похожими на исламистов⁵. Многолетнее самоубеждение в том, что он стал человеком Запада, привело только к тому, что Сэм с упоением погрузился в описание на примере представителей разведок различных англоязычных государств отсутствия на Западе человеческих отношений и доверия к кому бы то ни было: “Nobody trusted the British, even though they were the best at running moles—in Russia, in Iran, in the Arab world—because of the frequent penetrations of SIS itself by moles from elsewhere. Nobody trusted the Canadians because they acted so goddamn holier-than-thou, nobody trusted the Australians because they were Australian, and nobody trusted the New Zealanders because they had never come up with a single useful surveillance program.”⁶

⁴ Rushdie S. Quichotte. P. 278–279.

⁵ Ibid. P. 26–27.

⁶ Ibid. P. 27.

Устами и действиями своих (небезгрешных, стремящихся извлечь максимум пользы из «Американской мечты») героев он откровенно критикует принимающую культуру: недоброжелательную к иноземцам, ориентированную на материальное благополучие и удовлетворение сиюминутных прихотей, препятствующую духовному развитию граждан и стимулирующую отстранение от корней. Телеведущая Сальма, успевшая создать себе имидж успешной актрисы в Болливуде, уезжает в США в погоне за деньгами и желанием забыть о преследующих ее призраках семейного прошлого. В результате она тешит самолюбие обожанием со стороны европеоидных американцев и мигрантов из неевропейских государств, лицемерно озвучивает чаяния вновь прибывших в рубрике “Immigreat” на своем шоу и презирует американцев за одномерность и безграмотность: “The letters showed her that the material success of America had impoverished the spiritual lives of Americans, but she also saw that <...> the absence of material well-being was spiritually impoverishing also. <...> The messages arriving via her Twitter feed <...> were on or over the edge of illiteracy. America no longer taught its lovers how to spell. Nor did it teach joined-up writing.”⁷

К эксплицитным и имплицитным способам выражения своего негативного отношения к американскому государству и культуре Сэм пришел за время пестования своей псевдополикультурной идентичности: “This is what he said when he was questioned: that he was not rootless, not uprooted but transplanted. Or, even better, multiply rooted, like an old banyan tree putting down ‘prop roots’ as it spread, which thickened and in time became indistinguishable from the original trunk. Too many roots! <...> This is a gift, he said, but he knew that such optimism was a lie.”⁸ Придя к выводу о том, что истинная человечность, а значит, и по-настоящему межкультурная/поликультурная личность с наивысшей степенью межкультурной чуткости, в многонациональных государствах невозможна (“The death of Don Quixote felt like the extinction in all of us of a special kind of beautiful foolishness, an innocent grandeur, a thing for which the world had no place, but which one might call humanity.”⁹), он создает персонажа, который уже не пытается влиться в новую группу при сохранении или отказе от своих этнических корней. Упивающийся своим образом романтического рыцаря, Кишот полностью погружается в виртуальный мир литературных произведений и телевидения, где царит иллюзия воплощения невозможного в реальность, и в итоге преодолевает про-

⁷ Ibid. P. 49–50.

⁸ Ibid. P. 28.

⁹ Ibid. P. 281.

странство и время, попадая в мир Сэма, своего создателя. Дальнейшая же судьба и самоопределение Кишота остаются за рамками романа.

Таким образом, С. Рушди, с одной стороны, проблематизирует поликультурную идентичность при помощи образа баньяна с множеством засыхающих воздушных и прочно сидящих в земле корней, а с другой – демонстрирует несостоятельность героев как межкультурных личностей в части не сочетания черт Востока и Запада, а развития межкультурной чуткости и воспитания гуманизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
2. *Енина Л.В.* Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.
3. *Кубрякова Е.С., Александрова О.В.* Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Материалы научной конференции. М., 1997. С. 15–23.
4. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
5. *Кушнерук С.Л.* Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 115–125.
6. *Леонтович О.А.* «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2017. Т. 21. № 2. С. 247–259.
7. *Молчанова Г.Г.* Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.
8. *Робустова В.В.* К когнитивной ономастике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 41–49.
9. *Робустова В.В.* Ономастическая лексика как способ вербализации концептов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 20–30.
10. *Чемякин Е.Ю.* Образ мультикультурного человека в постколониальном дискурсе (на примере произведений Салмана Рушди) // Исторический ежегодник: Сб. науч. тр. Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2011. С. 25–34.
11. *Adler P.* Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man // L. Samovar & R. Porter (Eds.) Intercultural Communication: A Reader, 3rd ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1982. P. 389–408.
12. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond “Identity” // Theory and Society. 2000. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
13. *Kim Y.* Intercultural Personhood: an Integration of Eastern and Western Perspectives // L. Samovar & R. Porter (Eds.) Intercultural Communication: A Reader, 9th ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1999. P. 431–443.
14. *Lutzker D.* Internationalism as a Predictor of Cooperative Behavior // Journal of Conflict Resolution. 1960. № 4. P. 426–430.
15. *Tagore R.* Towards Universal Man. N.Y., 1961.

**A COGNITIVE-FUNCTIONAL PERSPECTIVE
ON MULTICULTURAL IDENTITY CONSTRUCTION
IN FICTION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper belongs to a series of articles with a focus on mental models, as construed and actualized in discourse and embodied in texts. Identity is treated as a type of the above-mentioned mental models. Supporting the constructivist stance on identity (in R. Brubaker and F. Cooper's terms), the author postulates that identity is fragmented, multiple and fluid, being molded and interpreted in discourse, and a function of various historical and sociocultural factors. Using "Quichotte", a 2019 novel by S. Rushdie, who represents postcolonial literature, the author argues that constructivist stance on identity is a rightful and fruitful approach to exploring identity construction through the prism of fictional texts, the latter seen as results of discursive activity. The purpose of the study is to analyze the writer's essentially multilevel reflection on multicultural identity in the novel within the novel, taking into account the perspectives of different characters, and describe the means of multicultural identity construction. The conclusion is made that the constructivist approach to understanding identity does not hinder a researcher's examination of the ways human self-understandings crystallize in texts.

Key words: multicultural identity; intercultural man; constructivist stance on identity; constructing identity in discourse and text.

About the author: *Sof'ya S. Gretskaya* – Postgraduate Student in Philology, Associate Professor at Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gnole_fungle@mail.ru).

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. 2016. Kognitivnye skhemy yazykovoi interpretatsii [Cognitive schemas of linguistic interpretation]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no 4, pp. 10–20. (In Russ.)
2. Enina L.V. 2016. Identichnost' kak diskursivnyi kontsept i mekhanizmy diskursivnoi identifikatsii [Identity as a discursive concept and discursive identification mechanisms]. *Politicheskaya lingvistika*, no 6, pp. 159–167. (In Russ.)
3. Kubryakova E.S., Aleksandrova O.V. 1997. Vidy prostranstv teksta i diskursa [Varieties of text and discourse space]. *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya: Materialy nauchnoi konferentsii*. Moscow, Dialog-MGU, pp. 15–23. (In Russ.)
4. Kubryakova E.S. 2004. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: Towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
5. Kushneruk S.L. 2018. Razvitiye teorii kognitivno-diskursivnogo miromodelirovaniya za rubezhom i v Rossii [The development of cognitive-discourse world-modelling

- theory in European and Russian linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 115–125. (In Russ.)
6. Leontovich O.A. 2017. “Zerkalo, v kotorom kazhdyi pokazyvaet svoi lik”: diskursivnoe konstruirovaniye identichnosti [“A mirror in which everyone displays their image”: identity construction in discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya: LINGVISTIKA*, vol. 21, no 2, pp. 247–259. (In Russ.)
 7. Molchanova G.G. 2017. Kognitivnyi reframing kak effektivnoe sredstvo predvybornoi argumentatsii (sopostavitel’nyi aspekt) [Cognitive reframing as an effective instrument of the political pre-election 2016 race (the comparative aspect)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 7–15. (In Russ.)
 8. Robustova V.V. 2014. K kognitivnoi onomastike [On the topic of cognitive onomastics]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 41–49. (In Russ.)
 9. Robustova V.V. 2015. Onomasticheskaya leksika kak sposob verbalizatsii kontseptov [Onomastic lexis as a way of verbalization of concepts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 20–30. (In Russ.)
 10. Chemyakin E.Yu. 2011. Obraz mul’tikul’turnogo cheloveka v postkolonial’nom diskurse (na primere proizvedenii Salmana Rushdi) [An image of a multicultural person in postcolonial discourse (a study of Salman Rushdie’s novels)]. *Istoricheskii ezhegodnik. Sb. nauch. tr. Institut istorii SORAN*. Novosibirsk, pp. 25–34. (In Russ.)
 11. Adler P. 1982. Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man. L. Samovar & R. Porter (Eds.) *Intercultural Communication: A Reader*, 3rd ed. Belmont, CA, Wadsworth, pp. 389–408.
 12. Brubaker R., Cooper F. 2000. Beyond “Identity” *Theory and Society*, vol. 29, no. 1, pp. 1–47.
 13. Kim Y. 1999. Intercultural Personhood: an Integration of Eastern and Western Perspectives. L. Samovar & R. Porter (Eds.) *Intercultural Communication: A Reader*, 9th ed. Belmont, CA, Wadsworth, pp. 431–443.
 14. Lutzker D. 1960. Internationalism as a Predictor of Cooperative Behavior. *Journal of Conflict Resolution*, no 4, pp. 426–430.
 15. Tagore R. 1961. *Towards Universal Man*. New York, Asia Publishing House.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

Н.В. Карташева, А.А. Романова

ТВОРЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕЖИССУРЫ Б.А. ПОКРОВСКОГО

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена исследованию творческих принципов российского оперного режиссера Бориса Александровича Покровского. Творческий метод выдающегося режиссера не получил достаточно подробного освещения в культурологических исследованиях, между тем, его наследие чрезвычайно актуально в контексте современной российской культуры. Уникальность театра Бориса Александровича Покровского обусловлена как возможностью практической апробации теоретических принципов режиссера, так и наличием богатого материала для теоретического анализа ткани театрального действия. Эта теснейшая связь между теорией и практикой, осуществленная в форме авторского режиссерского камерного театра, позволяет нам рассматривать теоретические и практические составляющие творчества Бориса Александровича Покровского как органическое единство. Соединяя в одном репертуаре, на одной сцене спектакли по классическим и современным операм, Покровскому удавалось актуализировать культурное наследие, знакомя зрителя с ценностным содержанием определенной эпохи, аккуратно подводя к осознанию современности произведения, выбранного для постановки в музыкальном театре. В данной статье мы охарактеризуем некоторые из принципов Бориса Покровского, опираясь прежде всего на тексты самого режиссера.

Ключевые слова: Камерный музыкальный театр; Б.А. Покровский; театр; опера; драматургия; режиссер; актер; творческие принципы; культурные коды.

Камерный музыкальный театр имени Бориса Александровича Покровского – не только яркое явление в театральной и культурной жизни Москвы второй половины XX в., но и заметное явление мировой театральной культуры. На протяжении нескольких десятилетий

Карташева Наталья Валерьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nkartashevamsu@yandex.ru).

Романова Анастасия Алексеевна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: romanova.anastasia07@gmail.com).

этот театр был площадкой для творческих поисков одного из самых выдающихся оперных режиссеров нашего времени. За многочисленными творческими поисками и экспериментами Покровского стоит глубоко продуманная, мировоззренчески обоснованная концепция оперного театра как театра музыкально-драматического.

Своеобразие постановок Б.А. Покровского отразилось в принципах построения и функционирования оперного спектакля, в особом типе взаимодействия с текстом оперы, с артистами-исполнителями и с оперной публикой. Эти принципы определяют сам феномен «Камерного театра Покровского» и выражают уникальность режиссерского мышления его создателя. Имеющиеся исследования творческого пути режиссера (например, книга М.А. Чудновского «Режиссер ставит оперу: творческий путь народного артиста СССР Б.А. Покровского») не концентрируются на глубоком и развернутом исследовании именно творческих принципов Б.А. Покровского. Эти принципы требуют формулирования и научного осмысления, и этим определяется актуальность избранной в данной статье проблематики.

Свои творческие методы Б.А. Покровский изложил в нескольких книгах, изданных в разные годы в течение тридцатилетия с 1973 по 2003 г. Список его трудов включает 10 книг¹.

Часть книг Бориса Покровского написана популярным языком, в виде бесед со слушателем-зрителем, воспоминаний о работе с выдающимися режиссерами, дирижерами, артистами, некоторые созданы как учебные пособия для студентов театральных вузов, часть адресована юной аудитории. Но во всех изложены те принципы, придерживаться которых он считал необходимым при работе на оперных сценах. Попробуем выделить наиболее важные из них.

Сокращение дистанции между сценой и зрителем через драматургию спектакля. В отличие от больших государственных театров, ориентированных на академический репертуар, на авторитарные «академические» отношения с артистами и публикой, Камерный театр сразу стал площадкой для создания театрального пространства совершенно иного рода, для обращения к таким музыкальным сочинениям, постановка которых в другой, менее творческой и более условной атмосфере, была бы невысказана. Отсутствие в Камерном театре занавеса, ramпы позволяет артистам находиться «на одном уровне» со зрителями, «сливаться» с ними, что опреде-

¹ Об оперной режиссуре. М., 1973; Размышления об опере. М., 1979; Беседы об опере. М., 1981; Ступени профессии. М., 1984; Сотворение оперного спектакля. М., 1985; Введение в оперную режиссуру: Учебное пособие по курсу, 1985; Режиссура музыкального театра: Для студентов театральных вузов. М., 1985; Покровский ставит советскую оперу. М., 1989; Когда выгоняют из Большого театра. М., 1992; Что, для чего и как? М., 2003.

ляет поведение актера на сцене: «В условиях же камерной оперы все перед глазами зрителя. И здесь исключается всякая фальшь». Именно поэтому, по словам Б. Покровского, «ответственность за свое поведение – главный двигатель в развитии мастерства каждого актера. <...> [Актер] воспитывается самим ощущением себя в публичности, своей близостью к ней. А она не позволяет врать, «дезертировать» из круга интересов образа»². Таким образом, подчеркивается прочная связь между актером и зрителем, необходимая для реализации драматургии спектакля и наиболее полно реализуемая именно в небольшом пространстве Камерного театра.

Широкий исторический диапазон постановок в театре Покровского – от самых истоков до современного театра – также обусловлен стремлением к сокращению дистанции между зрителем и актером. Удивительным образом «начала и концы» в истории оперы, сочинения современных авторов и авторов периода зарождения оперного жанра, совпадают в смысле особой «камерной», приближенной к слушателю-зрителю атмосферы оперного спектакля. Г.-Г. Гадамер в своей работе «Актуальность прекрасного» в главе «О праздничности театра» писал о том, что в осуществляемом театром единении зритель играл не меньшую роль, чем исполнитель, еще в эпоху театрального представления как религиозного праздника – в «первый период истории театра» [Гадамер, 1991: 159].

В качестве примера можно привести оперу «Ростовское действо», написанную в конце XVII в. святителем Димитрием Ростовским на основе обрядов «Пещного действа» и «Шествия на осляти», известных в России с XVI в. Борис Покровский обращается к истокам театрального действия, реконструирует пратейтер, чтобы, очистив действие от условностей, появившихся на протяжении трех веков, попытаться дойти до истинного смысла феномена театра. Изначально театр не знал барьера между публикой и сценой [Евреинов, 1953: 74], поэтому и в «Ростовском действе» Бориса Покровского нет привычной оркестровой ямы, разделяющей публику и артистов. Более того, сцена представляет собой деревянный помост, проходящий через весь зал таким образом, что зрители, не вставая со своих мест, могут дотронуться до него рукой, и в некоторых сценах актеры на время передают зрителям деревянные посохи.

В опере Бриттена «Давайте создадим оперу» дирижер как действующее лицо спектакля приглашает детей из зала на сцену, разучивает с ними музыкальный материал будущей оперы, потом дирижирует пением публики, общается с ней, готовя ее к будущему спектаклю, в котором она должна принять участие. Иначе говоря, уже сами зрите-

² Покровский Б.А. Ступени профессии. М., 1984.

ли оказываются вплетены в канву спектакля. Здесь происходит непосредственный контакт зрителей, оркестра, дирижера и актеров.

Как старинные, так и современные произведения удачно вписались в концепцию театра, определяя не только его репертуарную политику, но творческий метод в целом.

Опера – исследование человеческой природы. Б.А. Покровский полагал, что главное, чем занимается опера – «человековедение», исследование человека, его психологии, его природы, эмоций, его поведения и т.д. Это один из важнейших принципов, на которые опирался режиссер. Опера исследует человека прежде всего средствами драматургии, внутри которой неразрывно связаны драма и музыка. Музыка в опере выполняет основные функции: «сама преобразуется, превращаясь из бессюжетного искусства в двигатель и средство выражения духовной подоплеки, причинности и смысла конкретного действия, события, факта, поступка» [Товстоногов, 1984: 4].

Уровень взаимодействия спектакля с актером в Камерном театре также обладает своими особенностями. Известно, что костяк труппы театра составляли молодые артисты, вчерашние выпускники ГИТИСа и других творческих вузов – а это люди, больше всего открытые новому, нацеленные на эксперимент, готовые учиться и совершенствоваться, чуткие к восприятию новых идей. Кроме того, коллектив, в котором нет явных «звезд», затмевающих всех остальных участников спектакля, имеет ряд заметных преимуществ, поскольку здесь усиливается взаимодействие актеров между собой, и целостное ощущение от спектакля становится более сложным, глубоким, построенным на восприятии всех возникающих связей. Ситуация в Камерном театре была такой, что актер всегда считался полноправным участником создания спектакля. Сам Б.А. Покровский в своих книгах неизменно пишет именно об актере, а не о певце. Как отмечал один из музыкальных критиков, «в этом театре актеры действуют голосом»³.

Драматургическое видение оперного спектакля, несомненно, сформировалось у Бориса Александровича Покровского под сильным влиянием системы К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, полагавших, что «задача режиссера – увидеть глубинную сущность тех драматических коллизий, которые включает в себя оперный текст» [Соловьяненко, 2014: 82].

«Достоверность» как оперная категория. Не менее значительным развитием системы Станиславского был перенос на оперную сцену принципов естественности актерской игры, сформулированных для театра драматургического. Но это не был механический перенос: Б.А. Покровский разрабатывает свой язык, опираясь на

³ Покровский Б.А. Указ. соч. С.116.

систему Станиславского, но применяя ее к условиям своего театра, к неординарному материалу, на котором основан репертуар. Трудности, которые ему встретились при адаптации к оперной специфике, Покровский описал в книге «Ступени профессии»: «Отсутствие оперной аффектации, существование “по существу”, а не игра для игры, приклеенная к музыкальной фразе, “уложенная” в эту музыкальную фразу, – цель трудно достижимая в опере из-за физического напряжения при извлечении вокального звука, из-за перенапряжения внимания певца, связанного сложной музыкальной фактурой, заботой быть видимым и понятным на большом расстоянии, переключать всегда громко играющий оркестр»⁴.

Б.А. Покровский прекрасно понимал, что правдивость оперы – совершенно иного рода, чем в других искусствах. Обычная «правда жизни» или реализм на оперной сцене не может выглядеть естественно и органично, в опере – своя «оперная правда». Именно опере доступно магическое искусство «останавливать мгновение», переживать его со всей интенсивностью, и возможно это только при синтезе искусств, осуществляемом оперой.

Сохранение музыкальной и драматургической целостности оперного спектакля. В театре, созданном Покровским, нет явных доминирующих элементов. Для него важна была целостность созданной работы. Музыкальный спектакль маэстро понимал как полифоническое единство множества составляющих, обладающих своей собственной линией развития. Музыкальная партитура предполагает дискретную структуру со сменой темпов, ритмов, с остановками и, наоборот, стремительным развитием, которые дробят спектакль. Режиссер же должен преодолевать эту дробность.

Оперный режиссер по Покровскому – посредник между автором и слушателем-зрителем. Б.А. Покровский неоднократно называет оперного режиссера «музыкантом, музицирующим действием», а также «полпредом создателя оперы», «связующим звеном между композитором и временем», «расшифрователем его идей современным постановочным языком» [Товстоногов, 1984: 4]. Из всех образов – музыкального, действенного, визуального, – режиссер собирает единое целое – театральный спектакль. Именно в спектакле, создаваемом режиссером, сосредотачиваются его главные достижения, высвечиваются его взгляды на искусство.

Актуальность культурного наследия. Б.А. Покровский определял оперную партитуру как «сундук с драгоценностями, цена которых все более и более растет»⁵. Своей метафорой маэстро хотел подчеркнуть

⁴ Покровский Б.А. Указ. соч. С. 9.

⁵ Покровский Б.А. Сотворение оперного спектакля. М., 1985. С. 28.

большое значение оперного исторического наследия, связь с которым в современности, с его точки зрения, не обрывается, а только крепнет. Б.А. Покровский видит любую оперную партитуру как партитуру злободневного, близкого слушателю «здесь и сейчас» сочинения, воплотившего актуальные проблемы сегодняшней действительности.

«Дон Жуан» В.А. Моцарта – это, конечно, памятник эпохи пудренных париков, но в нем все равно есть живая, пульсирующая составляющая – история о мужчинах и женщинах, о вызове Запредельному, о дерзости и отваге и подобном. На исторические смыслы наслаиваются смыслы всех позднейших интерпретаций, отчего оперное сочинение обретает дополнительный объем, многомерность и многозначность. Б.А. Покровский говорил при постановке оперы: «Когда меня спрашивают, в чем разница между характерами героев оперы и современными людьми, я отвечаю: никакой разницы! Ибо мы в этих образах непременно видим самих себя, мы видим наше общество, наше окружение. Мы видим вечные противоречия общества, вечные проблемы человека, человеческого характера, его развития, взаимоотношений – общественных и личных. Вот почему эта опера будет тогда интересна, когда зрители, которые придут к нам, войдут в эту жизнь, как будто они живут вместе с нами».

В каждом произведении предшествующих эпох режиссер видел актуальные проблемы, но при этом у него не было задачи осовременивать произведения классиков, как это происходит в театрах сейчас. Для него было важно найти точки соприкосновения классики и современности, не перестраивая одно под другое. Та степень актуализации, которая присутствует в театральной режиссуре сейчас, была бы неприемлема для Б. Покровского. Ему удалось найти золотую середину между пиететом перед аутентичностью шедевров прошлого и переводом классики на язык современности. «Классика на то и классика, что она вечно современна», – сказал он в интервью 1998 года⁶.

Кроме того, выбирая для репертуара театра «сокровища», которые «растут в цене», режиссер предлагает своему зрителю-слушателю участвовать в осмыслении этих культурных текстов, в создании культурных кодов и их интеграции во всеобщую культуру. Здесь зритель-слушатель, находясь в позиции первооткрывателя, оказывается активным участником культурного процесса и необходимым звеном в реализации оперного спектакля.

Как это ни парадоксально, интерес Покровского к современным оперным сочинениям – также способ актуализации культурного

⁶ Камерный большой человек: Интервью с Борисом Покровским // Общая газета. 1998. № 36. 10 сент.

наследия. Б. Покровский ставил современную оперу, находя в ней элемент традиции и опираясь на него в процессе постановки. Таким образом, в его постановках оперы XX в. не утрачивают актуальности музыкального материала, но при этом встраиваются в богатую историческую ретроспективу. «... Не вызывает сомнений связь творческих принципов первой оперы Шостаковича [“Нос”] с традицией комедийных сатирических произведений Мусоргского»⁷. «В “Войне и мире”, несмотря на своеобразие музыкального языка оперы, Прокофьев выступает как несомненный наследник традиций Глинки, Мусоргского, Чайковского. <...> “Любовь к трем апельсинам” близка к итальянской комедии масок и русскому балагану – народным типам комедийного театра»⁸.

Таким образом, можно выделить следующие творческие принципы Б. Покровского: сокращение дистанции между сценой и зрителем через драматургию спектакля; достоверность; сохранение целостности оперного спектакля; актуализация культурного наследия. Все вышеотмеченные принципы создают систему целостного явления, которое выделяется в оперной музыкальной культуре в самостоятельный феномен, называемый «Московским камерным музыкальным театром им. Б.А. Покровского» – теперь уже ставший историей вследствие присоединения его к Большому театру России в 2018 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
2. Евреинов Н. Н. История русского театра. Н.-И., 1953.
3. Карташева Н.В. Темпоральные феномены русской культуры послереволюционного десятилетия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 69–79.
4. Соловьяненко А.А. Оперная режиссура в современных научных исследованиях // Российский Академический журнал. 2014. Т. 27. С. 81–83.
5. Спорышев В.П. Проблема современной оперной режиссуры в семиотическом контексте // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 5А. С. 197–208.
6. Товстоногов Г.А. О Б.А. Покровском // Б.А. Покровский. Ступени профессии. М., 1984.

Natal'ya V. Kartasheva, Anastasija A. Romanova

BORIS POKROVSKY'S MAIN CREATIVE PRINCIPLES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the study of the creative principles of the Russian opera director Boris Alexandrovich Pokrovsky, which he developed in the Chamber Musical

⁷ Покровский Б.А. Беседы об опере. М., 1981. С. 153.

⁸ Там же. С. 152.

Theater. The main content of the article is an analysis of the directorial concept of B.A. Pokrovsky. This issue has not been thoroughly investigated and requires further research. The relevance of the article is due to the processes occurring in the modern musical theater as a cultural phenomenon and is related to the functioning, social representation, stylistic and dramatic features of the genre. The fundamental changes taking place in the methodology of the stage interpretation of the classical and modern opera composition are a reflection of the powerful transformations of the value foundations of culture. In this regard, the scientific study of the unique creative method of Boris Pokrovsky as a cultural phenomenon can serve as a basis for identifying specific mechanisms for translating axiological characteristics of culture into artistic principles and synthesizing traditional and innovative interpretations of the director. Boris Pokrovsky was an outstanding stage director. He is best known as the stage director of the Bolshoi Theatre between 1943 and 1982 and as the founder of the Chamber Music Theater in Moscow. He put on stage many rare and even unknown operas. The phenomenon of the theatre is still a mystery to the theatre critics and art historians, whereas the methods of the director lend themselves to analysis and are disclosed in the article.

Key words: Theatre; opera; dramaturgy; director; actor; creative principles; cultural codes.

About the authors: *Natal'ya V. Kartasheva* – Ph.D. in Cultural Studies, Associate Professor at Department of Comparative Studies in Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: natkartasheva@gmail.com); *Anastasija A. Romanova* – Postgraduate Student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail romanova.anastasia07@gmail.com).

REFERENCES

1. Gadamer G.G. 1991. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow, Isskusstvo. (In Russ.)
2. Evreinov N.N. 1953. *Istoriya russkogo teatra* [History of the Russian theater]. New York. (In Russ.)
3. Kartasheva N.V. 2013. Temporal'nye fenomeny russkoi kul'tury poslerevolutsionnogo desyatiletija [Temporal Phenomena of the Russian Culture of the Post-Revolutionary Decade]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 69–79. (In Russ.)
4. Solov'yanenko A.A. 2014. Opernaya rezhissura v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh [Opera directing in modern scientific research]. *The Russian Academic Journal*, vol. 27, pp. 81–83. (In Russ.)
5. Sporyshev V.P. Problema sovremennoi opernoi rezhissury v semioticheskom kontekste [The problem of modern Opera directing in a semiotic context]. *Culture and civilization*, vol. 6, no. 5A, pp. 197–208. (In Russ.)
6. Tovstonogov G.A. 1984. O B.A. Pokrovskom [About B.A. Pokrovsky] In *B.A. Pokrovskii. Stupeni professii*. Moscow, Vserossijskoe teatral'noe obshchestvo (In Russ.)

Е.А. Глазова

ФРАНЦУЗСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕКЛАМЕ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье будет проанализировано понятие «французская идентичность» в теории французских исследователей. Затем рассмотрено отражение ее основных «столпов» в современной рекламе. Концепции различных ученых отличаются друг о друга. Исследованы теории Фернана Броделя, Режи Дебрэ, Патрика Вейла. Среди наиболее важных факторов французской идентичности названы: французские язык и культура, положительная оценка французской революции, принцип равенства, почтение к истории и прошлому, предпочтительные слова, а не изображения, осторожное отношение к абсолютному счастью. Говорят, что реклама «культурное оружие экономического господства и экономического оружие культурного господства». Реклама обращается ко всем французам, поэтому было бы интересно увидеть, как в ней отражено обращение к французской идентичности. В этом состоит задача данной статьи. Современная реклама создает новую мифологию. Она не просто отражает то, что есть глубинное в подсознании нации, но и создает свою новую культуру, черпая материал не всегда из родной почвы. Влияние не просто глобализации, но конкретно американской культуры в этой области не вызывает сомнений: это и культура улыбок, и предпочтение визуального ряда информативному, и отдельные знаковые элементы массовой культуры (музыка, фильмы). Тем не менее можно почувствовать дух Франции в других не всегда очевидных вещах: темах, символах, звуковом оформлении. В статье также делается вывод о новых тенденциях в современной рекламе, выводящих на авансцену такие человеческие ценности, как альтруизм и забота об окружающем мире.

Ключевые слова: национальная идентичность; французская реклама; французский язык; ностальгия по прошлому; американские стандарты; положительная оценка французской революции; принцип равенства; экология.

Вопрос о национальной идентичности поднимался многими авторами, среди которых: Т.Ю. Загрязкина, Л. Гудков, М.М. Раевская, Д.А. Шевлякова, Е.А. Осипов, Самюэль Хантингтон, Хосе Ортега-и Гассет, Антони Д. Смит, Френсис Фукуяма и др. Термин применя-

Глазова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a-lionne@mail.ru).

ется во многих областях, но в этом исследовании национальная идентичность будет рассмотрена с точки зрения национального самоопределения Франции в видеорекламе 2019–2020 гг.

Обратимся вначале к теории вопроса, разработанной французскими исследователями. Незадолго до своей смерти, в 1985 г., историк Фернан Бродель обобщил свою концепцию об идентичности Франции¹. Первым важным фактором он назвал единство Франции, несмотря на то, что существует много регионов, централизованная власть была настолько сильна, чтобы в каждый момент истории призвать «слишком эгоистичные регионы» к государственному порядку. Вторым фактором, определяющим суть Франции, Ф. Бродель назвал особенности этой страны в области экономики. Капитализм у Броделя – «суперструктура», которая не смогла полностью организовать страну. И третий важный фактор, задающий тон французской жизни, это «триумф и процветание» французской культуры. Для историка такая тенденция тоже носит централизованный характер и исходит от Парижа. Понятие культуры у Броделя широкое по своему толкованию: основное – это язык, но также привычки и уклад жизни.

Французский политолог Патрик Вейл в своем эссе “Etre français” («Быть французом») пишет о четырех основных столпах французского гражданства или национальной принадлежности [Weil, 2014]. Для него основами французской идентичности являются: принцип равенства, позволяющий жителям присоединенных Францией территорий отождествлять себя с Францией, французский язык, положительная память о Революции и светский характер государства. Светскость подразумевает под собой также три принципа: свободу совести, отделение Церкви от Государства и свободу исповедовать любую религию.

Французский философ Режи Дебрэ задается вопросом о пересмотре идеалов и устоев современного французского общества. Своей книге он дал провокационное название «Цивилизация. Как мы стали американцами». Р. Дебрэ предлагает три постулата, на которых зиждется американское общество и которые удалось привнести в Европу: пространство, изображение и необходимость счастья [Debrau, 2017]. Пространству Дебрэ противопоставляет время. Для Европы важна ее история, ее места памяти. Для Америки – освоение территории. Он с сожалением отмечает появление вместо знаковых мест (кафе, салонов) все большего количества анти-

¹ Rollinger M. Les Français déprimés par leur littérature // Сайт медиаресурса Le Figaro, 27.12.2013. URL: <https://www.lefigaro.fr/livres/2013/12/27/03005-20131227ARTFIG00365-les-francais-deprimes-par-leur-litterature.php> (дата обращения: 21.02.2020).

мест, лишенных примет отличия и взаимозаменяемых (супермаркетов, мотелей, заправок). И даже привычные понятия получают в языке обозначение словом «пространство» – “espace”: “espace spirituel” – «духовное пространство» (церковь), “espace vert” – «зеленый пространство» (лес, парк), “espace enfant” – «детское пространство» (игровая площадка). Философ делает также разделение способов передачи информации: коммуницировать – транслировать информацию в пространстве; а передавать (знания, опыт) – делиться информацией во времени [Debray, 2017: 114]. Для рекламы, рассмотрению которой посвящена данная статья, актуален первый способ передачи информации.

Изображению или картинке Р. Дебрэ противопоставляет слово. «Америка вошла в историю и наши сердца через изображение; у нее – оптическое волокно. Европа – в историю и наши умы через написанное; у нее – волокно логики» [Debray, 2017: 123]. Америка завоевала мир через визуальную культуру. Франция – это безусловно, великая литература, но не только. Все великие политические фигуры оставили после себя мемуары и переписку. Но с появлением телевидения, Интернета и цифровых технологий Франция также стала предпочитать не слово, а картинку.

И последним постулатом современного общества Р. Дебре называет стремление к счастью. Он объясняет связь счастья с отказом от прошлого (т.е. снова противопоставление пространства и времени). Если прошлое не гнетет и быстро проходит, то народ чувствует себя счастливее.

Сравнивая американскую и французскую традиции, стоит также отметить французскую литературу и философию, которые неоднозначно относились к понятию счастья. Несчастливые люди считались более высоконравственными и думающими. Здесь можно вспомнить Р. Декарта, ставящего все под сомнение; Вольтера, который насмехается над оптимизмом своего персонажа Кандида; безусловно, В. Гюго с «Отверженными»; знаменитый сплин Ш. Бодлера; Г. Флобера, А. Камю и Ж-П Сартра, Ф. Саган. Английский журнал *The Economist* даже заявил, что концепт грусти – это типичная культурная черта французской литературы².

Проанализируем теперь наиболее яркие тенденции французской рекламы за 2019 год. Говорят, что реклама – это «культурное оружие экономического господства и экономическое оружие культурного господства» [Brune, 1981: 201]. Реклама обращается ко всем французам, поэтому было бы интересно увидеть, как в ней отражена французская идентичность. Это и будет целью данной статьи.

² *Rollinger M. Les Français déprimés par leur littérature.*

Совершенно очевидно, что французский язык как признак идентичности, присутствует в рекламе. Понятно, что по-другому обратиться к французской публике не получится. Однако эпилингвистический дискурс, т.е. речь о своем или чужом языке [Culioli, 1990: 41], отсутствует. И, несмотря на строгую лингвистическую политику в области массовой информации, английский язык проникает в рекламу. Прежде всего это музыкальный фон. Часто в видео звучат песни на английском языке. Иногда, как в рекламе Ikea текст несет смысловую нагрузку. В ролике показывается, как различная мебель дома исполняет песню “So quiet” («Так тихо»), открываясь и закрываясь, соответственно потребностям семьи.

Кроме того, сами бренды стали включать в свой логотип английские слова. Например, новое направление в компании железных дорог называется Ouigo, сочетая французское слово «да» (oui) и английское слово «ехать» (go). Главный слоган Ouigo: “Let’s g” («Поехали»). Разумеется, он появляется и в рекламе.

Принцип равенства в рекламе реализуется скорее как принцип пассивной толерантности. В роликах часто играют актеры различных национальностей и рас. Например, в ролике Bouygues Télécom 2019 история дружбы белого и черного мальчиков, живших по соседству и пронесших светлые воспоминания и чувства друг другу через всю жизнь. Нельзя, однако, сказать, что подобная скрытая толерантность – признак французской идентичности. Такое отношение к расовой проблеме существует во всем мире.

Тем не менее в этом ролике присутствует еще одна важная тема. Многие рекламы 2019 г. обращены к чувству ностальгии и воспоминаний. Например, реклама Carrefour 2019 – 60, посвященная празднованию Рождества. Перед зрителем предстает история одной семьи и ее традиций. Видно, как появляются и растут дети и внуки, меняется мода, мебель, техника, телепрограммы. И каждый раз, когда на столе появляется индейка. Неизменной остается марка магазина.

Еще одна реклама – Intermarché 2019 – представляет историю вдовца. Он музыкант, играет на праздниках и вспоминает свою жизнь. Наконец он решает не питаться одними бутербродами и находит книгу рецептов своей жены. Он идет в магазин и пытается выбрать помидоры для блюда. Но сталкивается с проблемой выбора разных сортов. Далее он экспериментирует дома на кухне. Показывается его жизнь: как он ездит на велосипеде, отмечает праздники с внуками, играет с друзьями в оркестре и готовит, готовит. Он все ищет заветный вкус. И однажды это получается, и он видит рядом с собой свою жену. В этих двух рекламках можно сказать есть отсылки к прошлому. В первом случае жизнь семьи тесно свя-

зана с изменениями, которые происходили в массовой культуре страны. В случае с вдовцом – это личная история. Но, в отличие от большинства реклам, призванных заражать оптимизмом, она грустная, что противопоставляет ее американской мечте о счастье.

Обращение к историческому прошлому Франции в рекламе 2019 г. происходит нечасто. Хотя многие исследователи отмечают символическое значение истории, а также процесс мифологизации исторических событий в формировании национальной идентичности [Загряжская, 2011; Шевлякова, 2017], что прекрасно сочетается с задачами рекламы. Самое интересное, что первым примером является ролик американского напитка Coca Cola. Для того чтобы отметить свое столетие на французском рынке, Coca Cola выпустила красивый мини-фильм со стихами об объединении, несмотря на различия. Стихи читаются под аккомпанемент скрипки. Coca Cola появилась во Франции в 1919 г. сразу после Первой мировой войны. В этом ролике показаны самые яркие и эмоциональные моменты, объединявшие нацию: освобождение после обеих мировых войн, события мая 1968 г., манифестации гомосексуальных меньшинств в 80-е, празднования после чемпионата мира по футболу в 1998 г., а также просто личные моменты простых французов. С точки зрения отражения национальной идентичности это наиболее яркая реклама. П. Вейл отмечал, что у американцев, так же как у французов, есть положительная оценка духа Французской революции, которая объясняется «положительной оценкой массового движения» [Weil, 2014: 12].

Другая реклама на тему прошедших событий посвящена тематическому историческому парку Пюи дю Фу (Pu du fou). Называется ролик «История ждет только тебя». Очень трогательный красивый мини-фильм, рассказывающий о солдате первой мировой войны. После взрыва молодой человек в окопе смотрит на фотографию своей любимой девушки. Ему кажется, что она в цепях и зовет его на помощь. Путешествуя из эпохи в эпоху, он спасает, в конце концов, невесту от гладиаторов. В финале фильма зритель видит, как молодые люди действительно снимались для фотографии, которую поделили пополам. И дальше жениха провожали на фронт, где он погиб. Этот ролик действительно позволяет ощутить трагическую атмосферу войны. Он отсылает к общему прошлому страны. В нем проявляется национальная идентичность в виде истории. Но стоит отметить, что здесь сами рекламируемые услуги непосредственно связаны с темой истории, и реклама является логическим развитием этой темы.

С точки зрения отсылок к общей культурной базе в рекламе 2019 г. заметнее всего музыкальный пласт. Высокая французская культура изменилась в восприятии французов. Как пишет Т.Ю. Загряжская,

«обладавшая непререкаемым авторитетом в течение многих веков, в наше время она все же оттесняется массовой развлекательной культурой» [Загрязкина, 2015: 45]. Уже было отмечено, что реклама часто использует англофонные песни. Но и французская эстрада тоже является действующим персонажем роликов, т.е. слова действительно важны для развития сюжета фильма. Например, реклама Lacoste 2019. В фильме молодые люди ссорятся. На фоне их ссоры начинает рушиться дом. Все это происходит под песню Э. Пиаф “Hymne à l’amour” – «Гимн любви»: «Синее небо на нас может обрушиться, И земля может разлететься вдребезги, Мне это неважно, если ты меня любишь, Мне наплевать на целый свет». В один момент они опомнились и бросились в объятия друг друга. Дом на них падает... И они опять оказываются в своей комнате. Подобный прием появляется в уже упомянутой рекламе Ouigo. Только там используется песня Шарля Азнавура “Hier encore j’avais 20 ans” – «Только вчера мне было 20 лет». Ролик обыгрывает ностальгию по юности, показывая стереотипы разных поколений.

Референцией на художественное наследие Франции можно назвать рекламу минеральной воды Perrier, которая показывает в своем ролике ожившую Джоконду. Картина превращается в девушку, которая с любопытством изучает новый современный мир с его техно-музыкой, новой абстрактной живописью и необычными вкусами.

По словам психосоциолога Б. Катля, реклама может приобрести «значение культурного знака, символа эпохи и языкового полигона» [Cathelat, 2004: 33]. Подобное замечание можно отнести и к некоторым брендам, которые находятся достаточно давно на французском рынке и имеют ассоциации в сознании общества. Например, реклама Danette 2019 в своем ролике делает отсылку к музыке и слогану, придуманным в 1978 г.: “On se lève tous pour Danette”. – «Все встают ради Danette». Современная реклама показывает пародию на семью, которая отказалась от всей мебели и даже спит стоя из уважения к йогурту. Семья отчаянно улыбается в камеру, хотя видно, что сыну это уже надоело, и он тайком смотрит стулья в Интернете. Тем не менее в ролике есть момент, когда семья смотрит старую запись с первой рекламой Danette. Таким образом, сама реклама может быть частью французской культуры.

Однако стоит отметить, что во французской рекламе появляются ссылки не только на французскую культуру. Голливуд прочно обосновался в умах и сердцах французов. Так, реклама Greenpeace снята в стиле звездных войн, когда под маской Дарта Вейдера, отрицательного персонажа из киносаги «Звездных войн» (задуманной и реализованной американским режиссером Джорджем Лукасом),

скрывается президент Республики, Эммануэль Макрон. Слоган, который дальше появляется в рекламе: “Nos dirigeants sont passés du côté obscur”. – «Наши руководители встали на темную сторону», – также делает отсылку к знаменитому фильму.

Другая реклама фирмы Dagoma, которая занимается починкой игрушек, основана на самых популярных американских мультфильмах: «История игрушек», «Тачки», «Ледниковый период» и др. В фильме говорится, что это касается игрушек, которые были самыми продаваемыми последние 40 лет. А главными «героями» выступают динозавр и кукла Барби.

Еще один ролик, рекламирующий азартные игры, делает намек на известный американский мультфильм «Король-лев». По замыслу создателей данной рекламы, любой выигравший – король мира. Молодого человека огромный пожарный поднимает на руки и несет куда-то наверх. Все люди, которых они встречают на своем пути, замирают и кланяются. В конце пожарный поднимает молодого победителя над городом, как бы показывая всему миру, и все люди встают на колени. Данная сцена ассоциируется с тем, как король-лев показывал своего львенка всем животным. Таким образом, французские рекламисты используют коллективное бессознательное, включающее и американский стиль жизни.

В последнее время появляются в рекламе и новые тематические тенденции. Если американское понятие счастья сосредоточено больше на своей личности (поддержка имиджа, активность, фитнес), то во французском PR-пространстве стали задумываться о благополучии ближних. Появилось большое количество роликов, призывающих к социальной ответственности, причем это отнюдь не социальная реклама, а продвижение конкретных брендов.

Например, реклама газовой компании Франции GRDF 2019 года, которую можно назвать «Фуршет перед отправлением». На зеленой лужайке в шатре развлекаются богатые люди. Они неэстетично едят и пьют. Затем они все бросают все, оставляя кучу мусора. Они садятся в ракету и покидают Землю. Голос за кадром говорит: «Состояние Земли ухудшается с каждой минутой. Некоторые стараются избежать этой проблемы. Они отправляются в другой мир. Пожелаем им счастья на их новой планете. А у нас – GRDF – у нас другие планы на будущее. Благодаря переработке органических отходов, мы можем проводить экологичный газ до любого места и в любое время, чтобы давать вам тепло, одновременно сохраняя планету. Во всяком случае, мы очень рады остаться».

Подобные намерения защищать экологию показаны в рекламе супермаркета Leclerc 2020 г. Данный ролик иронично демонстрирует, как люди, особенно взрослые, с трудом привыкают к новым

тенденциям: отказ от пластиковых пакетов, правильное разделение мусора, покупка биопродуктов. Супермаркет поддерживает новые веяния и помогает людям правильно сориентироваться и выработать новые привычки.

Еще один супермаркет Système U в рекламе 2020 года раскрывает свою концепцию отхода от обезличенного ведения дел из самолета, когда за секунду можно распорядиться миллионами, и возвращения к тесному контакту работы на земле. Подобная идея кооператива подразумевает, что люди сами участвуют в выращивании, доставке и продаже овощей, фруктов и др.

Идею альтруизма поддерживает реклама лотереи Euromillions 2020 г. Компания молодых людей на берегу реки мечтает, что бы они сделали, если бы выиграла 130 млн евро. Кто-то хочет купить дом матери, кто-то отдать долги, кто-то отдать половину на благотворительность, кто-то отправиться в путешествие в космос. Когда вопрос доходит до последнего парня, то он говорит, что разделит бы деньги со всеми своими друзьями. Последний слоган: «А каким миллионером были бы Вы?» Он не просто заманивает получить большие деньги легким способом, но и призывает задуматься об ответственности, которая наступает после выигрыша.

Современная реклама создает новую мифологию. Она не просто отражает то, что есть глубинное в подсознании нации, но и формирует новую культуру, черпая материал не всегда из родной почвы. Как сказал Р. Дебрэ: «Наше визуальное поле увеличилось, наше символическое поле – уменьшилось» [Debray, 2017: 137]. Идентичность Франции в ее ожидаемом виде большого культурного наследия и ценностей в современной рекламе выглядит достаточно размыто. Влияние не просто глобализации, но конкретно американской культуры в этой области не вызывает сомнений: это и культура улыбок, и предпочтение визуального ряда информативному, и отдельные знаковые элементы массовой культуры (музыка, фильмы). Тем не менее можно почувствовать дух Франции в менее очевидных вещах: в любви к традициям, в ностальгии по прошлому, в обдуманном оптимизме и возможности показать грусть, в содержании знаковой песни, и, конечно, во французском языке. Реклама часто воспринимается как «система ценностей, которые создают личность потребителя» [Bénilde, 2007: 142]. И именно в ней «сообщество обречено находить свою душу, а отдельные люди, все и каждый, Образ Жизни» [Cathelat, 2004: 282]. Возможно, заданный тон новой французской рекламы и выбранные ориентиры способны добавить новых положительных черт французской новой идентичности: это ответственность за будущее окружающего мира и заботу о близких людях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжкина Т.Ю.* Вариантология как направление в изучении языков, культур и регионов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 22–48.
2. *Загряжкина Т.Ю.* Французская национальная идентичность: миф или реальность? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 39–53.
3. *Шевлякова Д.А.* Предметные области в изучении идентичности (на примере Италии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 101–110.
4. *Bénilde M.* On achète bien les cerveaux. la publicité et les médias. P.: Raisons d’agir, 2007.
5. *Brune F.* Le bonheur conforme. P.: Gallimard, 1981.
6. *Cathelat B.* Publicité et société. P.: Editions Payot, 2004.
7. *Culioli A.* La linguistique: de l’empirique au formel // Pour une linguistique de l’énonciation, Opérations et représentations, 1990. Tome 1. P.: Ophrys, 1990. P. 9–46. (première publication en 1968).
8. *Debray R.* Civilisation. Comment nous sommes devenus américains. P.: Gallimard, 2017.
9. *Rollinger M.* Les Français déprimés par leur littérature // Сайт медиаресурса Le Figaro, 27.12.2013. URL: <https://www.lefigaro.fr/livres/2013/12/27/03005-20131227ARTFIG00365-les-francais-deprimes-par-leur-litterature.php> (дата обращения: 21.02.2020).
10. *Weil P.* Être français. Les quatre piliers de la nationalité. P.: L’aube, 2014.
11. L’identité française selon Fernand Braudel // Сайт медиаресурса Le Monde, 16.03.2007. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2007/03/16/1-identite-francaise-selon-fernand-braudel_883988_3224.html (дата обращения: 21.02.2020).

РЕКЛАМНЫЕ РОЛИКИ

Сайт медиаресурса CulturePub. URL: <http://www.culturepub.fr/pays/france/> (дата обращения: 21.02.2020).

Сайт канала YouTube. URL: <http://www.youtube.com> (дата обращения: 21.02.2020).

Elena A. Glazova

FRENCH IDENTITY IN MODERN FRENCH ADVERTISING: LANGUAGE AND CULTURE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article will analyze the concept of “French identity” in the theory of French researchers. Then we will consider the reflection of its main “pillars” in modern advertising. The concepts of different researchers differ from each other. The article deals with the theories of F. Braudel, R. Debray and P. Veil. Among the most important factors of French identity are: the French language and culture, a positive assessment of the French revolution, the principle of equality, respect for history and

the past, a preference for words rather than images, and a cautious attitude to absolute happiness. They say that advertising is “a cultural weapon of economic domination and an economic weapon of cultural domination”. The ad appeals to all French people, so it would be interesting to see how it reflects the appeal to French identity. This is the purpose of this article. Modern advertising creates a new mythology. It not only reflects what is deep in the subconscious of the nation, but also creates its own new culture, drawing material not always from the native soil. The influence of not just globalization, but specifically American culture in this area is not in doubt: this is the culture of smiles, and the preference for a visual series of informative, and some iconic elements of mass culture (music, movies). However, you can feel the spirit of France in other things that are not always obvious: themes, symbols, sound design. The conclusion is also drawn in the article about new trends in modern advertising that bring to the forefront such human values as altruism and concern for the world around us.

Key words: national identity; French advertising; French language; nostalgia for the past; American standards; positive assessment of the French revolution; the principle of equality; ecology.

About the author: *Elena A. Glazova* – PhD in Philology, Associate Professor at the department of French language and culture, Faculty of foreign languages and area studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a-lionne@mail.ru).

REFERENCES

1. Bénilde M. 2007. *On achète bien les cerveaux. la publicité et les médias*. Paris, Raisons d’agir. (In French)
2. Brune F. 1981. *Le bonheur conforme*. Paris, Gallimard. (In French)
3. Cathelat B. 2004. *Publicité et société*. Paris, Editions Payot. (In French)
4. Culioli A. 1990. *La linguistique : de l’empirique au formel. Pour une linguistique de l’énonciation, Opérations et représentations*, Tome 1. Paris, Ophrys, pp. 9–46. (première publication en 1968). (In French)
5. Debray R. 2017. *Civilisation. Comment nous sommes devenus américains*. Paris, Gallimard. (In French)
6. Rollinger M. 2013. Les Français déprimés par leur littérature. *The website of the media resource Le Figaro*, 27.12.2013. URL: <https://www.lefigaro.fr/livres/2013/12/27/03005-20131227ARTFIG00365-les-francais-deprimes-par-leur-litterature.php> (accessed: 21.02.2020). (In French)
7. Shevlakova D.A. 2017. Predmetnye oblasti v izuchenii identichnosti (na primere Italii) [Variant science as a direction in the study of languages, cultures and regions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.)
8. Weil P. 2014. *Être français. Les quatre piliers de la nationalité*. Paris, L’aube. (In French)
9. L’identité française selon Fernand Braudel. *Le Monde*, 16.03.2007. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2007/03/16/1-identite-francaise-selon-fernand-braudel_883988_3224.html (accessed: 21.02.2020). (In French)
10. Zagryazkina T.Y. 2011. Francuzskaya nacional’naya identichnost’: mif ili real’nost’? [Variant science as a direction in the study of languages, cultures and regions].

Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, no. 1, pp. 39–53. (In Russ.)

11. Zagryazkina T.Y. 2015. Variantologiya kak napravlenie v izuchenii yazykov, kultur i regionov [Variant science as a direction in the study of languages, cultures and regions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 22–48. (In Russ.)

COMMERCIAL

The website of the channel CulturePub. URL: <http://www.culturepub.fr/pays/france/> (accessed: 21.02.2020).

The website of the channel YouTube. URL: <http://www.youtube.com> (accessed: 21.02.2020).

Ю.С. Овчинникова

**ПРОГРАММА ЛЕКЦИОННОГО КУРСА
«ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКА
В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ МИРА»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Программа курса основывается на междисциплинарном подходе к осмыслению традиционной музыки разных народов, которая рассматривается во взаимосвязи с мифологией, фольклором, аксиологией, картиной мира, этноисторией, трансформационными практиками, обрядами, этнопедагогикой, процессами этнокультурной идентификации народов в современном мире. Представленный подход основывается на многолетнем опыте чтения лекций на отделении культурологии факультета иностранных языков и регионоведения МГУ. Теоретической основой курса послужили труды Г. Орлова, Дж.К. Михайлова, В.Н. Юнусовой, А.С. Алпатовой, И.В. Мациевского, Г. Гачева, А.В. Ващенко и др. Тематически материал сгруппирован в три раздела. Первый посвящен теоретическим основам курса и проблемам музыкально-культурологической компаративистики. Во втором разделе рассматриваются музыкальные картины мира народов России, Индии, Китая, Ирана, Турции, Греции, Шотландии, Мексики, Кубы, Аргентины, США, Канады, аборигенных музыкальных традиций Африки и др. В третьем разделе раскрывается роль этнической музыки в современном мире, осмысляется развивающий потенциал музыкальных этноинструментов в культурной, педагогической и арт-терапевтической практике. В программе музыка народов мира предстает в единой культурологической перспективе, от автохтонных традиций к современной этнокультуре.

Ключевые слова: традиционная музыка народов мира; этническая музыка; музыкальные культуры мира; музыкальные инструменты; история культуры; музыкальная культурология.

Лекционный курс «Традиционная музыка в культуре народов мира» адресован студентам отделения культурологии и входит в блок общепрофессиональных дисциплин вариативной части образовательного стандарта. Объем аудиторной работы – 36 акад. ч. Лекции ориентированы на обеспечение разносторонней подготовки

Овчинникова Юлия Сергеевна – кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: julia.barkova@gmail.com).

специалистов как творчески мыслящих личностей, имеющих фундаментальные знания в области культурного наследия. Курс методологически связан с другими предметами общепрофессионального цикла, содержит материал, важный для усвоения таких дисциплин, как «Культурология»¹, «История искусств», «Сравнительная мифология»², «Фольклор» и др. Основная цель курса – дать студентам систематические знания об общем и особенном в традиционной музыкальной культуре разных народов, изучая музыку как культурологическое явление, позволяющее глубже понимать этнические картины мира, развивать межкультурную компетентность, а также содержательно, эмоционально и эстетически сонастраиваться с пространством изучаемых традиций для более объемной и правильной интерпретации различных данных (этнографических, лингвистических и др.)³. В качестве *задач* дисциплины выступают:

- компаративное изучение традиционной музыки народов мира;
- знакомство с культурологическим подходом к исследованию традиционной музыки во взаимосвязи с мифологией, фольклором, картиной мира, аксиологией, исторической памятью, обрядами, этнопсихологией, этнопедагогикой, музыкотерапией, процессами этнокультурной идентификации народов в современном мире;
- изучение истории, происхождения, эволюции, символики и взаимосвязи музыкальных инструментов разных народов;
- освоение образно-смыслового содержания традиционной музыки;
- изучение методов компаративного анализа явлений музыкальной культуры;
- развитие исследовательской деятельности и творческих способностей студентов.

Среди ключевых особенностей построения курса выделим: регионально-локальный подход к изучению традиционной музыки народов мира; опора на полевые исследования автора; использование музыкальных этноинструментов из личной коллекции; изучение музыкальных традиций в следующей перспективе – отражение этнокультуры в традиционной музыке и репрезентация образов

¹ Карташова Н.В. Программа лекционного курса «Культурология» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 64–75.

² Ващенко А.В. Программа спецкурса/спецсеминара «Сравнительная мифология: культурологические аспекты» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 147–162.

³ Овчинникова Ю.С. Концептуальные основы вузовского курса «Традиционная музыка в культуре народов мира» // Музыкальное искусство и образование. 2019. Т. 7. № 1. С. 40–59.

локальной музыкальной традиции в культуре (фольклоре, литературе, живописи, кинематографе).

Междисциплинарный характер исследования традиционной музыки определяет комплексный подход к изложению материала. Тематика лекций обусловлена личным опытом практического освоения и научного теоретического осмысления музыки разных народов во время музыкально-этнографических поездок (Индия, Испания, Португалия, Марокко, Греция, Шотландия, Литва, Парагвай) и экспедиций автора (в Мексику и в регионы России (Архангельская и Липецкая области, Башкирия, Хакасия, Якутия, Алтай и др.)), а также в процессе общения и музицирования с представителями других стран. Педагогический инструментарий совмещает лекционную подачу материала и семинарские формы работы.

Раздел 1. Музыкальное мироведение в контексте сравнительного изучения традиционных культур

Тема 1.1. Традиционная музыка народов мира как предмет культурологии. Теоретические основы музыкальной культурологии. Методологическая база исследований. Комплексный метод, сочетающий историко-типологический, историко-культурный, цивилизационный, аксиологический методы и др. Музыкальная карта мира и критерии регионирования (конфессиональный, этнический, языковой и др.). Отражение природного звукового ландшафта, традиционной картины мира, верований, аксиологии, этноистории в традиционной музыке разных народов.

Тема 1.2. Отношение «Человек – Мир» в контексте сравнительного изучения музыкальных традиций разных народов. Традиционная картина мира: музыка как элемент мифологического мироустройства. Время/пространство в традиционной музыке. Музыка как преобразование и гармоническое упорядочивание мира. Образы музыканта в сравнительной мифологии. Мировое Древо как метафора музицирования. Специфика со-интонирования в традиционных музыкальных культурах: с природным космосом; с корнями (с родом, с этнокультурной традицией); с Высшим Принципом бытия (Бог, Парабраман, Вакан Танка, Кудай и др.); с собственным внутренним миром; с ближним (общинность) и др.

Тема 1.3. Звуковой ландшафт и звуковая картина мира в традиционной культуре. Теоретические основы изучения звуковых ландшафтов в трудах Р.М. Шейфера. Структура звукового ландшафта: геофония, биофония, антропофония (Б. Краузе). Звуковой ландшафт традиционной культуры. Основные принципы и особенности рождения музыки в диалоге с природой. Звуковой ландшафт современной цивилизации. Звуковая картина мира как информацион-

ная модель традиционной культуры (А.С. Алпатова). Сферы звуковой картины мира. «Звуковая прогулка» как метод исследования.

Раздел 2. Музыкальные картины мира: единство в многообразии

Тема 2.1. Музыка как духовный путь: культурологические аспекты музыкального творчества в индийской традиции. Музыка и духовный путь человека: ведическое наследие. «Бхагават-гита» и этические основы индийской культуры. Сакральный и философский смысл Слова: традиция пения мантр. «Аум» как первая звуковая вибрация, лежащая в основе творения и воплощающая высшее духовное начало. Синкретизм индийской классической музыки и ее основные понятия: *рага* и *тала*. Музыкальные инструменты Индии. Система *харан* в индийской культуре: традиции и современные реалии.

2.2. Философия музыки в китайской цивилизации. Традиционная картина мира в музыкальной культуре Китая: концепция мирового эфира (*ци*); проявление принципа единораздельности инь-ян; влияние философско-религиозных систем (конфуцианства, даосизма, буддизма) и тонального языка. «Книга перемен». Система «Небо-Земля-Человек» и ее отражение в музыке. Система люйлюю. Семантика пентатонического лада. Конфуций: концепция «правильной» музыки. Классификация музыкальных инструментов.

2.3. Влияние суфизма на традиционную музыку Ирана, Турции, Пакистана. Философия суфийской музыки. Мистицизм звука. «Сэма» как духовное слушание музыки. Космическое воздействие на человека, воплощенное в звуке, слове, тембре голосов и музыкальных инструментов. Музыкальные инструменты как «орудия» звуковой медитации. Влияние суфизма на традиционную музыку Ирана, Турции, Пакистана. Танцевальные практики суфийского братства Мевлеви: роль музыки в дервишских радениях. *Зикры* как религиозные церемонии. Суфийское братство Чишти и жанр каввали.

Тема 2.4. Истоки и эволюция музыкальной культуры Греции. Музыка Греции в контексте мировой культуры. Музыка и миф в античный период: музыкальные открытия, инструменты, жанры. Философия музыки Пифагора. Музыка и воспитание в философии Платона. Духовные основы византийской музыки. Византийская музыка как вокальная традиция. Музыка в период Османской империи. Вклад традиции *рембетико* в развитие греческой песни. Новая авторская «народная» песня в творчестве М. Хатзидакиса. Творчество М. Теодоракиса и его роль в актуализации греческих народных традиций.

Тема 2.5. Клановые традиции музыкального творчества в гэльской Шотландии. Роль музыкально-вербальной магии в гэльской культуре. Музыкальные инструменты гэлов. Кланы, клановая музыка и обычаи. Сказительство и традиции *кейли*. Основные жанры гэльского музыкального фольклора. Женский песенный обрядово-трудовой комплекс отбивки твида. Голосовая музыка. Особенности вокального стиля *шан-нос*. Сохранение и развитие гэльских традиций в Новой Шотландии. Репрезентация этничности в творчестве современных шотландских музыкантов.

2.6. Духовные основы русской народной музыки. Представления о душе и мире невидимом в русской звуковой картине мира. Обряды перехода как трансформационные музыкальные практики. Аксиологическая основа календарного музыкального фольклора. Древнерусская духовная музыка. Глас как звучание души. Народное православие в духовных стихах. Философия лирической песни. Терапевтическая роль индивидуального и совместного интонирования переживаний. Музыкальные инструменты как голоса русской культуры: конструктивные, обрядовые, аксиологические характеристики.

Тема 2.7. Культ предков в региональных музыкальных традициях Тропической Африки. Музыкально-песенный фольклор народов Восточной (банту и др.), Западной (туареги, йоруба и др.), Центральной (пигмеи, хауса и др.) и Южной (бушмены и др.) Африки. Тотемизм, анимизм, фетишизм, культ предков в музыкальном мышлении. Особенности метроритмической и ладовой организации музыки Тропической Африки. Музыкальный инструментарий. «Говорящие» барабаны как средство коммуникации. Калимба в традиционной культуре шона.

2.8. Сердце в ритме с природой: музыкальный космос коренных американцев. Доминантные черты музыкальной культуры коренных народов Северной Америки. Аутентичность песенного фольклора: звуковая экспрессия, орнаментация, ритмические особенности. Музыкально-целительские практики. Тропа Красоты. Пляска Солнца. Музыкальный инструментарий. Феномен Пау-вау: история и современность. Коренные американцы в этномызыке XX в.: Л. Баллард, К. Накаи, Б. Сент-Мари, Д. Шенандоа и др.

2.9. Жизнь и смерть в традиционной музыкальной культуре Мексики. Дуализм жизни и смерти в культуре Мезоамерики. Образ Плакальщицы в музыкальном фольклоре Мексики. Музыкальные традиции Дня Мертвых. Песнопения «Ла кантада» в г. Наолинко (штат Веракрус, Мексика). Культурное время-пространство праздника. Трансляция сакральной христианской, латиноамериканской и локальной истории, образовательные функции кантады. Юмори-

стически-игровые образы смерти в музыкальной культуре Мексики: истоки, художественное своеобразие, символика и функции.

2.10. Музыка, песня и танец в контексте музыкацентризма кубинской культуры. Индейские, испанские, африканские истоки кубинской музыки. Афро-кубинская Сантерия. Ритмо-формулы обрядов абакуа. Инструменты кубинской полиритмии. Кубинский сон: происхождение, структура, разновидности и роль в культуре. Своеобразие кубинского музыкального мышления: символы и смыслы. Вьеха Трова и Нуэва Трова. Популярные ритмы Кубы в общем латиноамериканском контексте.

Тема 2.11. Смысловая гамма аргентинского танго: дух портеньо и Буэнос-Айреса. Истоки танго: межкультурное взаимодействие в эмигрантской среде Рио де ла Плата. Музыка, поэзия, танец: взаимосвязь элементов в традиции танго. Состав танго-оркестра. Творчество К. Гарделя и появление танго-романса. Поэтика танго: темы, образы, мотивы. Роль лунфардо в художественных текстах. Школы танго и их стилистическое своеобразие. О. Пульезе и А. Пиаццолла – реформаторы танго. Рождение «танго нуэво».

Тема 2.12. Встреча культур: место музыки кантри и вестерн в национальной культуре США. Истоки музыки кантри. Традиции Аппалачей и южных штатов. Роль А. Ломакса, Б. Монро и “Blue Grass Boys” в становлении стиля блюграсс. Песенный генезис покорения Запада: ковбойство как образ жизни и кодекс поведения. Жанр ковбойской песни. Социальная направленность творчества В. Гатри. Творчество П. Сигера, Дж. Роджерса, семьи Картер и др. Своеобразие стиля хонки-тонк: творчество Фл. Тиллмана, М. Малликана, Х. Уильямса. Расцвет кантри после Второй мировой войны. Дж. Кэш: темы и образы песен. В. Нэльсон и традиционное кантри.

Раздел 3. Традиционная музыка в современном мире: актуальные вызовы и культурные практики

Тема 3.1. Аксиология этномызыки второй половины XX – начала XXI веков: от «фольклорного возрождения» к World Music. Истоки «фольклорного возрождения». Мотивы миросозидания в творчестве этномызыкантов. Обращение к традиции как к «оружию» против подавления своей культуры, сближение в исполнительстве народных и авторских песен, адаптация фольклорных жанров к современности, политизированность текстов. Музыкант – собиратель фольклора – общественный деятель. Международные фестивали как средство межкультурного диалога. World Music и освоение представителями разных стран музыкального языка других народов.

Тема 3.2. Формы репрезентации этнической идентичности в музыкальных инструментах (на примере якутов (саха)). Символы локального природного космоса в этноинструментах саха; от-

ражение типа хозяйствования; гендерно-возрастные характеристики. Современные формы визуальной репрезентации этничности: музыкальный инструмент как средство актуализации этноистории и репрезентации национальных символов, как средство актуализации мифологического сознания саха и порождения новой обрядности в контексте возрождения автохтонной религии и др.

Тема 3.3. Развивающий потенциал музыкальных этноинструментов в культурной, педагогической и арт-терапевтической практике. Совместная импровизация на музыкальных этноинструментах: особенности организации. Методики использования музыкального инструментария в культурной и психолого-педагогической практике: этноинструменты как средство командообразования; как средство междисциплинарного изучения культур; как средство развития межкультурной сензитивности, творческого потенциала и исследовательской деятельности; как средство самопознания и познания мира; как средство работы с переживанием в музыкальной терапии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алтаева А.С.* История музыки. Архаика в мировой музыкальной культуре: Учебник для вузов. 2-е изд. М., 2019.
2. *Баркова Ю.С.* Музыкальное миротворчество: традиционная музыка народов мира в духовно-экологической цивилизации. М., 2013.
3. *Баркова Ю.С.* Традиционная музыка в культуре народов мира: Учебно-методическое пособие к курсу. М., 2011.
4. *Васильченко Е.В.* Звук/музыка в системе культуры мировых цивилизаций: монография. М., 2009.
5. *Ващенко А.В.* Возвращение на Итаку: этнокультурный фактор в художественном пространстве второй половины XX века. М., 2013.
6. *Ващенко А.В.* Суд Париса: сравнительная мифология в культуре и цивилизации. М., 2008.
7. *Гачев Г.Д.* Космос-Психо-Логос: Национальные образы мира. М., 2007.
8. *Лисовой В.И.* История музыки и современная музыкальная культура. Мексика и Центральная Америка: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М., 2019.
9. *Мацевский И.В.* Народная инструментальная музыка как феномен культуры. Алматы, 2007.
10. *Мацевский И.В.* В пространстве музыки. СПб., 2011. Т. 1; 2018. Т. 3.
11. Музыка народов мира: проблемы изучения. М., 2008.
12. Музыка народов мира: проблемы изучения: Сборник научных трудов МГК. М., 2017.
13. *Овчинникова Ю.С.* Аксиология миротворчества в этнической музыке второй половины XX – начала XXI вв. // История: факты и символы. 2017. № 1. С. 40–49.
14. *Овчинникова Ю. С.* Отражение традиционной картины мира шотландских гэлов в женском песенном комплексе для валки твиды // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 62–71.
15. *Овчинникова Ю. С.* Основы музыкального миротворчества в контексте ноосферной педагогики // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 2013. № 4. С. 7–18.

16. Орлов Г. Древо музыки. Вашингтон; СПб., 1992.
17. Пичугин П.А. Аргентинское танго. М., 2010.

Julia S. Ovchinnikova

**THE PROGRAM OF THE LECTURE COURSE
“TRADITIONAL MUSIC IN THE CULTURE
OF PEOPLES OF THE WORLD”**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The program of the lecture course is based on the interdisciplinary approach to research of traditional music that is regarded in connection with mythology, folklore, axiology and world view, ethnic historical memory, rituals, transformation practices, ethnic pedagogy, processes of ethnic-cultural identification of peoples through music in the modern world. This approach is based on years of experience reading a course of lectures on traditional music of the peoples of the world at the Department of Cultural Studies of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University. Thematically the course is divided into three units. The first unit covers the theoretical foundations of the course and methodology of comparative music culture study. The set of lectures of the second unit is dedicated to traditional music of peoples of Russia, India, China, Iran, Turkey, Greece, Scotland, Mexico, Cuba, Argentina, USA, Canada, American and African indigenous musical cultures and others. In lectures of the third unit the role of ethnic music in the modern world and the developing potential of musical ethnic instruments in actual cultural, pedagogical and art-therapy practices are considered. Throughout the text, traditional music of peoples of the world is delineated in a unifying culture study perspective, from autochthonous traditions to modern ethnic culture.

Key words: traditional music in the culture of peoples of the world; world music; ethnic music; musical cultures of the world; traditional musical instruments; history of culture; music and culture studies; program of the lecture course.

About the author: *Julia S. Ovchinnikova* – PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: julia.barkova@gmail.com).

REFERENCES

1. Alpatova A.S. 2019. *Istoriya muzyki. Arkhaika v mirovoi muzykal'noi kul'ture: uchebnik dlya vuzov* [The history of music. The archaism in world musical culture: textbook for higher education]. 2nd edition. Moscow, Yurait, 2019. (In Russ.)
2. Barkova Yu.S. 2013. *Muzykal'noe mirotvorchestvo: traditsionnaya muzyka narodov mira v dukhovno-ekologicheskoi tsivilizatsii* [Musical creativity for peace: traditional music of peoples of the world in spiritual and ecological civilization]. Moscow, MGU. (In Russ.)

3. Barkova Yu.S. 2011. *Traditsionnaya muzyka v kul'ture narodov mira* [Traditional music in culture of peoples of the world]. Academic textbook. Moscow, Tsentr po izucheniyu vzaimodeistviya kul'tur FIYAR MGU. (In Russ.)
4. Vasil'chenko E.V. 2009. *Zvuk/muzyka v sisteme kul'tury mirovykh tsivilizatsii* [Sound/music in the system of culture of world civilizations]: monograph. Moscow, RUDN. (In Russ.)
5. Vashchenko A.V. 2013. *Vozvrashchenie na Itaku: etnokul'turnyi faktor v khudozhestvennom prostranstve vtoroi poloviny XX veka* [Return to Ithaca: Ethnocultural factor in artistic space of the second half of the XXth century]. Moscow, FIYaR MGU. (In Russ.)
6. Vashchenko A.V. 2008. *Sud Parisa: sravnitel'naya mifologiya v kul'ture i tsivilizatsii* [The Judgement of Paris: comparative mythology in culture and civilization]. Moscow, FIYaR MGU. (In Russ.)
7. Gachev G.D. 2007. *Kosmos-Psikho-Logos: Natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the World]. Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russ.)
8. Lisovoy V.I. 2019. *Istoriya muzyki i sovremennaya muzykal'naya kultura. Meksika i Tsentral'naya Amerika: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [The history of music and modern musical culture. Mexico and Central America: textbook for higher education]. 2nd edition. Moscow, Yurait. (In Russ.)
9. Matsievskii I.V. 2007. *Narodnaya instrumental'naya muzyka kak fenomen kul'tury* [Folk Instrumental Music as a Cultural Phenomenon]. Almaty, Daik-Press. (In Russ.)
10. Matsievskii I.V. 2011. *V prostranstve muzyki* [In the space of music]. Saint-Petersburgh, RIII, 2011, vol. 1; 2018, vol. 3. (In Russ.)
11. *Muzyka narodov mira: problemy izucheniya* [Music of peoples of the world: problems of study]. 2008. Proceedings of international scientific conferences. Issue 1. Moscow, Moskovskaya konservatoriya. (In Russ.)
12. *Muzyka narodov mira: problemy izucheniya* [Music of peoples of the world: problems of study]. 2017. Collection of studies. Issue 1. Moscow, Moskovskaya konservatoriya. (In Russ.)
13. Ovchinnikova Yu.S. 2017. Aksiologiya mirotvorchestva v etnicheskoi muzyke vtoroi poloviny XX – nachala XXI vv. [Axiology of peacekeeping in ethnic music of the second half of XX – beginning of XXI centuries]. *History: facts and symbols*, no. 1, pp. 40–49. (In Russ.)
14. Ovchinnikova Yu.S. 2017. Otrazhenie traditsionnoi kartiny mira shotlandskikh gelov v zhenskom pesennom komplekse dlya valki tvida [The reflection of the traditional Gaelic worldview in waulking songs of scottish women]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 62–71. (In Russ.)
15. Ovchinnikova Yu.S. 2013. Osnovy muzykal'nogo mirotvorchestva v kontekste noosfernoi pedagogiki [Fundamentals of musical creativity for peace in the context of the noosphere pedagogy]. *Bulletin of the UNESCO Chair. Musical Arts and Education*, no. 4, pp. 7–18. (In Russ.)
16. Orlov G. 1992. *Drevo muzyki* [The Tree of Music]. Washington, H.A. Frager & Co; Saint-Peterburg, Sovetskii kompozitor. (In Russ.)
17. Pichugin P.A. 2010. *Argentinskoe tango* [Argentinian tango]. Moscow, ILA RAN (In Russ.)

Л.В. Никитина

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ – ЕДИНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается традиционная японская система питания как предмет культурологии и исследуются процессы, связанные с инновациями в японской еде, проникновение в японскую систему традиционного питания западных блюд и их влияние на культуру питания. Иностранные слова, которые являются частью японского языка, записаны в специальном алфавите, называемом катакана. Это правило относится и к названиям заимствованных блюд. В то же время существует очевидный парадокс: блюдо может быть очень популярным, становясь неотъемлемой частью национальной культурной традиции, но одновременно его название будет написано в алфавите для иностранных слов, чтобы подчеркнуть его иностранное происхождение. Однако можно наблюдать и другой процесс, когда японские блюда и их названия сочетают в себе как японские традиции, так и западные. Многие блюда, которые сегодня подают в японских ресторанах и в японских семьях, были заимствованы из разных культур в разное время. Названия этих блюд, и способы их приготовления претерпели определенную адаптацию, и сегодня действительно трудно представить, что до недавнего времени эти, казалось бы, действительно японские блюда не входили в кулинарную культуру Японии. И все же японцы очень тщательно вносили изменения в методы их приготовления, и поэтому во многих случаях рецепты оставались близкими к оригиналу. Что было единственным требованием для изменения рецепта? Приправы, которые являются своего рода отличительной чертой японской кухни. Каковы наиболее важные приправы в японской системе питания? Производство пасты мисо и ее роль в питании и на японском столе.

Ключевые слова: Япония; рис; традиции; новации; еда; история; культура; мисо; приправа; карри.

Весьма интересен процесс взаимодействия традиционного и нового в такой области материальной культуры, как пища, и, вообще, в системе питания Японии. Вот как данная наука определяется в статье проф. А.В. Павловской: «Гастрософия рассматривает

Никитина Лидия Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры японской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ledenets@yandex.ru).

место и роль еды в истории, ее влияние на те или иные исторические события, определяющую и преобразующую роль в отдельные исторические периоды, региональные особенности состава пищи и предпосылки их складывания, традиции питания как фактора идентичности и самоидентификации» [Павловская, 2015].

Пища как явление культуры выполняет несколько функций, она бывает повседневной, ритуальной, праздничной, жертвенной и т.д. Есть множество представлений о престижной и непрестижной пище, о ее полезности и вредности для разных категорий людей (детей, беременных женщин, стариков). Без пищевых предписаний не обходится ни одна религиозная система. В быту разных народов национальная специфика пищи сохраняется значительно прочнее, чем большинство других форм материальной культуры, таких как одежда, жилище, утварь, и в системе питания любого народа сегодня происходят большие, порой кардинальные изменения.

Профессор Г.Г. Молчанова верно выделяет три аргумента в пользу того, что еда – важная сфера материальной культуры человечества: «1) еда обнаруживает, проявляет, отражает нравы народа, проживающего в данном регионе; 2) еда – показатель общего уровня цивилизованности народа региона, его таланта, оригинальности и особенности национального мышления, уровня приспособляемости к природным условиям среды обитания; 3) национальная кухня региона – один из критериев определения психического склада нации, отражающегося в господствующих кулинарных вкусах и пищевых пристрастиях» [Молчанова, 2013].

В связи с этим особый интерес представляет система питания в Японии, чрезвычайно самобытная, устойчивая, ревностно сохраняющая свои традиционные элементы, но при исследовании и этой системы обнаруживаются многочисленные примеры новационных подвижек, выборочного, но очевидного заимствования, сильной адаптации и четкого понимания роли «своего» и «чужого» в таком важном для японцев с бытовой и обрядово-ритуальной точек зрения явлении, как пища. Занимаясь этой проблемой, известный специалист по японской кухне, почетный профессор Национального музея этнологии Наомити Исигэ так охарактеризовал состояние современной японской кухни: «Сегодня домашняя кухня демонстрирует столь значительное иностранное влияние, что некоторые называют ее космополитической, хотя правильнее было бы, наверное, говорить о новом лике японской кухни. Японцы легко перенимают чужое, подстраивая его под себя. Это верно и в отношении кулинарного опыта» [Вафу рёри, 1976].

Известно, что культура питания любого народа напрямую связана с типом его хозяйственной деятельности. Для Японии это

земледелие и рыболовство, определившие своеобразие традиционной японской кулинарии, но помимо этого большую роль в формировании самого понятия «японская кухня» сыграл целый ряд факторов, которые можно было бы отнести к климатическим и эстетическим. Рецептура блюд подразумевает свежесть ингредиентов, а традиционные методы хранения обусловлены местными климатическими особенностями и доступностью естественных консервантов. Столовая утварь играет важную роль в подаче блюд, а сервировка стола – своего рода эстетическое действо. То, как японцы с большим интересом заимствуют элементы инокультурных традиций, адаптируя их порой до неузнаваемости, можно наблюдать даже в использовании такого традиционного продукта, как рис. Он по-прежнему остается основой японского рациона питания. Сегодня в мире известно около 700 сортов риса, и 44 из них культивируются в Японии. Традиционно японцы ели рис два-три раза в день, поскольку он считался главным блюдом любой японской трапезы. Интересно, что даже в современном японском языке для обозначения завтрака, обеда и ужина зачастую употребляют слова *асагохан*, *хиругохан* и *бангохан*, т.е. соответственно «утренний, дневной и вечерний рис».

Японский рис готовится на пару и без соли. При этом непосредственно в рис не добавляются для вкуса никакие приправы. Рыбные и овощные блюда, наоборот, наполняются всевозможными приправами, однако вся рецептура этих блюд направлена на то, чтобы вкусовое восприятие риса не потерялось. Таким образом любое блюдо на японском столе должно сочетаться с рисом. Исключение, конечно, составляет та часть японской кухни, которая изначально не предполагает сочетаемость с рисом (например, тушеная говядина – *нику-дзяга* или разного рода блюда из лапши).

Рис в Японии подают в небольших специальных чашах, имеющих форму пиалы, и едят палочками. Поскольку в Японии в повседневной жизни используется рис клейких сортов, есть его палочками чрезвычайно удобно. Приличным считается также поднять чашу с рисом со стола и держать ее в левой руке, а палочки – в правой. Это одно из немногих блюд, которое принято есть, держа чашку с едой на весу. Как блюдо японской традиционной трапезы (*васёку*) сваренный на пару рис принято называть *гохан*. Однако тот же самый рис, приготовленный по той же самой рецептуре и в той же самой рисоварке, но положенный не в чашу, а на тарелку, называют *райсу* (от англ. *rice*). Тарелка с рисом может быть подана как дополнение или отдельно положенный гарнир к «европейскому обеду» (*ё:сёку*), т.е. к такой трапезе, когда на стол также будут поданы, например, салат

(помидоры, огурцы, листовой салат) или гамбургер. *Рис-райсу* в этом случае будет предложено есть ложкой или вилкой. В кулинарном мире современной Японии с рисом и его восприятием происходят самые удивительные трансформации. Так, например, сегодня к числу наиболее популярных блюд из риса относится также *карэ-райсу* – индийское блюдо, пришедшее в Японию через Великобританию. В нем соус карри сгущают с помощью муки и добавляют к вареному рису. Гарниром к блюду служат маринованные овощи, приготовленные по рецепту приправы к традиционному японскому рису. Это блюдо стало настолько популярным среди японцев, что трудно даже поверить в его иностранное происхождение. Вместе с тем многие из блюд, которые сегодня подаются на стол в японских ресторанах и в семьях японцев, в разное время были заимствованы из разных культур. Однако и названия этих блюд и способы их приготовления подверглись определенной адаптации, и сегодня действительно трудно представить, что еще недавно этих, казалось бы, истинно японских блюд не было в кулинарной культуре Японии. Правда, японцы очень аккуратно вносили изменения в способы их приготовления, и поэтому во многих случаях рецепты остались близкими к оригинальным. Единственным требованием для изменения рецептуры была сочетаемость этого блюда с рисом.

Как известно, иностранные слова, которые входят в языковой обиход японцев, записываются специальной азбукой, которая называется *катакана*. Это же правило распространяется и на названия блюд. При этом наблюдается некий парадокс: блюдо может быть очень популярным, став неотъемлемой частью национальной культурной традиции, но при этом его название будет записываться азбукой для иностранных слов, как бы все равно подчеркивая его иностранное происхождение. Однако наблюдается и другой процесс. Иногда сами японские блюда и их названия сочетают в себе как японские, так и западные традиции. В Японии чрезвычайно популярны креветки, которые называют японским словом *эби*. Креветки служат ингредиентом многих национальных японских блюд. Однако в последние десятилетия особую популярность получило блюдо *эби-фурай*, в названии которого одновременно присутствуют и японское слово *эби* и фонетически измененное слово *фурай* (от англ. *fry* – «жарить»). Речь идет о креветках, обваленных в панировке и обжаренных в масле. В ряде случаев креветки обмакивают в кляр и жарят в масле. Тогда получается *тэмпура*, известное сегодня в мире как типичное японское блюдо, несмотря на то что рецепт пришел в Японию из Португалии примерно в XVII в.

Сегодня на японском столе можно встретить и видоизмененные французские блюда, например *короккэ* – небольшие котлетки из

картофельного пюре с мясом и измельченным луком. Японское слово *короккэ* происходит от франц. *croquette*. Большой популярностью пользуется и китайское блюдо из лапши (*рамэн*), адаптированное под японский вкус. Эту лапшу подают в бульоне, заправленном соевым соусом, добавив на нее сверху пару тонких кусочков свинины и зеленые овощи.

Как видно, японские блюда, имеющие иностранное происхождение, а также их названия, сохранившие память об этом происхождении, – это важная часть современной японской культуры. И совершенно очевидно, что через кулинарные традиции можно понять многие аспекты японского языка и национальной культуры.

Однако при всем разнообразии современной японской кухни, при всех иноземных влияниях и заимствованиях она по-прежнему во многом остается традиционной. И это касается прежде всего такого явления, как приправы – своего рода визитной карточки японской кулинарии. К числу наиболее важных ингредиентов для приправ можно отнести бобы, сою и морепродукты. Так, на основе соевых бобов готовится паста-*мисо*, известная вне Японии как составляющая японских супов *мисо-сирю*. Это не горячие, а чуть теплые жидкие супы, в состав которых помимо бульона также могут входить соевый *творог-тофу*, водоросли или овощи.

Мисо традиционно называется пастой из перебродивших бобов. Однако технология приготовления *мисо* гораздо сложнее и подразумевает несколько этапов. Соевые бобы варят на пару, затем солят, разминают и добавляют квасящий грибок *кодзи*. Известны также случаи, когда после разминания бобов в полученную массу добавляют солод и хлебные дрожжи [Вафу рёри, 1976]. В процессе приготовления смесь бродит и выдерживается в течение нескольких месяцев.

Знаменательно, что, несмотря на все возможности технического прогресса, *мисо* по-прежнему готовят «дедовским» способом, т.е. помещают бродящую смесь в деревянную бочку, накрывают хлопчатобумажной тканью и придавливают круглыми плоскими камнями, располагая их по всему диаметру бочки. Считается, что этот способ приготовления *мисо* пришел в Японию из Китая более тысячи лет назад. Но, как издавна случалось с заимствованными блюдами, кулинарный процесс подвергся адаптации и, более того, приобрел многочисленные локальные особенности, показывающие специфику приготовления *мисо* в разных районах Японии. В основном эти локальные особенности связаны в Японии с технологией приготовления квасящего грибка *кодзи*, который в зависимости от района выращивают на соевых бобах, рисе, ячмене или другом зерне.

Вообще технология приготовления *мисо* – яркий пример того, как традиции умело сохраняются в современной японской кулинарии. Более того, именно верность традициям и повышает степень доверия к фирме, производящей ту или иную продовольственную продукцию. В кулинарном бизнесе Японии предметом особой гордости является применение пусть примитивных или, с точки зрения современного человека, устаревших технологий и оборудования, если они «дышат» стариной, и благодаря им продукт напоминает именно тот, который готовили сто и более лет назад. Это особый ракурс во взаимодействии понятий традиции и новации в современной японской кухне.

Как правило, фирмы такого рода хорошо известны не только в той местности, где они находятся, но и в других районах страны. Общеизвестен тот факт, что японцы, отправляясь в путешествие или на экскурсию, обязательно хотят отведать и привезти домой те кондитерские изделия и приправы, которые считаются специфическими для этой конкретной местности. Именно поэтому и гиды, и путеводители не скупятся на рассказы о кулинарных достопримечательностях даже небольших городков и деревень. Так, например, если туристы оказываются в г. Адзумино префектуры Нагано, то они обязательно отправляются в магазинчики фирмы «Маруяма мисо», где можно купить известное сегодня по всей стране *синсю-мисо* – вид рисового *мисо* темно-коричневого цвета с легким вкусом.

Эта фирма существует уже более ста лет, но и сегодня почти 30% всего производимого в стране *Мисо* принадлежит ей. Там по-прежнему соевые бобы не везут издалека, а закупают у местных крестьян и варят их не на газу, а все в тех же печах (на дровах), построенных еще первым владельцем. Кроме того, здесь, как и сто лет назад, не используют масло. Нынешний владелец фирмы Маруяма Такаси (представитель четвертого поколения владельцев фирмы) имеет личный сайт в Интернете [Ёмиури синбун, 2007] и отвечает не только на многочисленные заявки и заказы, но и дает через него советы по использованию и хранению своего продукта. О достоинствах технологии приготовления своего *мисо* он говорит: «Дерево дает мягкий естественный жар, сохраняющий прекрасный аромат соевых бобов» [Исигэ, 2001]. Вероятно, в этом и есть уникальный традиционный вкус *мисо*, который остается неизменным даже при долгом хранении.

Однако понятие сохранения традиций относится в Японии не только в отношении исконных блюд, уже много веков являющихся обязательными на столе японцев. Интересно, что даже заимствованная кулинария, если она прижилась в японском рационе, начинает

«свой» отсчет традиции. И в этом смысле прекрасным примером соединения традиции и новации в японской кухне может стать соус *карри*, который уже более 80 лет популярен в Японии. Как уже говорилось, карри – блюдо индийского происхождения, которое подают вместе с рисом (*карэ-райсу*). При этом зачастую на тарелках с разделителем: на одну половину тарелки кладут чистый рис, на другую – соус карри, достаточно густой, в который могут быть добавлены овощи или кусочки мяса. Сегодня это блюдо, имеющее много модификаций в рамках установленного канона, можно отведать почти во всех ресторанах не только Токио, но и других городов Японии. Однако в индустрии приготовления карри есть и свои фирмы-законодатели, главное достоинство которых – это опять-таки следование традициям.

Так, особой популярностью в центре Токио, в районе Синдзюку, уже много десятилетий пользуется ресторан семьи Накамура, основанный в 1901 г. Первоначально это была небольшая кондитерская, но в 1927 г. с появлением в семье Накамура выходца из Индии по имени Бос, который женился на их старшей дочери, кондитерская превратилась в небольшой ресторанчик, где готовили в том числе и карри. К этому времени в Японии соус карри уже начал завоевывать популярность. Готовили его способом, привезенным из Англии, т.е. путем смешивания муки и порошка карри. Бос отстаивал другой способ приготовления, более традиционный для индийской кухни: следовало добавлять лук, много разных специй, высококачественное масло, а также куриное мясо на косточках. Набор этих ингредиентов был совершенно нов и даже экзотичен для японской кухни, однако именно такой соус карри пришелся по вкусу японцам. Несмотря на дороговизну этого блюда в ресторане Накамура, оно пользовалось неизменным спросом.

За прошедшие 80 лет технология приготовления карри в этом ресторане принципиально не изменилась, хотя нынешние повара находятся в постоянном творческом поиске, подбирая все новые ингредиенты для улучшения вкуса. Среди нововведений можно назвать такие, как замена горького лука более сладким и более тщательное его обжаривание, увеличение количества порошка на пять грамм, использование куриного мяса только из префектуры Фукусима. Нынешний шеф-повар ресторана г-н Футомия так говорит об этих новациях: «В наше время, полное стрессов, люди предпочитают острую пищу. Это вкус новых традиций. А карри так любят потому, что это блюдо остается неизменным, постоянно меняясь» [Ниппония, 2006].

Слова г-на Футомия могли бы стать девизом для всей современной японской кухни, которая открыта для новаций, но вместе с тем

остаётся глубоко традиционной, ценя такие качества пищи, которые перестали быть значимыми в европейской кухне. Речь идет о сохранении природного вкуса продукта путем приготовления пищи «естественным способом», т.е. путем сквашивания, сушки на солнце, ферментации при помощи особых бактерий. Эта сфера японской кулинарии практически неподвластна никаким влияниям извне. Может быть, именно поэтому продукты, прошедшие такую обработку, столь трудны для вкусового восприятия иностранцами. То, что вызывает у японцев радость от пленительного вкуса, рожденного природой, у иностранцев может вызывать откровенное неприятие: это касается и вкуса, и запаха, и самого знания о составе предлагаемой еды. В этом случае не могут помочь никакие рассказы японцев о важности для здоровья питательных веществ продукта.

Почти классическим примером такого рода стало блюдо *натто* – перебродившие соевые бобы. Если говорить о полезности, то этому продукту поистине нет равных: в нем много белка и витаминов, оно способствует улучшению циркуляции крови. *Натто* едят, перемешав с мелко нарезанным зеленым луком и соевым соусом, подают с рисом. Чтобы приготовить *натто*, мелкие соевые бобы варят на пару и добавляют в них бактерии, живущие в рисовой соломе. При определенной температуре начинается процесс брожения. В результате получается сильно и неприятно пахнущая клейкая масса, которая растягивается в нити, едва ее возьмешь палочками. Немного найдется среди иностранцев любителей *натто*, несмотря на всю полезность этого блюда. К столь же экзотическим, с нашей точки зрения, продуктам можно отнести и *сиокара* (маринованные рыбные внутренности), *гёсё* (острый соус из квашеной рыбы или моллюсков) и *нарэ-дзуси* (проброобраз популярных сегодня во всем мире *суси* — маринованная смесь рыбы или моллюсков с рисом; рыба солится в течение месяца с икрой, а затем маринуется в рисе около года) и др. [Торикай, 2006]

Как видно, современная японская кухня – это сложное многогранное явление, в котором традиции и новации взаимодействуют, ставя и решая самую главную задачу японской кулинарии – сохранение изысканного природного вкуса. Современные технологии и новые ингредиенты вносят свой вклад в изменение облика японской кухни, равно как и многочисленные кафе и рестораны, ориентированные на иностранную пищу. Японцы с удовольствием едят блюда китайской, корейской, а также европейской, прежде всего итальянской, кухни. Но, как представляется, они делают это весьма дозированно, все равно отдавая предпочтение японской еде. Именно поэтому и сегодня особой популярностью пользуются лавочки и магазины, в которых продается продукция, изготовленная по ста-

ринным рецептам, а к чужеродным блюдам, попавшим все-таки на японский стол, предъявляется требование сочетаемости с рисом и традиционными приправами. Новации в еде видны в Японии повсюду, но на поверку они – лишь верхняя яркая, красочная часть айсберга, которая покоится на мерно отсчитывающей десятки и сотни лет японской кулинарной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молчанова Г.Г. Традиции гасистики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 9–19.
2. Павловская А.В. Нужна ли нам наука о еде // Еда и культура. По материалам I Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира» / Отв. ред. А.В. Павловская, И.И. Руцинская, Г.Е. Смирнова. М., 2015. С. 39.
3. Торикай Синъити, Санада Кунико. Традиционные приправы на современном столе // Ниппония. 2006. № 36. С. 12.
4. *Ishige Naomichi*. The history and culture of Japanese food. L., 2001.
5. *Yomiuri shinbun*. 2007. 15 january. P. 12.
6. *Wafu ryori (Japanese food)*. 1976. P. 31–34.
7. URL: <http://www.omiso.jp/> (дата обращения: 15.07.2015).

Lidia V. Nikitina

THE FOOD CULTURE OF MODERN JAPAN IS A UNITY OF TRADITIONS AND INNOVATIONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article describes Japanese nourishment system as a subject of culturology. It investigates processes that are taking place in Japanese cultural tradition connected with innovation in Japanese food, penetration into the Japanese system of traditional nutrition of Western dishes and their impact on the food culture. Foreign words that are part of the Japanese language are recorded in a special alphabet called *katakana*. The same rule applies to the names of dishes. At the same time, there is an evident paradox: the dish can be very popular, becoming an integral part of the national cultural tradition, but at the same time its name will be written in the alphabet for foreign words, to emphasize its foreign origin. However, another process can be observed. Sometimes Japanese dishes themselves and their names combine both Japanese and Western traditions. However, many of the dishes that are served today in Japanese restaurants and in Japanese families have been borrowed from different cultures at different times. And the names of these dishes and the methods of their preparation underwent a certain adaptation, and today it is really difficult to imagine that until recently these seemingly truly Japanese dishes were not in the culinary culture of Japan. Yet the Japanese very carefully introduced changes to the methods of their preparation, and therefore, in many cases, the recipes remained close to the

original. What was the only requirement for a recipe change? Seasonings, which are a kind of hallmark of Japanese cooking. What are the most important seasoning ingredients in the Japanese food system? Miso paste production and its role in nutrition and on the Japanese table.

Key words: Japan; rice; traditions; novations; food; history; culture; miso; seasoning; curry.

About author: Lidia V. Nikitina – PhD, Senior Researcher of the Department of Japanese Philology, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ledenets@yandex.ru).

REFERENCES

1. Ishige Naomichi. 2001. *The history and culture of Japanese food*. London, Kegan Paul.
2. Molchanova G.G. 2013. Traditsii gastiki kak otrazhenie natsional'noy i regional'noi identichnosti [Gastik traditions as a reflection of national and regional identity]. *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)
3. Pavlovskaya A.V. 2015. *Nujna li nam nauka o ede* [Do we need the food science]. In Pavlovskaya A.V., Rutsinskaya I.I., Smirnova G.E. (eds.) *Eda i kul'tura* [Food and Culture]. Po materialam I mejdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma 'Traditsionnaya kultura v sovremennom mire' [The materials of the I International symposium 'Traditional culture in the modern world']. Moscow, Tsentr po izucheniyu vzaimodeistviya kul'tur, p. 36. (In Russ.)
4. Torikai Shinichi, Sanada Kuniko. 2006. Traditional seasonings on modern table, *Nipponia*, vol. 36, p. 12.
5. *Yomiuri sinbun*. 2007. 15 january, p. 12.
6. *Wafu ryori (Japanese food)*. 1976, pp. 31–34.
7. URL: <http://www.omiso.jp/> (accessed: 15.07.2015).

Е.Г. Грушевская

**ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЭЛИТАРНУЮ
(НА ПРИМЕРЕ ИТАЛЬЯНСКОГО
ФУТУРИСТИЧЕСКОГО ТЕАТРА)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье анализируется влияние массовой культуры на театральные эксперименты итальянских футуристов. Считается, что массовая культура противостоит элитарной, поскольку ее продукция обладает стандартизированным характером, она нацелена на развлечение и имеет коммерческий характер, в то время как элитарная культура ориентирована на создание нового эстетического опыта и служит источником для массовой культуры, где она воспроизводится в ослабленном виде. Однако исследование футуристического театра 1910–1920-х годов показывает, что, напротив, именно массовая культура послужила источником для преобразования элитарной культуры и построения нового театрального языка. В частности, итальянские футуристы призывают обратиться к таким формам представлений, как театр варьете и мюзик-холл, и заимствовать из них ряд формальных приемов. В своих театральных экспериментах они стремятся изменить представление о театре, выделить его как особый вид искусства, обособить его от литературы. Для этого они отказываются от доминирующего характера текста в пользу других средств театральной выразительности. Несмотря на то что футуризм как одно из авангардных течений, безусловно, относится к категории элитарной культуры, он пересматривает понятие о публике, обращаясь к широкой аудитории и стремясь вывести ее из пассивного состояния путем максимального воздействия на чувственное восприятие, а не на разум. Авангард ставит перед собой задачу преобразования мира на основе искусства, и для решения этой задачи зачастую заимствует форму, свойственную массовой культуре.

Ключевые слова: массовая культура; элитарная культура; авангард; итальянский футуризм.

В данной статье мы ставим перед собой цель кратко рассмотреть влияние массовой культуры на элитарную авангардную культуру начала XX в., взяв в качестве материала театр итальянских футуристов. При написании статьи перед автором стояли следующие за-

Грушевская Евгения Геннадьевна – старший преподаватель кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: xronop@mail.ru).

дачи: 1) дать классическое представление о соотношении традиционной-массовой-элитарной уровней культуры и экстраполировать его на практику футуристического театра в Италии; 2) выявить изменение роли реципиента в авангардном театре; 3) проанализировать некоторые приемы авангардного театра, заимствованные из арсенала массовой культуры. Массовая культура обычно рассматривается как исключительно нацеленная на развлечение, в то время как элитарная культура служит источником нового эстетического опыта. Однако нам представляется, что отношения между данными типами культуры не являются настолько однозначными, массовая культура тоже оказывает влияние на элитарную, в частности, авангардную культуру начала XX в.

Однако прежде чем перейти к непосредственному анализу, хотелось бы кратко освятить понятие массовой культуры и его осмысление на протяжении последнего столетия. Массовая культура зарождается вместе с развитием индустриального общества, ростом городов и появлением средств массовой информации. С момента ее появления массовая культура рассматривалась как антитеза «высокой» элитарной культуры [Соловьева, 2019: 149–157]. Начало подобному представлению заложил французский исследователь Густав Лебон, отметивший в своем труде «Психология народов и масс» (1896), что «главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы» [Лебон, 1896: 145]. Исследователь пишет о кризисе европейской цивилизации как главной причине возникновения масс и массового сознания.

В работах философов начала XX в. продолжается осмысление феномена массы, при этом она рассматривается не в качестве нейтрального феномена современного общества, но как несущая угрозу цивилизации и устоявшимся ценностям. В своей работе «Восстание масс» испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет отмечает: «Мы наблюдаем в европейской жизни явление чрезвычайного значения, а именно приход масс к неограниченной власти в обществе» [Ортега-и-Гассет, 1991: 40]. Философ трактует массу не просто как толпу, а как тип человека с определенным мировосприятием и образом жизни, который становится доминирующим в современной жизни. Исследователь отмечает, что развитие индустриального общества привело к унификации стандартов потребления, поведения, восприятия жизни, к желанию «стать как все». Для описания массового сознания и массовой культуры активно используется понятие стереотипа, введенное американским публицистом У. Липманом в книге «Общественное мнение» (1922). Исследователи отмечают, что массы обладают стереотипным сознанием, упроща-

ющим действительность, неспособны к глубокому ее анализу и даже не могут отличить реальность от иллюзии. При этом предполагалось, что ведущую роль в массовом обществе займет интеллектуальная элита.

В послевоенный период, в работах исследователей Франкфуртской школы формируется взгляд на массы как носителей культуры определенного типа. М. Хоркхаймер был одним из первых, кто, наряду с американским исследователем Д. Макдональдом, в 1940-е годы впервые ввел в оборот сам термин «массовая культура». В трудах представителей Франкфуртской школы, критически настроенных по отношению к массовой культуре, сформировался канонический набор ее свойств: стандартизованность и стереотипность производимой продукции; непосредственность воздействия на чувственность; преобладание развлекательного характера; коммерческий и компенсаторно-эскапистский характер, т.е. производство иллюзорных комплексов, которые должны выразить бессознательные влечения индивидов и восполнить их неудовлетворенность повседневным существованием [Сыров, 2010: 47].

Начиная с 1970-х годов в работах таких исследователей, как Д. Белл, Э. Шилд, Д. Макдоналд, М. Маклюэн и других доминирует идея о том, что переход общества с индустриальной на постиндустриальную стадию развития ведет к формированию гомогенной культуры, описывать которую в категориях «массового», «народного», «элитарного» не корректно [Костина, 2009: 6]. Однако исследования, посвященные различным слоям культуры, не потеряли свою актуальность. В частности, ученые ставят перед собой задачу проанализировать взаимосвязь между массовой, народной и элитарной культурой, чтобы выявить закономерности их взаимовлияния. Российский исследователь А.В. Костина в диссертации, посвященной соотношению и взаимодействию традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности, выделяет следующие функции данных типов культур: традиционная культура выступает как механизм сохранения социокультурной информации, элитарная культура – как механизм производства новых значений и смыслов культуры, массовая культура – как механизм стабилизации социальных структур [Костина, 2009: 19]. Если говорить об искусстве, то объекты массовой культуры настроены на воспроизведение пребывающего в памяти субъекта художественного образца, в то время как элитарная культура ориентирована не столько на узнавание, сколько на обогащение художественного опыта реципиента, на возникновение новых эстетических ассоциаций.

Если мы обратимся к материалу нашего исследования, авангардному театру Италии начала XX в., то мы увидим, что выявленные выше основные функции, свойственные различным уровням культуры, не являются безусловными. В частности, несмотря на то, что массовая культура характеризуется использованием уже готовых образов и смыслов, сформированных в рамках элитарной культуры, можно наблюдать и обратный процесс заимствования элементов массовой культуры для порождения нового театрального языка. Этот факт тесно связан с особенностями авангарда как комплексного феномена, определившего развитие европейской культуры в начале XX в. Авангард, безусловно, относится к категории элитарной культуры, поскольку он принципиально антитрадиционен и нацелен на создание нового художественного языка: «Исторический авангард направлен на построение смыслоносного Текста, новой картины мира, а не на интерпретацию текстов; был ориентирован на создание языка, на абсолютизацию автора, на постулирование его творцом нового мира. <...> Главный принцип авангарда – сдвиг по отношению к традиции, канону, норме» [Гирин, 2013: 20]. Исследователь авангарда Ю.Н. Гирин отмечает, что важной категорией было понятие разрыва: «Демонстративный разрыв с классикой был обусловлен универсальной сменой картины мира, проявлявшейся во всех сферах человеческой деятельности. Фактически происходила смена текста всей мировой культуры, причем новый текст не просто игнорировал старый, а преломлял, интегрировал и интерпретировал его в своих целях» [Гирин, 2013: 96]. При этом отношения с массовой культурой характеризовались скорее не антагонизмом, а своеобразным притяжением. При том, что авангардом была выдвинута фундаментальная программа воспитания нового индивида, исследователь отмечает, что «Образ коллективного человека представлялся им как индивид, слившийся с массой и сознательно подчиняющий ей свою индивидуальность» [Гирин, 2013: 15]. Авангардное искусство 20-х годов было ориентировано на широкого потребителя, на массового зрителя, и зачастую использовало такие формы, как массовые действия, мистерии и т.п. Особое значение придавалось невербальной системе выражения [Анастасьева, 2019: 89]. Однако, заимствуя подобные массовые формы, авангард оставался элитарным по содержанию, требуя от зрителя не пассивного, а активного восприятия, пробуждая импульсы к деятельному отношению субъекта к объекту.

Подобный характер взаимоотношений между элитарной и массовой культурой можно наблюдать на примере итальянского футуристического театра. Официальной датой рождения итальянского футуризма считается 1909 г., когда Ф.-Т. Маринетти опубликовал во

французской газете «Фигаро» первый «Манифест футуризма». В нем автор призывал к радикальному отказу от современной ему буржуазной культуры и к построению не только нового художественного языка, но и трансформации мира в целом. Однако, как отмечают исследователи, будучи представителем элиты, Ф.-Т. Маринетти в своих манифестах и выступлениях обращался именно к массовому зрителю: «футуристическая концепция зрительства опирается на современные ей теории толпы, в частности, на “Психологию народов и масс” (1896) Гюстава Лебона и “Разум толпы” (1903) Сципиона Сигеле. Лебон писал, что при общении с толпой образы важнее логической речи – и это в точности соответствует решению футуристов использовать визуальный перформанс как основное средство связи с массовой аудиторией» [Бишоп, 2018: 74].

В 1913 г. Ф.-Т. Маринетти выпустил манифест «Music-hall. Прославление театра варьете», в котором напрямую призывает использовать элементы таких зрелищ, относящихся к массовой культуре, как театр варьете и мюзик-холл. По мнению автора, подобные зрелища больше соответствуют новому «футуристическому» восприятию мира, поскольку предлагают воздействие на все чувства зрителя, используют динамику и разнообразие средств. Он предлагает трансформировать театр варьете в новый «театр ошеломления и рекорда»: «необычайно преувеличить роскошь, умножить контрасты и доставить полновластное господство на сцене неправдоподобному и нелепому»¹. В рамках подобного понимания театра футуристами был разработан жанр «синтезов», т.е. коротких пьес, основанных на эффекте удивления и абсурде. Драматургически синтезы напоминали короткие эпизоды театра-варьете и обычно состояли из вводной сцены, основной реплики и быстрого ухода за кулисы.

В 1915 г. Ф.-Т. Маринетти, Э. Сеттимелли, Б. Корра выпустили манифест «Футуристический синтетический театр». Авторы подчеркивали, что видят в театре самое мощное средство для воздействия на публику: «Мы верим, что воинственное действие на итальянскую душу сегодня может оказать только театр. Действительно, 90% итальянцев ходит в театр, и только 10% читает книги и журналы»². При этом они призывали к воздействию не на разум, а на чувства зрителей, с помощью сочетания различных театральных средств: «симфонизировать чувствительность публики, любым способом пробуждая ее самых вялых отпрысков, разрушая пред-

¹ *Маринетти Ф.Т.* Music hall. Прославление театра-варьете // Футуризм. СПб., 1914. С. 232.

² *Маринетти Ф.Т., Сеттимелли Э., Корра Б.* Футуристический синтетический театр // Второй футуризм. Манифесты и программы итальянского футуризма. 1915–1933. М., 2013. С. 38.

взятость рампы, расставляя сети ощущений между сценой и публикой, заполняя сценическим действием партер и зрителей»³. Авторы отмечали необходимость выделения театра как автономного вида искусства, не обязанного воспроизводить реальность.

В театральных опытах итальянских футуристов зритель постепенно становится неотъемлемой частью представления, поскольку именно из его ощущений и складывается спектакль, который носит глубоко субъективный характер. Если использовать современную терминологию, можно сказать, что футуристы хотели достичь максимальной интерактивности, вводя все новые средства воздействия на зрителя в ткань представления. Например, в 1921 г. Маринетти опубликовал манифест «Тактилизм», в котором призывал использовать тактильные ощущения для передачи эмоций зрителям: «У нас будут театры, специально оборудованные для тактилизма. Зрители будут расположены сидя и будут класть руки на длинные тактильные ленты, которые будут двигаться, производя различные тактильные ощущения с помощью разного ритма»⁴. Свое наибольшее выражение стремление к синкретизму театральных средств достигло в проекте «Тотального театра» 1933 г., в котором Маринетти предлагал создать «театральную машину» по созданию эмоций и ощущений.

Таким образом, можно отметить, что массовая культура послужила важным источником трансформации театрального языка в деятельности итальянских футуристов. В первую очередь они стремились изменить роль реципиента театрального представления, вывести зрителей из состояния пассивного восприятия. Они понимали, что в отношении массовой публики большую эффективность имеет воздействие на чувства, чем на разум. В своих театральных практиках они отказываются от доминирующего характера текста в пользу других средств театральной выразительности. С этим связаны и те приемы, которые они заимствуют из «низких» жанров, а именно использование гротеска, абсурда, трансформация драматургии в пользу более коротких и насыщенных по количеству эффектов сценок. Если обобщить, они вводят элементы развлекательности и провокации, способствуя изменению представления об элитарной культуре. Поскольку авангард ставил перед собой цель построения нового мира посредством искусства, он обращался к массовому зрителю и стремился максимально эффективно воздействовать на него. Таким образом, такие черты массовой культуры, как непосредственность воздействия на чувственность публики и развлека-

³ Там же. С. 45.

⁴ *Mango L. Alla scoperta di nuovi sensi. Il tattilismo futurista. Napoli, 2001. P. 86. – Перевод автора.*

тельный характер, были заимствованы элитарной авангардной культурой и способствовали выделению театра как особого вида искусства, дифференциации его от литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анастасьева И.Л.* Невербальная семиотика сценического искусства // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 88–96.
2. *Бишон К.* Искусственный ад. Партиципаторное искусство и политика зрительства. М., 2018.
3. Второй футуризм. Манифесты и программы итальянского футуризма. 1915–1933. М., 2013.
4. *Гирич Ю.Н.* Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. М., 2013.
5. *Костина А.В.* Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности: Дисс. ... докт. культурологии. М. 2009.
6. *Лебон Г.* Психология народов и масс. Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1896.
7. *Маринетти Ф.Т.* Music hall. прославление театра-варьете // Футуризм. СПб., 1914.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.
9. *Соловьева Ю.О.* Право и популярная культура: аспекты и тенденции взаимодействия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 149–157.
10. *Сыров Н.В.* Массовая культура: мифы и реальность. М., 2010.
11. *Mango L.* Alla scoperta di nuovi sensi. Il tattilismo futurista. Napoli, 2001.

Evgenia G. Grushevskaya

THE INFLUENCE OF MASS CULTURE ON HIGH CULTURE (A CASE STUDY OF THE ITALIAN FUTURIST THEATRE)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes the influence of mass culture on theatre experiments of Italian futurists. Mass culture is considered to be an opposition of elite or high culture because its production has a standard character, it is aimed at entertainment and it is commercial, while high culture is aimed at creating new esthetical experience and serves as a source for mass culture where it is reproduced in a reduced way. However, the study of Italian Futurist theatre of 1910–1920s reveals that it was mass culture that served as a source for the transformation of high culture and the creation of new language of theatre. In particular, Italian futurists turn to such forms of shows as variety theatre and music hall and borrow a number of their practices. In their theatre experiments they aim at changing the idea of theatre and separate it from literature as a different art genre. In order to do so they deny the dominating character of text in favour of other means of expression. Although Futurism as one

of avant-garde movements, without doubt, belongs to high culture, it redefines the notion of public and turns to mass audiences trying to get them out of the state of passive perception by attacking their senses instead of their intellect. The avant-garde aims at transforming the world by means of art, and to solve this task it sometimes adopts the formal elements belonging to mass culture.

Key words: mass culture; high culture; avant-garde; Italian Futurism.

About the author: *Evgenia G. Grushevskaya* – Assistant Professor at the Italian Department of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

REFERENCES

1. Anastasieva I.L. 2019. Neverbalnaya semiotica stsenicheskogo iskusstva [Nonverbal semiotics of the stage]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 88–96. (In Russ.)
2. Bishop C. 2018. *Iskusstvenny ad. Participatornoe iskusstvo i politika zritelstva*. [Artificial hell. Participatory art and the politics of spectatorship]. Moscow, V-A-C press. (In Russ.)
3. *Vtoroy futurism. Manifesty i programmy italianskogo futurisma. 1915–1933*. [Second futurism. Manifestos and programs of Italian futurism]. Moscow, Gilea, 2013. (In Russ.)
4. Girin Y.N. 2013. *Kartina mira epokhi avangarda. Avangard kak sistemnaja tselostnost*. [The worldview of the avant-garde period. Avant-garde as a unity of values]. Moscow, IMLI RAN. (In Russ.)
5. Kostina A.V. 2009. *Sootnoshenie i vzaimodeistvie traditsionnoj, elitarnoj i massovoj culture v sotsialnom prostranstve sovremennosti* [Correlation and interaction of traditional, high and mass culture in the contemporary social sphere]: Dissertation ... of Dr. habil. in cultural studies Moscow. (In Russ.)
6. Le Bon G. 1896. *Psikhologia narodov i mass* [A study of the popular mind]. Saint Petersburg, 1896. (In Russ.)
7. Marinetti F.T. 1914. *Music hall. Proslavlenie teatra-variete* [Glorification of the variety theatre]. *Futurism*. Saint Petersburg. (In Russ.)
8. Ortega y Gasset J. 1991. *Vosstanie mass // Degumanizatsia iskusstva i drugie raboty* [The revolt of the masses // The dehumanization of art and other works]. Moscow, Raduga. (In Russ.)
9. Solovyeva Y.O. 2019. *Pravo i popularnaja cultura: aspecty i tendentsyy vzaimodeistvija*. [Law and popular culture: aspects and tendencies of interaction]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 149–157. (In Russ.)
10. Syrov N.V. 2010. *Massovaja cultura: mify i realnost* [Mass culture: myths and reality]. Moscow. (In Russ.)
11. Mango L. 2001. *Alla scoperta di nuovi sensi. Il tattilismo futurista* [The discovery of new senses. The Futurist tactilism]. Napoli, La Città del Sole. (In Ital.)

Е.Ю. Деревцова

**СОБЫТИЕ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ
АНТИЧНОЙ ТРАГЕДИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данная статья посвящена проблеме События, которая интенсивно разрабатывается философской мыслью XX в., но берет свое начало в «Поэтике» Аристотеля, где осмысливается как основа греческого поэтического искусства, в частности, античной драмы. На примере трагедии Софокла «Царь-Эдип» показано, как Событие раскрывает себя в рамках театрального представления, обнаруживая свою изначально двойственную природу. Соединяя в себе сферу эстетического (театральной видимости, рефлексии и наблюдения) и сферу онтологического (сферу патоса, претерпевания), Событие привносит в трагический мир одновременно гармонию и возможность познания, проявляя, таким образом, свою структурирующую, формообразующую природу. Эта функция События обнаруживает себя не только на театральной сцене, но и в самой жизни, где становится так называемым «импульсом театра», началом организующим и акцентирующим, выявляющим в текущем хаосе существования моменты памяти и осознанности. Указанные характеристики События позволяют нам сопоставлять и анализировать, на первый взгляд, дистанцированные эпохи, такие как эпоха греческой античности (Аристотель, Софокл) и модернизм (А. Арто, С. Беккет).

Ключевые слова: древнегреческая трагедия; Аристотель; Поэтика; Софокл; Эдип-царь; философия События.

Аристотель утверждает, что любое мастерство основывается на некоторой минимальной завершенности, цельности видения мира, определяемого, правда, в широком смысле – как греческое техне: «А наука и искусство возникают у людей через опыт. Ибо опыт создал искусство, а неопытность – случай»¹. Нижней границей, отделяющей мир случайности от целостного мира искусства является единичный опыт, сам по себе представляющий философу малоценным, но служащий базой для составления итогового суждения:

Деревцова Елена Юрьевна – соискатель кафедры сравнительного изучения литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: molloy17melon@gmail.com).

¹ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 652.

«Появляется же искусство тогда, когда на основе приобретенных на опыте мыслей образуется один общий взгляд на сходные предметы»².

Таким образом, искусство исходит из первичной оформленности, противостоящей миру случая, но завершает свое становление только в последующем создании теоретической картины. Сходным образом философ рассуждает и о трагедии, замечая, что «породили поэтическое искусство явным образом две причины, и обе естественные»³, имея в виду, вероятно, будничное событие и присущую человеку склонность ему подражать.

Стало быть, если считать опыт единицей мастерства по сути (техне) [Комков, 2017: 139], то единицей поэтического искусства является противоположное случайности и завершенное Событие. Сама же трагедия служит наглядным примером подобной законченности как сказание, «имеющее начало, середину и конец»: «[Наконец] само подражание действию есть сказание. В самом деле, сказанием я называю сочетание событий»⁴.

Чем же оказывается Событие в философском ключе? В XX в. данная тема разрабатывалась многими авторами, среди которых Ж. Делез [Делез, 2015: 275], А. Бадью [Бадью, 2013: 16], В.В. Бибихин [Бибихин, 2010: 66]. Наиболее близким к нашему пониманию данного феномена оказывается М. Хайдеггер [Хайдеггер, 1993: 259], который вводит в философский дискурс термин Ereignis, определяя его как некий «поворотный момент», переключающий нас в модус понимания бытия.

Само же начальное Событие, являясь, по своей сути, оформленным опытом, сферой, как мы сказали, предэстетического, начинается в своей противоположности – абсолютном непостоянстве существования. Человек всегда имеет дело с этим разрозненным материалом прежде чем войти в событийное пространство. И, как было сказано выше, первая ступень, ведущая от неформленного существования к искусству – это единичный человеческий опыт, иначе говоря – приключаящееся в будничном пространстве Событие, но каким образом и из чего оно происходит?

Возможно, здесь будут к месту слова Шопенгауэра о том, что всякое страдание не только открывает истину об окружающей действительности, но и побуждает теоретизировать на этот счет [Шопенгауэр, 2001: 534]. Таким образом, ощущение горя и недовольства жизнью, названное автором позитивным в отличие от неакцентного счастья, некоторым образом составляет из мира цельную картину, пусть и лишённую любых положительных моментов. Правда в том,

² Там же. С. 66.

³ *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. Академия наук СССР. М., 1976. С. 648.

⁴ Там же. С. 652.

что Событие чаще всего действительно связано со страданием: подобное состояние лучше работает против всего обыденного, вырывая претерпевающего из жизни «самой по себе» и бросая в момент ее активного переживания.

Мы назовем это переживание среди бытового течения вещей «импульсом театра», поскольку именно такое «сгущение» – времени, опыта, боли – характерно для сценического пространства, подражающего завершенному и цельному со времен античной трагедии. Театр есть и пространство особенной памяти, в том числе той, которая отменяет забытые чередующихся дней и побуждает Беккета сказать в своем эссе о Прусте, что «губительная преданность привычке парализует наше внимание» [Беккет, 2009]. Сами События, таким образом, у него получаются «опасными и плодотворными областями в истории личности ... когда скука жизни на мгновение уступает место муке бытия» [Беккет, 2009: 13]. Так, автор снова касается темы «проясняющего страдания», во вспышке которого мир становится собран и обозреваем, и, следовательно, близок к тому, чтобы быть понятным.

В связи с этим трагедия, несмотря на свой возвышенный ореол, исходит из самой сердцевины жизни, подражая первейшей человеческой жалобе об устройстве окружающего мира. Она представляет и неизменную человеческую судьбу находиться на пограничье двух пространств – пространства привычки и невыносимой реальности, дающей о себе знать на краткий и яркий миг. Преследуя лишь истинное, трагедия рождается и из ужаса перед забвением отпущенной человеку боли, невыносимая мысль о растворении которой в бытовом потоке превосходит сам страх страдания. Мучение здесь противопоставляется силе будничного забытья, которое берет верх над стремлением человека остаться в бесконечном повторении всего и вся самим собой. В античности это стремление достигает вершины Геростратова деяния и явления героя, полагающего славу (память о себе) превыше всех остальных благ.

Не таков ли Эдип, которого изначально называют лучшим среди смертных, могущественным царем, исцелителем земли и, наконец, отцом своих подданных. Но сюжет, взятый Софоклом из мифа, выстроен таким образом, что основное Событие, сопутствующее герою, пока еще не обрело свою изначальную целостность, и Эдип причастен ему лишь отчасти.

Данный дисбаланс приводит к тому, что фиванский царь, будучи сам убийцей Лая, вменяет вину как бы своему двойнику, создавая тень прошлого, которая, по мере выявления подробностей, становится все более реальной. Но, прежде этой встречи, Эдип встречается с «неполными» двойниками, которые тем не менее с той или

иной стороны раскрывают нам сущность царя. Так, например, Тиресий подспудно намекает на сходство между собой и будущим Эдипом:

*О знание, знание! Тяжкая обуза,
...Я ль не изведал той науки вдоволь⁵?*

В то время как провидец является представителем полного знания о себе и мире, Эдип обладает частичным, поверхностным знанием, и упоминание в диалоге решенной (но так и не раскрытой) загадки Сфинги это только подчеркивает.

Помимо прочего, незнание Эдипа задумывается Софоклом и как эстетическая составляющая – несовпадение действительности с представлением о ней вносит временный разлад в мир, за постепенным собиранием которого следит зритель. В данной строфе читается и обещание будущей (событийной) целостности, о которой говорит Тиресий, как бы проводя параллель между собой и Эдипом узнавшим – слепым мудрецом, которому так же откроется будущее.

До этого момента Эдип живет своей *второй* жизнью, которая начинается с момента спасения пастухом и прибытия в дом Полиба и Мeroпы; та же жизнь приносит ему царство. Ни один из этих фактов не затрагивает его сущности, в том числе и решение загадки Сфинкс, так как и оно носит отвлеченный характер. Однако в силу обстоятельств судьбы Эдип дополняет данный Сфинге ответ своей собственной участью. Об этом говорит Аристотель в переложении Фестьюжера: античный философ утверждает, что «кандидат (в участники мистерий) должен был не изучать нечто, но нечто пережить и вступить в определенное состояние ума» [Фестьюжер, 2000: 14]. Арто через века вторит ему в своих воспоминаниях: «Я никогда ничему не учился, зато прожил все» [Барбер, 2016: 184].

Так и трагедия обретает свой баланс и завершенность в точке воссоединения изначальных составляющих События – теоретической и патосной. Событие становится ее идеальным центром и, вместе с тем, наиболее напряженным моментом узнавания героем самого себя, в своей патетической силе разрушающим, но одновременно и представляющим собой идеальную законченность, завершающим главного героя и его пространство.

Однако же, в отличие от склонности бытового события рассеиваться, трагическое Событие является еще и проводником в некую «третью область», следующую после предсобытийной и событийной. О ней сказано мало из-за отсутствия определенных качеств: в общих чертах это некий «предел страны», безлюдная местность, бесфор-

⁵ Софокл. Драмы. М., 1990. С. 12.

менность природы (море, пустыня) даже могила – смерть для всех прочих кроме Эдипа:

Меня ушлите за предел страны,
Иль в море бросьте, иль в могиле скройте⁶.

Событие, доставшееся на долю фиванскому тирану, высвечивает своей ясной завершенностью некую безлюдную пустоту, которая остается картиной, в своей абстрактности отчетливо напоминающей абсурдные пространства Беккета. Возможно, этот «остаток» и является настоящей целью трагедии, представляя собой призму, через которую зритель должен взглянуть на окружающий мир и, в частности, природу, составляющую неотъемлемую часть любого античного представления.

Очевидно, что это «предельное» пространство обретает свою преобразовательную силу и благодаря феномену катарсиса: вероятно, речь идет не только и не столько об очищении страстей, сколько о приведении окружающего (в том числе и природного) мира к некой *выступающей невидимости*, которую можно усмотреть только за событием, воплотившимся на сцене и уступившим ей место на краткий срок.

В конечном итоге трагедия представляет лишенность и опустение как некоторый идеал: она выводит на сцену тирана Эдипа чтобы явить его «тень» – изначально скрытую, но более реальную сущность. Так же происходит и с основным событием (перипетией): оно собрано большей частью для того чтобы выступило обыкновенно недостижимое для восприятия, потаенное, которое трагедия умеет располагать в себе как одну из частей, и которую А. Арто определяет как нечто темное, неявленное.

Таким образом, вся многоплановость трагического искусства направлена на высечение, подобно искре, своей противоположности, как и вся работа «трагической машины» призвана вызвать в зрителе само начальное ощущение – узнавание мира, когда-то ставшее трагическим импульсом. Мир этот снова должен сделаться непознаваем, а человек отъединен от него в своей крайней беспомощности тела и понимания. Словом, то, что когда-то побудило сам театр к жизни, трагическое представление воссоздает несколько веков спустя, в 5 в.; оно будто огибает круг и приводит зрителя к своей изначальной точке удивления, ужаса и стремления понимать, тогда как внешние атрибуты (вся «техника» театра) на мгновение снимается как вспомогательные строительные леса.

Итак, античная трагедия всегда имеет дело с Событием и, вероятно, начинается в моменте, когда человек, отстраняясь от привыч-

⁶ Там же. С. 54.

ного течения вещей, начинает наблюдать сам себя, пребывая в двойственной роли претерпевающего и смотрящего. Или же он, поставленный перед миром природы и ее неразрешимой тайной, находясь в пространстве, где может совершиться все, что угодно, заявляет право испытывать боль, вместо того чтобы оставаться вписанным в течение случайного и хаотического. Возможно, что само первичное изъятие трагического события из обыденного хода вещей – не только начальная ступень театрального, но и его суть, совмещающая в себе отстраненность от привычно окружающего и движение к сокрытой, невидимой стороне мира и явлений.

Во всяком случае, Событие становится для нас и своеобразным проводником: отдаляет или же реформирует привычное и ведет к невиданному, неизведанному, потаенному. Оно как бы подводит итог самой Вселенной, причем не только сценической: выделяет из хаоса структуру, из частных и мелочей – универсальное, именно оно выстраивает перед взглядом художника, философа и благодаря трагедии зрителя пресловутую картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадью А.* Философия и событие. М., 2013.
2. *Барбер С.* Взрывы и бомбы, кричащая плоть. М., 2016.
3. *Беккет С.* Осколки. М., 2009.
4. *Бибихин В.В.* Слово и Событие. М., 2010.
5. *Карташева Н.В.* Программа лекционного курса «Культурология» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 64–75.
6. *Комков О.А.* К вопросу о концептуальных основаниях теории культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 136–145.
7. *Фестьюжер А.-Ж.* Личная религия греков. СПб., 2000.
8. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
9. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Т. 2. М., 2000.

Elena Yu. Derevtsova

EVENT AS THE CORE OF THE ANCIENT GREEK TRAGEDY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article addresses the issue of the Event, which is of great importance for XX century's philosophical thought (A. Badiou, V. Bibihin, M. Heidegger), but has its roots in Ancient "Poetics", where Aristotle sees it as the basis of ancient Greek art and ancient Greek drama in particular. We examine the Sophocles's tragedy "Oedipus Rex" to illustrate the duality of the Event as it unveils itself during the performance, combining theatricality, introspection and observation with action and

pathos. The Event in full measure reveals itself through the main character, Oedipus, creating the tragic universe of the apollonian harmony and dionysian knowledge. It should be noted that previously mentioned characteristics of the phenomenon do not only reveal themselves on the stage, but have their roots in a real life experience, so we can refer to them as to the very beginning of the theatre. The Event has the ability to organize and emphasize special moments of the awareness and consciousness in the world of chaos and instability, and so becomes an “impulse”, the beginning of the theatricality itself. Thus, this peculiarities of the concept let us compare and analyze two distant epochs such as Ancient Greece and Modernism: find more similarities than differences in the operas of Sophocles, Artaud and Beckett despite the gulf of time which separates them, which is also a significant contribution of the Event.

Key words: Ancient Greek Tragedy; Aristotle; Poetics; Sophocles; Oedipus-Rex; Philosophy of Event.

About the author: *Elena Y. Derevtsova* – Postgraduate Student at the Department of Comparative Studies in Literatures and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: molloy17melon@gmail.com).

REFERENCES

1. Badiou A. 2013. *Filosofiya i sobytie* [Philosophy and Event]. Moscow, IOI. (In Russ)
2. Barber S. 2016. *Vzryvy i bomby, krichashaya plot'* [Blows and bombs: the screaming body]. Moscow, Izdanie knizhnogo magazina Tsiolkovskij. (In Russ)
3. Beckett S. 2009. *Oskolki* [Fragments]. Moscow, Tekst. (In Russ)
4. Bibihin V.V. 2010. *Slovo i Sobytie* [Word and Event]. Moscow. (In Russ)
5. Kartasheva N.V. 2014. Programma lektсионного kursa “Kul'turologiya” [Program of the cultural studies lecture course]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 64–75. (In Russ.)
6. Komkov O.A. 2017. K voprosu o kontseptual'nyh osnovaniyah teorii kul'tury [On conceptual foundations of cultural theory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 136–145. (In Russ.)
7. Festugiere A.-J. 2000. *Lichnaya religiya grekov* [Personal religion of Ancient Greeks]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Aleteya. (In Russ)
8. Haidegger M. 1993. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: articles and lectures]. Moscow, Respublika. (In Russ)
9. Schopenhauer A. 2000. *Mir kak volya i predstavlenie* [World as will and representation]. T. 2. Moscow, TERRA – Knizhnyj klub. (In Russ)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

П.В. Сысоев

ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392000 Россия, Тамбов, ул. Интернациональная, 33*

Предметно-языковое интегрированное обучение иностранному языку для профессионального общения студентов нелингвистических направлений подготовки является одним из новых подходов для российской высшей школы. Его отличительная особенность заключается в двойственной цели обучения: а) иностранному языку для профессионального общения и б) профильной специальности. Достижение поставленной цели одновременного формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции и ряда общепрофессиональных и профессиональных компетенций студентов будет во многом определяться предметно-тематическим содержанием интегрированного курса и учебными материалами, разработанными на основе именно этого подхода. В настоящей работе автор обозначает актуальность разработки учебных материалов по иностранному языку для профессионального общения студентов нелингвистических направлений подготовки на основе предметно-языкового интегрированного обучения и предлагают шесть этапов составления учебных материалов предметно-тематических модулей интегрированного курса: 1) определение содержания предметно-тематических модулей интегрированного курса; 2) определение подтем каждого предметно-тематического модуля для изучения в ходе интегрированного курса; 3) отбор текстов профессиональной направленности для обучения; 4) выделение активной лексики в отобранных текстах профессиональной направленности; 5) разработка заданий на развитие видов речевой деятельности; 6) разработ-

Сысоев Павел Викторович – доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией языкового поликультурного образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, профессор кафедры иностранных языков Московского педагогического государственного университета (e-mail: psysoyev@yandex.ru).

ка заданий профессиональной направленности. В статье подробно описано содержание каждого из этапов.

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение; этапы разработки учебных материалов; предметно-тематические модули; содержание обучения.

В настоящий момент предметно-языковое интегрированное обучение студентов нелингвистических направлений подготовки иностранному языку и профильной специальности выступает новым развивающимся подходом. В отличие от «Иностранного языка для специальных целей», в рамках которого происходит обучение студентов профессиональной лексике и некоторым видам речевой деятельности на основе иноязычных профессионально ориентированных текстов [Hutchinson, Waters, 1987], предметно-языковое интегрированное обучение в вузе направлено на достижение одновременно двух целей: а) обучения иностранному языку и б) обучения профильной специальности посредством иностранного языка [Marsh, 1994]. Разработанная на основе данного подхода дисциплина «Иностранный язык для профессионального общения» направлена на внутрипрофильную специализацию студентов и позволяет сформировать у них как компетенции, отражающие способность овладения родным и иностранным языками для общения в социально-культурной, социально-бытовой и профессиональной сферах (ОК-5, ОПК-7), так и ряд общепрофессиональных (ОПК) и профессиональных компетенций (ПК) [Завьялов, 2018; Сысоев, Завьялов, 2019]. В связи с этим учебные материалы интегрированного курса должны существенно отличаться от материалов традиционного курса по иностранному языку для специальных целей и должны быть направлены на формирование одновременно профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции и ОПК и ПК студентов. Многие авторы в своих работах отмечали важность разработки учебных материалов двойственной направленности на основе реализации методического принципа опоры на межпредметные связи. Несмотря на относительно большой корпус исследований, посвященных актуальности и методическому потенциалу предметно-языкового интегрированного обучения в неязыковом вузе, вопрос выделения конкретных этапов разработки учебных материалов для такого курса не выступал предметом отдельного исследования.

Этапы разработки учебных материалов. Многие ученые справедливо утверждали, что в основе разработки *интегрированного* курса и соответствующих учебных материалов должно лежать *предметное содержание обучения* [Coyle, 2015; Сысоев, 2019], отбор которого, в свою очередь, осуществляется на основе принципа ак-

туализации опоры на межпредметные связи [Сафонова, Сысоев, 2005; Алмазова, Баранова, Халяпина, 2017; Попова, Коган, Вдовина, 2018; Сысоев, 2019]. По содержанию интегрированный курс будет представлять собой совокупность предметно-тематических модулей, относящихся к разным профильным дисциплинам. Учитывая, что интегрированный курс направлен на внутрiproфильную специализацию, предметное содержание, формы и методы обучения не могут ограничиваться формированием лишь двух компетенций (ОК-5, ОПК-7), отражающих владение студентами иностранным языком в профессиональной сфере общения, а, наоборот, должны быть направлены на формирование ряда ОПК и ПК наряду с другими дисциплинами профессионального блока. Этим данный курс будет обогащать профессионально ориентированное обучение студентов конкретных направлений подготовки как в знаниевом, так и в деятельностном компонентах, создавая дидактические условия для дополнительной профессиональной практики.

В данной работе выделены шесть этапов разработки учебных материалов для интегрированного курса «Иностранный язык для профессионального общения» на основе предметно-языкового интегрированного обучения. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Этап 1. Определение содержания предметно-тематических модулей интегрированного курса. Разработка предметно-тематического содержания курса и учебных материалов начинается с анализа интересов и потребностей конкретной группы обучающихся. Учитывая, что методологической основой составления курса выступает предметно-языковое интегрированное обучение и обучающиеся являются слушателями конкретного направления подготовки и профиля обучения, отбор предметно-тематического содержания интегрированного курса целесообразно начинать с анализа предметно-тематического содержания профильных дисциплин, изучаемых студентами на соответствующем профиле обучения и в соответствующем семестре. Это будет началом реализации *методического принципа опоры на межпредметные связи*. Принимая во внимание тенденцию в периодическом изменении учебных планов и семестров преподавания тех или иных профильных дисциплин, при отборе предметно-тематического содержания интегрированного курса важно всегда соблюдать *принцип преемственности*. Предметно-тематические модули интегрированного курса должны быть направлены на *обогащение* и *расширение* профессиональных знаний и практики студентов *одновременно или после изучения ими конкретных профильных дисциплин на родном языке*. Анализ и сопоставление содержания профильных дисциплин позволяют определить содер-

жание предметно-тематических модулей интегрированного курса. Их общее количество и трудоемкость будут зависеть от объема курса. В зависимости от наполнения каждый модуль может быть рассчитан на 8–14 академических часов. Также рекомендуется включить в курс не менее шести предметно-тематических модулей. Это необходимо для того, чтобы разнообразить содержание курса и интегрировать его с 4–6 профильными дисциплинами.

В качестве примера рассмотрим разработку учебных материалов по дисциплине «Иностранный язык для профессионального общения» для студентов третьего-четвертого года обучения на гражданско-правовом профиле направления подготовки бакалавриата «Юриспруденция». Дисциплина реализуется как факультатив. К третьему курсу студенты уже изучили несколько профильных дисциплин: «Административное судопроизводство» и «Римское право» – и на третьем-четвертом курсах изучают «Жилищное право», «Банковское право», «Транспортное право» и «Право интеллектуальной собственности». В связи с этим в качестве составных можно предложить следующие предметно-тематические модули (рис. 1).

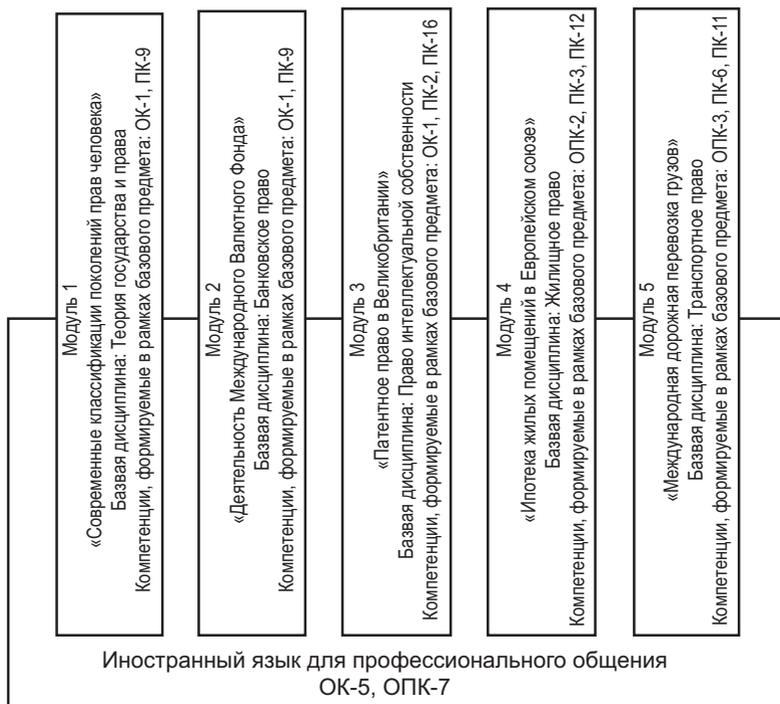

Рис 1. Предметно-тематическое содержание дисциплины «Иностранный язык для профессионального общения» (3–4-й курсы)

Как показано на рис. 1, изучение каждого модуля направлено на дальнейшее формирование конкретных ОПК и ПК студентов. Кроме того, учитывая двойную целевую установку, в рамках интегрированного курса помимо ОПК и ПК студенты продолжат формировать иноязычную коммуникативную компетенцию в профессиональной сфере (ОПК-7).

Этап 2. Определение подтем каждого предметно-тематического модуля для изучения в ходе интегрированного курса. После выделения предметно-тематических модулей интегрированного курса необходимо в рамках каждого из них определить одну или несколько подтем, которые не освещались в ходе изучения профильных дисциплин на родном языке, но овладение которыми обогатило бы профессиональные знания и практику обучающихся. При разработке учебных материалов перед введением новой информации преподаватель может использовать или задействовать на иностранном языке материал, ранее изученный студентами на профильных дисциплинах. Это необходимо для формирования у обучающихся целостной картины изучаемого профессионального аспекта. Определение подтем может происходить путем формулирования ключевых слов по теме при мозговом штурме, создавая ассоциативные схемы.

В качестве примера рассмотрим предметно-тематический модуль «Современные классификации поколений прав человека». В рамках изучения этого модуля студенты на иностранном языке могут повторить ранее изученный на дисциплине «Теория государства и права» (1–3-й семестры) материал об одной из основных классификаций поколений прав человека, где 1-е поколение – личные и политические права (право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, свобода передвижения, избирательные права, свобода слова и пр.), 2-е поколение – экономические, социальные и культурные права (право на труд, отдых, жилище, социальное обеспечение и пр.), 3-е поколение – коллективные права (право на безопасную окружающую среду, на доступ к информации и пр.). Кроме того, в рамках данного модуля интегрированного курса студенты могут изучить *новый* материал о *современных* подходах к определению поколений прав человека, в котором авторы выделяют *новые поколения прав*. К ним относятся: соматические права (право на эвтаназию, изменение пола, аборт, искусственное оплодотворение), репродуктивные права, духовно-нравственные права, информационные права и другие. Таким образом, на основе первого предметно-тематического модуля студенты смогут как актуализировать ранее полученные знания о правах человека, так и обогатить свою про-

фессиональную практику новым материалом об иных классификациях поколений прав человека.

Этап 3. Отбор текстов профессиональной направленности для обучения. Основой обучения иностранному языку для профессионального общения вне аутентичной языковой среды выступает текст в различных его функциональных типах. Определив подтемы в рамках каждого предметно-тематического модуля, преподаватель начинает отбор текстов по теме для учебных целей. При отборе текстов профессиональной направленности в *первую очередь* преподаватель должен руководствоваться такими критериями, как *содержательная (профессиональная) ценность и дидактическая сообразность* текста. Отобранные тексты должны полностью в содержательном плане решать поставленные дидактические задачи. Из текстов, удовлетворяющих познавательные потребности студентов, преподаватель отбирает те, которые соответствуют уровню владения студентами иностранным языком и содержат необходимый объем профессиональной лексики. На данном этапе рекомендуется отобрать до десятка текстов по каждой подтеме для дальнейшей методической работы. Необходимо также отметить, что чрезвычайно важно отбирать не только традиционные справочные тексты, но и различные другие функциональные типы текстов, на основе которых можно будет разработать проблемные задания речевой и профессиональной направленности.

Например, в рамках подтемы «Современные генерации прав человека» можно отобрать несколько текстов о новых поколениях прав человека: морально-нравственных, соматических, информационных и т.п. Подобранные иноязычные тексты будут отражать различные мнения ученых о классификации прав человека.

Этап 4. Выделение активной лексики в отобранных текстах профессиональной направленности. Учитывая двойную целевую установку текстов, важно, чтобы каждый из них отличался новизной как в содержательном плане, так и в отношении использования в нем профессиональной лексики. Наличие новой профессиональной лексики необходимо для разработки учебных заданий для дальнейшего формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции.

Этап 5. Разработка заданий на развитие видов речевой деятельности. После отбора нескольких функциональных типов иноязычных текстов начинается разработка заданий по работе с текстами. В рамках данного подхода система заданий также должна быть двойственной направленности. На основе иноязычных текстов профессиональной направленности необходимо разработать сначала задания на развитие видов речевой деятельности, а уже потом

задания профессиональной направленности. Это необходимо, во-первых, потому, что одна из целей обучения в рамках интегрированного курса – формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Во-вторых, через выполнение иноязычных речевых заданий обучающиеся будут лучше подготовлены к выполнению заданий, отражающих специфику профессиональной деятельности на иностранном языке.

В научной литературе имеется достаточно много работ, посвященных подходам к разработке заданий. Следует сразу же отметить, что с дидактической позиции существует два подхода к обучению: репродуктивный и проблемный. При репродуктивном подходе обучающиеся воспринимаются в качестве пассивных реципиентов информации. Задания по работе с текстами будут направлены на воспроизведение фактического материала, представленного в пособии. Нередко задания репродуктивного характера сводятся к вопросам, ответы на которые присутствуют в текстах. Проблемный подход же позволяет посмотреть на обучающегося как на активного пользователя и генератора знаний, способного использовать изученный материал в практической деятельности. Кроме того, для внутрипрофильной специализации студентов проблемные задания должны создать такие ситуации общения, которые бы повторяли речемыслительную и профессиональную деятельность студентов из реального профессионального общения.

Среди исследований отечественных ученых, занимающихся разработкой проблемных заданий, широкую известность приобрели работы В.В. Сафоновой, в которых автор предложила систему иноязычных речевых и культуроведческих проблемных заданий, направленных на одновременное формирование всех аспектов иноязычной коммуникативной компетентности обучающихся. Типология проблемных заданий В.В. Сафоновой состоит из пяти типов: поисково-игровые, познавательные-поисковые, познавательные-исследовательские, культуроведчески ориентированные ролевые игры, культуроведческие проекты, включая иноязычные дискуссии [Сафонова, 2001]. Выбор в пользу того или иного типа заданий зависит от возраста, уровня когнитивного развития обучающихся, а также уровня сформированности их иноязычной коммуникативной компетенции. Культуроведческое содержание заданий обусловлено основной адресной аудиторией обучающихся, которые являются учащимися средних общеобразовательных школ и студентами языковых направлений подготовки вузов. При обучении иностранному языку для профессионального общения культуроведческая составляющая может быть дополнена или заменена профессионально ориентированной. По каждому предметно-тематическому модулю на основе

текстов профессиональной направленности преподаватель должен разработать систему речевых заданий.

Этап 6. Разработка заданий профессиональной направленности. После разработки заданий на развитие иноязычных речевых умений необходимо составить и включить в учебные материалы задания профессиональной направленности. При выполнении таких заданий студенты должны выполнять все те же коммуникативно-когнитивные функции, которые они выполняют в реальной жизни в ситуациях профессионального общения. Следует также отметить, что в учебных материалах задания профессиональной направленности не должны быть представлены как-то обособленно в противопоставлении с заданиями на развитие видов речевой деятельности. Наоборот, они должны быть органично интегрированы в общую систему заданий.

Следует также заметить, что практико-ориентированные задания профессиональной направленности не всегда можно разработать в рамках каждого предметно-тематического модуля. В рамках многих направлений подготовки изучаются теоретические профильные дисциплины, направленные на профессиональную осведомленность и не связанные напрямую с практикой. В связи с этим модули интегрированного курса по объективным причинам не всегда будут включать аутентичные задания профессиональной направленности.

Примерами заданий профессиональной направленности в рамках интегрированного курса «Иностранный язык для профессионального общения» на третьем–четвертом курсах гражданско-правового профиля направления подготовки «Юриспруденция» могут служить следующие: «Составьте договор купли-продажи автомобиля» или подготовьте ролевою игру по теме «Заседание суда по гражданским делам».

Выделенные шесть этапов, безусловно, носят условный характер, акцентируя важные моменты, на которые необходимо обращать внимание разработчикам учебных материалов для интегрированного курса иностранного языка для профессионального общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазова Н.И., Баранова Т.А., Халяпина Л.П. Педагогические подходы и модели интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в зарубежной и российской лингводидактике // Язык и культура. 2017. № 39. С. 116–134.
2. Завьялов В.В. Особенности отбора предметной стороны содержания обучения английскому языку студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 177. С. 30–38.
3. Попова Н.В., Коган М.С., Вдовина Е.К. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей

- в техническом вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 173. С. 29–42.
4. Сафонова В.В. Проблемные задания на уроках английского языка. М.: Еврошкола, 2001.
 5. Сафонова В.В., Сысоев П.В. Элективный курс по культуроведению США в системе профильного обучения английскому языку // Иностранные языки в школе. 2005. № 2. С. 7–16.
 6. Сысоев П.В. Дискуссионные вопросы внедрения предметно-языкового интегрированного обучения студентов профессиональному общению в России // Язык и культура. 2019. № 48. С. 349–371.
 7. Сысоев П.В., Завьялов В.В. Особенности отбора содержания обучения письменной речи студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 62–72.
 8. Coyle D. Meaning-making, Language Learning and Language Using: An integrated approach. Inclusive Pedagogy Across the Curriculum // International Perspectives on Inclusive Education. 2015. Vol. 7. P. 235–258.
 9. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes. Cambridge, 1987.
 10. Marsh D. Bilingual education and content and language integrated learning. Paris, 1994.

Pavel V. Sysoyev

STAGES OF THE DEVELOPMENT OF TEACHING MATERIALS FOR CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING

*Moscow Pedagogical State University
119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovka, 1/1*

*Derzhavin Tambov State University
392 000 Russia, Tambov, Internatsionalnaya, 33*

Content and language integrated learning of a foreign language for professional communication is a new approach for Russian higher education. Its distinctive feature lies in the dual purpose of teaching non-language-majoring students: a) a foreign language for professional communication and b) a basic specialty. Achieving the goal of the simultaneous formation of professional foreign-language communicative competence and a number of general professional and professional competencies will be largely determined by the subject-specific content of the integrated course and educational materials developed on the basis of this particular approach. In this paper, the authors points out the relevance of developing educational materials based on content and language integrated learning and contucts six stages of developing teaching materials on subject-specific modules of an integrated course: 1) determination of the content of subject-specific modules of the advanced course; 2) determination of subtopics of each subject-thematic module for study during the integrated course; 3) selection of professionally oriented texts for training; 4) highlighting active vocabulary in selected texts of professional orientation; 5) development of tasks for the development of types of speech activity; 6) development of

tasks of professional orientation. The article details the content of each of the stages.

Key words: content and language integrated learning; stages of development of teaching materials; subject-specific modules; teaching content.

About the author: *Pavel V. Sysoyev* – Dr.habil in Pedagogy, Professor, Director, Foreign language multicultural education research laboratory, Derzhavin Tambov State University, Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University (e-mail: psysoyev@yandex.ru).

REFERENCES

1. Almazova N.I., Baranova T.A., Khalyapina L.P. 2017. Pedagogicheskie podchodi I modeli integririvanogo obychniya inostrannym jazikam I professionalnim disciplinam v zarubezhnoj i rossijskoj lingvodidaktike [Pedagogical approaches and models of integrated foreign languages and professional disciplines teaching in foreign and Russian language didactics]. *YAZYK I KULTURA-LANGUAGE AND CULTURE*, no. 39, pp. 116–134. (In Russ.)
2. Zavyalov V.V. 2018. Osobennosti otbora predmetnoj storony sodержaniya obychniya anglijskomy yazyky studentov napravleniya podgotovki “Jurisprudentsiya” [Selection features of the subject side of the content of English teaching to law students]. *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 23, no. 173, pp. 30–38. (In Russ.)
3. Popova N.V., Kogan M.S., Vdovina E.K. 2018. Predmetno-yazykovoe integririvannoe obuchenie (CLIL) kak metodologiya aktualizatsii mezhdisciplinarnyx svyazey v texnicheskom vyze. *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 23, no. 173, pp. 29–42. (In Russ.)
4. Safonova V.V. 2001. *Problemnije zadaniya na urokakh anglijskogo yazyka* [Problem tasks in English lessons]. Moscow, Euroschool. (In Russ.)
5. Safonova V.V., Sysoyev P.V. 2005. Electivnyj kurs po kulturovedeniju SSHA v sisteme profilnogo obychniya anglijskomy yazyky [Election course on cultural sciences of the USA in the system of profile teaching English language]. *Foreign languages at school*, no. 2, pp. 7–16. (In Russ.)
6. Sysoyev P.V. 2019. Diskussionnie voprosi vnedreniya predmetno-yazykovogo integririvanogo obychniya studentov professionalnomy obscheniu v Rossii [Controversial issues of the introduction of content and language integrated learning approach to teaching foreign language professional communication in Russia]. *YAZYK I KULTURA-LANGUAGE AND CULTURE*, no. 48, pp. 349–371. (In Russ.)
7. Sysoyev P.V., Zavyalov V.V. 2019. Osobennosti otbora sodержaniya obucheniya pismennoj rechi studentov napravleniya podgotovki “Jurisprudentsiya” [Features of English language course content selection for law students for development of writing skills]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 62–72. (In Russ.)
8. Bloom B. 1984. *Taxonomy of Educational Objectives*. Boston, Pearson Education.
9. Coyle D. 2015. Meaning-making, Language Learning and Language Using: An integrated approach. Inclusive Pedagogy Across the Curriculum. *International Perspectives on Inclusive Education*. Vol. 7, pp. 235–258.
10. Hutchinson T., Waters A. 1987. *English for Specific Purposes*. Cambridge, Cambridge University Press.
11. Marsh D. 1994. *Bilingual education and content and language integrated learning*. Paris, University of Sorbonne.

А.В. Брыгина

О ПРОБЛЕМЕ АДАПТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ УЧЕБНЫХ ЦЕЛЕЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена одной из важнейших актуальных проблем методики преподавания русского как иностранного, и шире, преподавания иностранных языков – проблеме адаптации художественного текста. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно-теоретического подхода к данной теме: несформированный теоретико-практический аппарат лингвистического адаптирования текстов затрудняет работу по адаптации исходного текста-оригинала, и, как следствие, осложняет чтение и понимание адаптированного варианта текста. В статье описан опыт многолетней работы автора и представлены результаты сопоставительного анализа текстов оригинальных литературных произведений и их адаптированных вариантов из учебных пособий по русскому языку для иностранцев. Поднимается вопрос о соотношении понятий вторичный текст и адаптированный текст. Научная новизна видится в том, что формулируются понятия лингвистических и нелингвистических принципов адаптирования. Нелингвистические принципы адаптации (цитация, исключение, перестановка) связаны с изменением структуры художественного произведения, а лингвистические принципы (замена, редукция, добавление, инверсия) затрагивают сферу языка. Дается определение понятию адаптированный художественный текст. Предлагается классификация типов адаптированных художественных текстов (текст-фрагмент, текст-монтаж, текст-вариант).

Ключевые слова: вторичный текст; трансформация текста; адаптированный художественный текст; обучение чтению; типы адаптированных текстов; лингвистические/нелингвистические принципы адаптирования; методика преподавания иностранных языков.

Понятие адаптации в филологической науке имеет самые разнообразные аспекты освещения. Существуют направления исследований прагматической, переводческой, интердискурсивной, лингвокультурной адаптации. Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцева рассматривают модель межкультурной адаптации художественного

Брыгина Анна Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anna.brygina@mail.ru).

текста как трансформацию исходного сообщения с целью предотвращения возможного культурного шока, где представление инокультурного текста является собой процесс диалога культур. Выделяются разные виды адаптации (внутренняя, внешняя, частичная, концептуальная), определяются модели адаптации (идеологическая, религиозная, национально-патриотическая, эстетическая, возрастная), предлагается рассматривать категории первичного и вторичного адресата (адаптора и реципиента) [Валуйцева, Хухуни, 2003].

Проблема моделирования модификаций текста исследовалась в трудах как российских, так и зарубежных лингвистов (Chomsky, Halliday, Harris, В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук). Типы и характеристика вторичных текстов рассматривались в работах, посвященных изучению текстов различной жанровой, функционально-стилистической принадлежности (Л.А. Вербицкая, В.И. Карасик, Н.Д. Голев, С.В. Ионова, С.В. Первухина, А.А. Дьякова, Т.Е. Владимирова, Л.И. Майданова). С лингводидактической точки зрения описывали свойства и характеристики вторичного (адаптированного) текста такие исследователи, как А.А. Вейзе, Н.В. Кулибина, Л.М. Яхиббаева, И.С. Трыгуб, А.В. Коротышев.

Л.М. Майданова определяет вторичность текста по параметру смены интенции [Майданова, 1994]. С.В. Ионова обращает внимание на то, что «построение вторичной проекции текста-основы всегда сопровождается потерей определенного количества информации. Но, трансформируясь, обрастая новыми деталями, получая новые ассоциативные импульсы и эмоциональные характеристики, вторичный текст получает новое качество» [Ионова, 2006].

Н.Д. Голев выстраивает классификацию вторичных текстов по нескольким параметрам, один из которых – количественная характеристика: уменьшение объема (рефераты, аннотации), увеличение объема – тексты-комментарии [Голев, 2001: 20]. С.В. Первухина разделяет вторичные тексты на тексты-копии (пересказы, пародии, адаптированные версии книг), тексты-продолжения (циклы книг), тексты-реакции (рецензии, отзывы, аннотации) на основе их когнитивно-семантических связей с текстом источником [Первухина, 2012: 125].

Определяя учебную адаптацию художественного текста как вид вторичного текста (тексты-копии по терминологии С.В. Первухиной), в основу нашей типизации вторичных адаптированных художественных текстов для учебных целей был положен принцип соотношения объема исключаемых и цитируемых фрагментов текста-первоисточника:

1. *Текст-фрагмент*, часть оригинала, первичного текста, в котором преобладает принцип исключения, художественная структура оригинала сохранена в наименьшей степени;

2. *Текст-монтаж*, в котором выше уровень цитируемых фрагментов, а художественная структура оригинала сохранена частично;

3. *Текст-вариант*, в котором преобладает цитация, и художественная структура оригинала сохранена максимально.

Приведем примеры. Сюжет адаптированного текста может развиваться, следуя второстепенной линии сюжета оригинального текста, главным образом, если отрывок взят из произведения большого жанра (повесть, роман). Адаптированный вариант фрагмента повести Д. Хармса «Старуха» из пособия для иностранных учащихся «Начинаем разговор!»¹ – это пример *текста-фрагмента* по данной классификации: учебный текст в адаптации представляет собой диалог главного героя повести с незнакомой женщиной в магазине, второстепенный эпизод сюжета произведения, таким образом, становится главной и единственной сюжетной линией в учебном тексте, имеет законченную структуру с завязкой, развитием действия и развязкой.

Текст повести Г.Н. Троепольского «Белый Бим Черное ухо», адаптированный для иностранцев в пособии «Обучение чтению»², в учебном варианте являет собой пример *текста монтажного типа*. Повесть разделена на двенадцать глав – в учебном варианте мы наблюдаем тот же принцип: те же 12 глав, эпизодов, но каждая глава существенно сокращена в объеме.

В адаптированном рассказе В. Драгунского «Чики-брык» из пособия «Время»³ исключаются повторяющиеся элементы сюжета (описание различных фокусов, которые показывает отец Дениски Кораблёва детям), однако объем учебного текста минимально сокращен. Подобные трансформации мы относим к *текстам-вариантам*.

Адаптированный прозаический художественный текст как текст вторичный стилистически несамостоятелен, однако он несамостоятелен и по содержанию.

Л.В. Сахарный предлагает эффективную экспериментальную методику исследования содержательной структуры текста путем «набора ключевых слов в качестве свернутой перифразы к развернутому тексту» с целью выявить основную семантическую структуру «основного содержания как инварианта цельности» [Сахарный, 1989: 111]. Речевая иерархия, обладая свойством целого благодаря

¹ Лобкова Г.Н. Начинем разговор! / Г.Н. Лобкова, Н.И. Плотникова, А.П. Жорова. М., 1996.

² Журавлева Л.С. Обучение чтению (на материале художественных текстов) / Л.С. Журавлева, М.Д. Зиновьева. М., 1984.

³ Алексеева Н.Н. Время. Учебник русского языка для иностранцев (средний этап) / Н.Н. Алексеева, Э.И. Иванова, Н.В. Дэфье. М., 1996.

замыслу (в понимании Н.И. Жинкина [Жинкин, 1982]), разделяет пространство текста по степени коммуникативной значимости. Преподаватель, адаптирующий текст для учебных целей, таким образом, должен четко разграничивать «существенную» / «несущественную» информацию, коммуникативно значимые *сюжетообразующие* и коммуникативно незначимые *несюжетообразующие* компоненты текста. Несюжетообразующий компонент текста – это слово, словосочетание, предложение или микротекст, при исключении которого не искажается содержательно-смысловый уровень текста, не нарушаются причинно-следственные отношения сюжетной линии. Сюжетообразующий компонент текста, напротив, является смысловым центром текста, его семантическим ядром, исключение такого фрагмента из адаптированного варианта приводит к нежелательным структурно-семантическим искажениям в учебных адаптациях.

В процессе лингводидактической адаптации действуют три нелингвистических приема, связанных с изменением структуры произведения и не затрагивающих сферу языка: *цитация* (дословное сохранение авторского текста), *исключение* (изъятие авторского текста) и *перестановка* (изменение композиции текста оригинала). Примеры приемов лингвистической адаптации (*замена, редукция, добавление, инверсия*) представлены ниже.

Фрагмент оригинального текста Пушкина⁴ слева, справа – его адаптированный вариант из учебного пособия⁵.

Таблица 1

Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни	Мысль о службе сливалась в моём воображении с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни
---	---

В данном примере (табл. 1) мы видим лингвистический прием адаптации *добавление*. Лексическая единица «воображение» является необходимым конкретизирующим элементом содержания, экспликацией семантического ядра высказывания. Благодаря введению в учебный текст данной единицы возможны последующие языковые трансформации, необходимые для закрепления, повторения и контроля понимания и сформированности речевых навыков и умений студента: *О чем мечтал/думал молодой Гринёв? Какие мысли были/вitalи в его воображении?*

⁴ Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. Т. 3: Проза. М., 1986. 527 с.

⁵ Юшманова С.И. Читаем А.С. Пушкина. Капитанская дочка: Пособие для изучающих русский язык как иностранный / С.И. Юшманова, И.П. Абдалян. М., 2014. 240 с.

<p>«Любезный Пётр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне <i>крайняя нужда в деньгах</i>. Готовый ко услугам Иван Зурин»</p>	<p>«Дорогой Пётр Андреич, пришли мне, пожалуйста, с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне <i>очень нужны деньги</i>. С уважением, Иван Зурин»</p>
--	---

Ведущий прием адаптации данного фрагмента (табл. 2) – замена с элементами *цитации* (сохранение элементов аутентичного текста) и *инверсии* (изменение порядка слов: *пожалуйста, пришли мне => пришли мне, пожалуйста*). Курсивом в правой и левой колонке выделены трансформируемые элементы, которые преобразовывают текст в учебном варианте, не меняя его сюжетной основы, но предлагая другие речевые формы этикета, характерные обороты для эпистолярного жанра современного русского языка (*любезный => дорогой...*). Предлагается также фонетическое упрощение разговорного стиля речи *Андреич*, однако вариант адаптации в данном примере является нежелательным вариантом выбора формы для учебного текста: возникает некая фамильярность обращения при использовании данной единицы, а у Пушкина автор письма, напротив, подчёркнуто вежлив.

Таблица 3

<p>Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!»...</p>	<p>Ветер становился сильнее. Облачко превратилось в тучу, которая тяжело поднималась и постепенно закрыла небо. Пошел снег, ветер завыл и началась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло.</p>
--	--

Принцип адаптации данного фрагмента текста – *редукция*, комплексный прием адаптирования, сочетающий элементы *исключения*, *добавления*, *замены*, *инверсии* и *цитации*, их свойства и функции (табл. 3). Данный прием сокращает объем текста путем исключения несюжетообразующих текстовых компонентов и сохранением сюжетообразующих, последние, в свою очередь, переходят в адаптированный вариант с языковыми изменениями или без них. Из

учебного адаптированного текста исключаются изобразительные детали (*мелкий снег=>снег; в белую тучу=>в тучу; вдруг повалил хлопьями => -*), несущественные для развития действия реплики персонажей: «*Ну, барин...*»). Эпизод описания начала метели в пособии для иностранцев тем не менее сохраняет выразительность, метафоричность пушкинского стиля, так как авторы адаптированного варианта выбрали и сохранили ключевой образ фрагмента описания, семантическую доминанту отрывка и перенесли ее в учебный текст без изменений: «*В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло*». Элементы приема замены (*обратилось=>превратилось; сделалась метель => началась метель; подымалась=>поднималась*) выполняют вспомогательную функцию (упрощение, выбор активной лексики для изучающих язык) при ведущем здесь принципе редукции.

Таблица 4

Длинные волосы его были совсем белы	Его длинные волосы были совсем седые
-------------------------------------	--------------------------------------

Пример действия приема *инверсии* представлен в данном отрывке (табл. 4). Изменение следования порядка текстовых единиц – излюбленный приём многих авторов учебных адаптаций художественных текстов. Возникает как бы инверсия наоборот. Экспрессивный порядок слов (*длинные волосы его*), так характерный для языка русской поэзии и прозы, заменяется в учебном варианте прямым порядком, который понятен и привычен иностранному читателю. На наш взгляд, такой пример – некорректный случай адаптации, поскольку инверсивный порядок слов передает стилистику оригинала, мы слышим поэтическое слово Пушкина (а это бесценно!), кроме того, порядок слов аутентичного текста не затрудняет понимание содержательной основы читателям-иностранцам.

Под адаптированным художественным текстом мы понимаем вторичный текст, производный от первоисточника – оригинального художественного текста, трансформированный путем комбинации лингвистических приемов *замены, добавления, редукции, инверсии* и нелингвистических приемов *цитации, исключения и перестановки*. Учебный адаптированный художественный текст для иноязычной аудитории, с одной стороны, сохраняет элементы оригинального текста (*цитация*), а с другой стороны, трансформирует текст-первоисточник (приемы *редукции, замены, добавления, инверсии, а также исключения и перестановки*) согласно целям и задачам обучения, вследствие чего достигается большая коммуникативная

успешность по сравнению с текстом оригинала, возрастает его учебно-познавательная ценность.

Ведущая тенденция учебного адаптирования – это сокращение объема оригинального текста, которое достигается благодаря приемам *редукции* и *исключения*. Исключение – прием простой, связанный с формально-структурным изменением первоисточника, а редукция – прием комплексный, совмещает элементы замены и незамены, языковые трансформации и цитированные фрагменты. Для успешной лингводидактической адаптации особенно важно дифференцировать приемы исключения и редукции и правильно их применять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голев Н.Д.* К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 3. Сб. статей / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул, 2001. С. 20–27.
2. *Жинкин Н.Н.* Речь как проводник информации. М., 1982.
3. *Ионова С.В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград, 2006. URL: <http://textarchive.ru/c-1518848-pall.html> (дата обращения: 11.03.2020).
4. *Майданова Л.М.* Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – Текст – Культура: Колл. монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. С. 81–104.
5. *Первухина С.В.* Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 2. Т. 1: Филология. С. 116–125.
6. *Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику. Л., 1989.
7. *Хухуни Г.Т., Валуїцева И.И.* Межкультурная адаптация художественного текста. М., 2003.

Anna V. Brygina

ON THE ISSUE OF ADAPTATION OF LITERARY TEXTS FOR EDUCATIONAL PURPOSES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with one of the most important issues of current methodology of teaching Russian as a foreign language, and, on a larger scale, of teaching foreign languages, which is the problem of adapting a literary text. The study is relevant today because there is a need to introduce a scientific and theoretical approach to this problem, since the underdeveloped theoretical and practical system of tools complicate the adaptation of the original text, and, consequently, the reading and understanding of the adapted version of the text. The article describes the author's long-standing experience and presents the results of the comparative analysis of

authentic literary texts and their adapted versions taken from Russian textbooks for foreigners. The question is raised concerning the correlation between the concepts of a secondary text and an adapted text. The academic novelty of the research consists in formulating the concepts of linguistic and non-linguistic principles of adaptation. The non-linguistic principles (citation, deletion, reordering) relate to the structural changes in the work of fiction, while linguistic principles (replacement, reduction, addition, inversion) belong to the sphere of language. A definition is given to the concept of an adapted literary text. A classification is proposed for the types of adapted literary texts (fragment text, editing text, variation text).

Key words: secondary text; text transformation; adapted literary text; reading instruction; types of adapted texts; linguistic / non-linguistic principles of adaptation; foreign language teaching methodology.

About the author: *Anna V. Brygina* – PhD in Philology, Assistant Professor, The Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communications, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anna.brygina@mail.ru).

REFERENCES

1. Golev N.D. 2001. *K osnovaniyam derivatsionnoi interpretatsii vtorichnykh tekstov* [On the bases of derivational interpretation of secondary texts] In Pishchal'nikova V.A. (ed.) *Yazykovoe bytie cheloveka i ehtnosa: psikholingvisticheskii i kognitivnyi aspekty* [Linguistic existence of man and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects], pp. 20–27. (In Russ.)
2. Zhinkin N.N. 1982. *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a Conductor of Information]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
3. Ionova S.V. 2006. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of the content of secondary texts]. Volgograd, Izdatel'stvo VolGU. URL: <http://textarchive.ru/c-1518848-pall.html> (accessed: 11.03.2020). (In Russ.)
4. Majdanova L.M. 1994. *Rechevaya intentsiya i tipologiya vtorichnykh tekstov* [Speech intention and typology of secondary texts] In Kupina N.A., Matveeva T.V. (eds.) *Chelovek – Tekst – Kul'tura* [Human-Text-Culture], pp. 81–104. (In Russ.)
5. Pervuhina S.V. 2012. *Kognitivno-semanticheskaya svyaz' vtorichnykh tekstov i ikh tekstov-istochnikov* [Cognitive-semantic connection of secondary texts and their source texts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 2, vol. 1, pp. 116–125. (In Russ.)
6. Saharnyj L.V. 1989. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU. (In Russ.)
7. Huhuni G.T., Valujceva I.I. 2003. *Mezhkul'turnaya adaptatsiya hudozhestvennogo teksta* [Intercultural adaptation of a literary text]. Moscow, Prometej. (In Russ.)

ЮБИЛЕИ

В.В. Робустова

К ЮБИЛЕЮ ГАЛИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ МОЛЧАНОВОЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Настоящая статья посвящена юбилею многогранного ученого, талантливого человека и опытного руководителя, профессора Галины Георгиевны Молчановой. Научные интересы Г.Г. Молчановой охватывают широкий спектр направлений и тематик в области когнитивной лингвистики, поликодовости межкультурной коммуникации, кластерной вербалики и невербалики, меметики и других прорывных междисциплинарных направлений. В фокусе

Робустова Вероника Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ni-karbs@yandex.ru).

особого внимания находятся вопросы когнитивной поликодовости коммуникации а) в речи; б) в тексте/дискурсе, мифотехнологии как средство превращения сознания в политическом дискурсе, когнитивная мемология, интертекстуальность как семиотический код, семиотические подходы к изучению текста и дискурса. Авторские курсы «Семиотика в межкультурной коммуникации», «Современные техники и подходы к исследованию текста/дискурса», «Когнитивные исследования в языке и межкультурной коммуникации, межкультурная адаптация текста и перевод» являются платформой для развития студентов и формирования новых молодых кадров для науки и образования. Педагогическая, научная и административная сферы деятельности Г.Г. Молчановой рисуют портрет яркого ученого и незаурядной личности, ее энергия и неиссякаемый научный потенциал дают стремительное развитие и поддержку всем тем, кто изо дня в день работает с удивительным юбиларом.

Ключевые слова: юбилей Галины Георгиевны Молчановой; научная деятельность; педагогические достижения; новые междисциплинарные направления.

24 октября 2020 года отмечает юбилей Галина Георгиевна Молчанова, почетный работник профессионального высшего образования Российской Федерации, лауреат Ломоносовской премии за педагогическую деятельность, обладатель благодарности Президента Российской Федерации за достигнутые трудовые успехи, заслуги в гуманитарной сфере, активную общественную деятельность и многолетнюю добросовестную работу, доктор филологических наук, профессор, декан и заведующая кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

В научных кругах Галина Георгиевна Молчанова известна в стране и за рубежом как ведущий специалист по языкознанию, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации и переводу. Область научных интересов – культуроспецифичные механизмы вербализации внеязыковой действительности, невербальные аспекты межкультурной коммуникации и прагматики, кластерная невербалика и вербалика в коммуникации и культуре, лингвоэкология и лингвотаксичность. Автор более 120 научных трудов, среди которых монографии: «Английский как неродной», «Имплицативная семантика текста» учебники и учебные пособия: «Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации», «Text Study» и др. Более 45 лет Галина Георгиевна читает оригинальные курсы лекций по своей специализации, которые пользуются неизменным успехом среди студентов и аспирантов: «Введение в межкультурную коммуникацию», «Семиотика в межкультурной коммуникации»; «Когнитивные исследования в языке и межкультурной коммуникации, межкультурная адаптация текста и перевод»; «Современные техники и подходы к исследованию

текста/дискурса»; «Функциональная стилистика английского языка»; «Семиотические взаимодействия в языке и культуре».

Несомненной заслугой Г.Г. Молчановой является то, что в своей многолетней научной деятельности она сумела соединить традиционные классические подходы гуманитарных наук с новыми научными тенденциями междисциплинарности и гибридизации, реализовать холистический подход к изучению как фундаментальных, так и прикладных вопросов лингвистики. Научные горизонты Галины Георгиевны бесконечны, рожденные на них идеи характеризуются высочайшей степенью актуальности, новизны, теоретической и практической значимостью в сочетании с ясным языком и увлекательностью изложения. Особое место в научно-исследовательской и педагогической деятельности Г.Г. Молчановой занимают труды, связанные с реализацией идей когнитивной лингвистики, что свидетельствует о ее постоянном стремлении расширить область научных поисков, осветить наиболее трудные для решения вопросы и проблемы, вдохновляя своей энергией и увлеченностью учеников и последователей. В настоящее время Г.Г. Молчанова работает над проектом «Когнитивные коды коммуникации как средства формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения». Исследует современные коды коммуникации как новой модели порождения знания в рамках научно-образовательной школы МГУ «Фундаментальные исследования мирового культурного наследия». Изучает как традиционный вербальный инструментарий для осуществления успешного межкультурного общения, так и разнообразные невербальные коды и способы семиотического выражения, как визуальные, так и аудиальные, синестетические: кинесика, гаптика, хронемика, проксемика, гастика, окулистика, ольфакция, хроматика и др. Г.Г. Молчанова является научным руководителем междисциплинарной магистерской программы «Коммуникативные коды в современном межкультурном пространстве», цель которой инкорпорировать в образовательный процесс передовые научные разработки заявленной тематики.

Незаурядный талант Г.Г. Молчановой как ученого, теоретика, практика и организатора проявился в достижениях научно-исследовательской, учебной и общественно-социальной деятельности возглавляемого ею коллектива факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, находящегося на передовых позициях современной вузовской гуманитарной науки. Научно-организаторский талант и энергия Г.Г. Молчановой реализуются в умении проводить на высоком профессиональном уровне международные научные конференции, выступать заместителем председателя Диссертационного совета МГУ 10.13., членом Дис-

сертационного совета МГУ 10.07., членом экспертной комиссии ВАК РФ, сопредседателем секции «Регионоведение России» ФУМО ВО УГСН «Политические науки и регионоведение», заместителем главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация», возглавлять приоритетное научное направление «Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация», выступать председателем Ученого совета факультета, председателем жюри универсиады «Ломоносов» по лингвистике, культурологии и регионоведению, председателем жюри олимпиады «Ломоносов» по иностранным языкам.

Мы, коллеги и ученики, благодарны Галине Георгиевне не только за ее вклад в науку, но и за искренность и интеллигентность, изысканность и элегантность, щедрость и доброту, открытость и стремление найти общий язык в любых ситуациях. Ее порядочность, преданность общему делу, любовь к ученикам и коллегам, готовность всегда оказать профессиональную и человеческую поддержку, снизили ей авторитет и всеобщее уважение.

Поздравляем Вас, дорогая Галина Георгиевна!

Ваши коллеги, ученики, соратники

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молчанова Г.Г. Типы и техники мемовтики как механизм формирования нового знания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 9–24.
2. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменению дискурса нового поколения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.
3. Молчанова Г.Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–20.
4. Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.
5. Молчанова Г.Г. Английский язык как неродной: Текст, Стиль. Коммуникация. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Veronika V. Robustova

TO GALINA G. MOLCHANOVA JUBILEE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article is dedicated to the jubilee of the outstanding scientist, talented person and experienced leader, Professor Galina Georgievna Molchanova. Scientific interests of G.G. Molchanova cover a wide range of areas and topics in the field of cognitive

linguistics, polycodal models of intercultural communication, clustering approach in verbal and non-verbal communication studies, memetics and other breakthrough interdisciplinary areas. The focus of special attention is on the issues of the cognitive and polycodal aspects of communication a) in speech; b) in text/discourse, mythology as a means of mind transformation in political discourse, cognitive memology, intertextuality as a semiotic code, semiotic approaches to the study of text and discourse. Author's courses "Semiotics in intercultural communication", "Modern techniques and approaches to the study of text/discourse", "Cognitive studies in language and intercultural communication, intercultural adaptation of text and translation" are a platform for the development of students and the formation of young researchers. Achievements in pedagogical, scientific and administrative work spheres of G.G. Molchanova present a portrait of a brilliant scientist and an outstanding personality, her energy and inexhaustible scientific potential give prompt development and support to all those who work day after day with Galina Georgievna.

Key words: jubilee of Galina Georgievna Molchanova; scientific activity; pedagogical achievements; new interdisciplinary directions.

About the author: *Veronika V. Robustova* – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nikarbs@yandex.ru).

REFERENCES

1. Molchanova G.G. 2020. Tipy i tekhniki memetiki kak mekhanizm formirovaniya novogo znaniya [Types and techniques of memetics as a means of new knowledge formation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–24. (In Russ.)
2. Molchanova G.G. 2019. Kognitivnye podkhody k izmeneniyu diskursa novogo pokoleniya [Cognitive approaches to the new generation worldview]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)
3. Molchanova G.G. 2018. Kognitivnaya sinesteziinaya metafora i teoriya napryazhennosti [Cognitive synesthetic metaphor and the theory of tension]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2014. *Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoi kommunikatsii: verbalika i neverbalika* [Cognitive polycode intercultural communication: verbal and non-verbal]. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russ.)
5. Molchanova G.G. 2007. *Angliiskii yazyk kak nerodnoi: Tekst, Stil'*. *Kommunikatsiya* [English as a foreign language: Text, style, culture, communication. A Textbook]. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russ.)

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

К публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» принимаются статьи, представляющие результаты оригинальных научных исследований, а также вспомогательные материалы учебно-методического характера; библиографические обзоры и рецензии на новейшие отечественные и зарубежные исследования по проблемам лингвистики и межкультурной коммуникации, обучения иностранным языкам, по культурологии и регионоведению.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статей:

- текстовый редактор Microsoft Word (версии 97–2003 и т.д.);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный межстрочный интервал;
- поля: 2,54 и 3,17 см;
- **объем рукописи до 25 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – строго до 17 тыс. знаков с пробелами).**

Требования к форме предоставления статей:

- текст присылается на электронный адрес редколлегии (vestnik19@yandex.ru) в формате .doc или .docx (Word 1997–2003 и т.д.);
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо выслать отдельными файлами в формате .tif.

Статья должна содержать следующие обязательные элементы:

- аннотацию на русском языке (150–200 слов), на английском языке (200 слов) и ключевые слова (до 20 слов) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия; имя; отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения; контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- пристатейные библиографические списки (ссылки на цитируемые исследования должны быть оформлены в тексте в виде внутритекстовых ссылок; ссылки на источники даются в виде подстрочных сносок, список процитированных исследований должен быть вынесен в конец статьи в виде списка литературы и references).

Помните, что несоблюдение требований к оформлению может существенным образом усложнить процесс публикации статьи. **Подробнее требования изложены на сайте журнала** – <http://www.fl.msu.ru/research/vestnik/article-publication.php>

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.